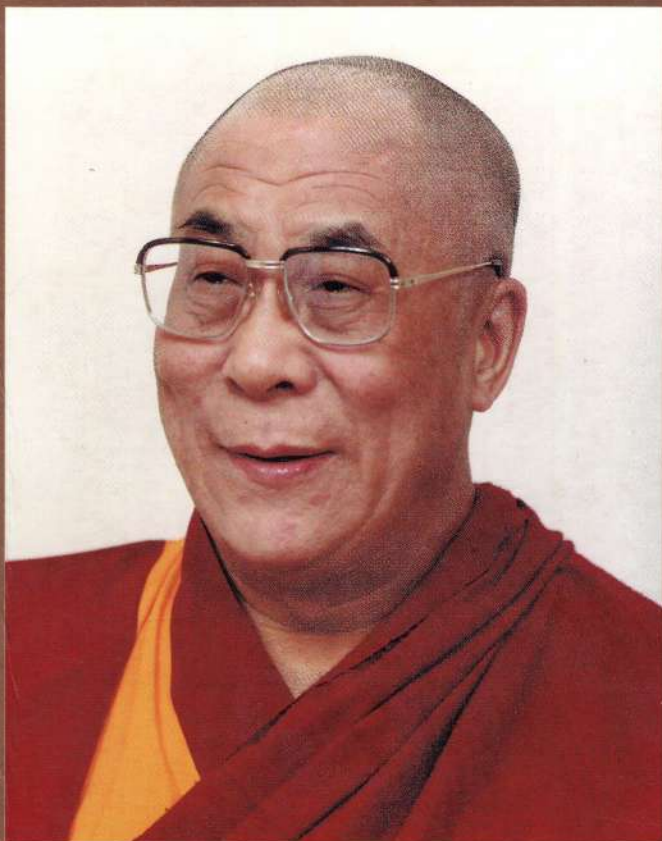

МОЯ СТРАНА И МОЙ НАРОД

Воспоминания

Его Святейшества Далай-ламы XIV

༄། རྒྱལ་ཁྱིལ་ཡུལ་དང་རྒྱལ་ཁྱིམ་མང་།།

Его Святейшество Далай-лама XIV во время церемонии
официального принятия государственной власти в Тибете.
17 ноября 1950 года.

ДАЛАЙ-ЛАМА

МОЯ СТРАНА И МОЙ НАРОД

Воспоминания

Его Святейшества Далай-ламы XIV

Центр тибетской культуры и информации
«Нартанг»
«Corvus»

Санкт-Петербург
2000

УДК 294.3
Д 15
ББК 86.3

Перевод А. Терентьева

MY LAND AND MY PEOPLE

BY HIS HOLINESS THE XIV DALAI LAMA
OF TIBET

© А. Терентьев, перевод, 2000

Tibet Culture & Information Centre
Moscow
2000

СОДЕРЖАНИЕ

*Dedicated to the 50th Anniversary
of His Holiness the XIV Dalai Lama
Assuming Spiritual and Temporal
State Responsibility of Tibet
(November 17, 1950)*

*Посвящается 50-й годовщине принятия
светской и духовной власти в Тибете
Его Святейшеством Далай-ламой
(17 ноября 1950)*

От издательства	6
Предисловие	7
Глава первая. Крестьянский сын	11
Глава вторая. В поисках Пробуждения	34
Глава третья. Душевный покой	52
Глава четвертая. Тибет и наш сосед Китай	65
Глава пятая. Вторжение	78
Глава шестая. В коммунистическом Китае	103
Глава седьмая. Репрессии и возмущения	125
Глава восьмая. Паломничество в Индию	139
Глава девятая. Восстание	158
Глава десятая. Кризис в Лхасе	169
Глава одиннадцатая. Бегство	200
Глава двенадцатая. В эмиграции	210
Глава тринадцатая. Настоящее и будущее	220
Приложения	243
1. Буддизм Тибета	243
2. Документы ООН	262
3. Общечеловеческий подход к проблеме мира	283
Индекс имен и географических названий	307

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Эта книга была написана Его Святейшеством в 1962 году, вскоре после эмиграции в Индию, и почти сразу её перевели на десятки языков мира. На русском же языке раньше появилось более позднее автобиографическое сочинение Далай-ламы "Свобода в изгнании"* . Интересно, что, хотя многие события описываются в обеих книгах, их изложение нигде не дублируется, а, скорее, дополняет друг друга, вводя в рассмотрение другие детали происшедшего. В этом состоит особый интерес данного издания по сравнению с уже известной российскому читателю книгой.

В целом перевод выполнялся с английской версии книги, однако в отдельных местах, где в английском переводе были замечены явные ошибки, они исправлялись по тибетскому тексту, опубликованному в 1996 году в Индии: Ta-la'i bla-ma. Ngos-kyi yul dang mi-dmangs. Sherig parkhang (ТСПП). Dharamsala, 1996.

Приложение «Общечеловеческий подход к проблеме мира» перепечатано с издания «Далай-лама XIV. Буддизм Тибета.» Нартанг-Угунс. 1991. Перевод Б.Лаврентьева (при участии С. Аникеевой) под редакцией Г. Волинского. Заключительное стихотворение переведено с тибетского языка М. Кожевниковой.

Издание осуществлено по заказу Центра тибетской культуры и информации.

* Свобода в изгнании. Автобиография Его Святейшества Далай-ламы Тибета. СПб.: Нартанг, 1992.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда армии китайских коммунистов в 1950 году вошли в Тибет и оккупировали его восточную часть, мой народ и я оказались в беспомощной и почти безнадёжной ситуации. Мы обратились к нескольким из ведущих стран и в ООН с просьбой вмешаться и защитить нас, по наши просьбы о помощи были отклонены.

Много столетий прошло с тех пор, как Тибет перестал быть военной державой, ибо после того, как более тысячи лет назад в нашу страну из Индии была принесена мудрость Будды, мы верим в путь мира и всегда пытаемся ему следовать. С тех пор жизнь нашего народа была посвящена религии, а наши материальные ресурсы оставались весьма ограниченными.

Итак, поскольку нам было отказано в помощи других стран, вскоре мы были подавлены вооруженной мощью Китая. Мы послали делегацию в Пекин в надежде подписать достойный договор, но с помощью угроз делегацию вынудили подписать отказ от нашего суверенитета. Наше правительство никогда не ратифицировало этот договор, который был нам навязан, но всем нам было ясно, что, если бы мы его отвергли, то неизбежно последовали бы еще большие кровопролитие и разрушение.

Для того чтобы спасти народ от еще худших бедствий, я и мое правительство пытались следовать подписанному соглашению, каким бы нечестным и несправедливым оно ни было. Но китайцы нарушили даже все те обязательства, которые они брали на себя в рамках этого соглашения. Мрачная трагедия, последовавшая в Ти-

бете, была подробно описана в докладах Международной комиссии юристов.

В данной книге я попытался дать личное описание нашей жизни в Тибете и тех печальных событий, которые привели эту жизнь к концу. Я также упоминаю о некоторых принципах буддизма и о пути следования от страдания к счастью, потому что невозможно понять Тибет без хотя бы небольшого знакомства с нашей религией. Я являюсь последовательным сторонником доктрины ненасилия, которая впервые была проповедована Буддой, чья мудрость абсолютна и безошибочна, а в нашем столетии практиковалась индийским святым и политическим деятелем Махатмой Ганди. Поэтому с самого начала я был убежденным противником всех попыток вернуть нашу свободу с помощью оружия. Все мои усилия за эти годы были направлены на поиск честной и мирной договоренности с Китаем, и я во всех случаях пытался убедить соотечественников отказаться от применения насилия, несмотря на то, что это вызывало неудовольствие некоторых из них.

В течение девяти лет мне удавалось убедить тех моих подданных, которые были под контролем тибетского правительства, не начинать вооружённую борьбу против китайской оккупации, потому что я верил, что это безнравственно, и знал, что это приведет к ухудшению положения обеих сторон. Но в восточной части страны, которая была уже захвачена, ни я, ни мое правительство не имели никаких средств влияния на народ, и там разгорелось восстание против китайцев. В конечном счете насилие со стороны захватчиков стало невыносимым по всей стране, и терпение моего народа кончилось.

Такова история, которую я постарался рассказать, как мог, стараясь быть понятным для каждого. И я рад

предоставить моим читателям возможность сформировать свое собственное мнение и выводы о происшедшем. По я должен добавить, что мы, тибетцы, не чувствуем ненависти к великому китайскому народу, хотя представители этого народа в Тибете и обращались с нами столь варварски. Наше единственное желание - жить в мире и дружбе со всеми соседями, включая китайцев, и в этом мы просим помощи всех мужчин и женщин, кому дороги принципы терпимости и доброты.

Я хотел бы выразить мою искреннюю благодарность Дэвиду Говарду за его советы и помощь в подготовке *той* книги, а также Сонаму Табге Кази за мастерский перевод при нашем общении с м-ром Говардом.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН

Я родился на северо-востоке Тибета в небольшой деревушке Такцер на пятый день пятого месяца года дерна-свины по тибетскому календарю, то есть 6 июля 1935 года. Такцер расположен в районе Докхам, и название это носит описательный характер, потому что "до" означает нижнюю часть долины, которая переходит в равнину, а "Кхам" название восточной части Тибета, где наши горы начинают понижаться к восточным равнинам, в направлении Китая. Сам Такцер находится на высоте примерно 9 тыс. футов над уровнем моря.

Это была прекрасная страна. Наша деревня, которая находилась на небольшом плато, была почти окружена плодородными полями пшеницы и ячменя, и плато в свою очередь было окружено кольцами холмов, покрытых травой, густой и ярко-зеленой. К югу от деревни была гора выше остальных. Она называлась Ами-чхири, но местные жители также называли ее "гора, пронизывающая небо". Эта гора считалась жилищем духа-защитника местности. Ее нижние склоны были покрыты лесами, а над ними были видны зеленые луга. Выше же скалы были голые, а на верхушке лежала шапка снега, которая никогда не таяла. На северном склоне горы росли тополя и можжевельник, персики, сливы и орехи, много разных ягод и ароматных цветов. Чистые воды источников падали каскадами водопадов, а птицы

и дикие животные - олени, дикие ослы, обезьяны и даже несколько леопардов, медведей и лис, ходили, не боясь человека, потому что наши сограждане - буддисты и никогда по своей воле не убивают существ.

Среди прелестей природы стоял монастырь, именуемый Карма Шар Цонг Ридро, который знаменит в религиозной истории Тибета. Он был основан Кармапой Ролби Дордже, четвертым воплощением Кармап, который был первым *перерожденцем*, признанным в Тибете. Именно в этом монастыре наш великий учитель Цонкапа был посвящен в монахи в 14-м столетии христианской эры. Ниже, величественно выделяясь на фоне горы, стоял второй монастырь, Амдо Джакьюнг. Его позолоченные крыши с дхармачакрой - "колесом учения", которое с двух сторон поддерживалось оленями из позолоченной меди, не только украшали ландшафт, но и придавали всему окружающему дух святости. И этот дух усиливался молитвенными флагами на крышах всех домов деревни.

Такцер был крестьянской общиной, и основную пищу его населения составляли пшеничная мука и цампа, жареная ячменная мука, а также мясо и масло. А напитками служили чай с маслом и ячменная брага, называемая чанг. Среди буддистов есть разные мнения относительно употребления в пищу мяса, но для большинства тибетцев - это необходимость. В большей части Тибета климат суров, и, хотя пищи много, она не разнообразна, поэтому было бы невозможным сохранять здоровье без употребления мяса. Этот обычай восходит к древним временам, задолго до того, как буддизм пришел в нашу страну. Тибетцы считают греховным убивать любое животное по каким бы то ни было причинам, но не считают грехом пойти на рынок и купить мясо животного, кото-

рое уже убито. Мясники же, убивающие животных, считаются грешниками и изгоями.

Избыток ячменя и пшеницы жители Такцера продавали в ближайших городах Кумбуме и Синине в обмен на чай, сахар, хлопчатобумажную ткань, украшения и изделия из железа. Одежда народа была чисто тибетской: мужчины носили меховые шапки и высокие кожаные сапоги, а также "чубу" - своего рода пальто, которое с некоторыми изменениями встречается по всему Тибету. Оно подпоясывается ниже талии и свисает складками, которые используются как карманы. Женщины носили длинные шерстяные платья без рукавов с яркими блузами из хлопчатобумажной ткани или шелка. По каждому особому случаю делали длинные прически с украшениями, которые позволяли волосам сзади свисать до талии. Зимой все носили меховые шубы и одежды с толстым шерстяным бельем. Как и их сестры и других частях света, тибетские женщины любили украшения и драгоценные камни. Большинство мужчин и деревне больше гордились тем, что их женщины прекрасно готовили.

[3 окрестности было много других монастырей и храмов, куда любой мог прийти молиться и делать подношения, монахом он был или нет. В действительности вся жизнь была основана на религии. Вряд ли был хоть кто-то во всем Тибете, кто не был бы истовым буддистом. Даже дети уже с того времени, когда начинали разговаривать, с удовольствием приходили в места, где находились символы *Трех Драгоценностей* - Будды, Учения и Общины. Дети строили храмы из глины, раскладывали перед ними подношения и делали жесты поклонения, которым их никто не учил. Каждый, богатый или бедный, за исключением немногих скупердяев, после того, как покупал необходимое для жизни, все сво-

бодные деньги тратил на постройку религиозных памятников, подношения храмам, *Трем Драгоценностям*, раздачу милостыни беднякам и на спасение жизни животных (это делали, выкупая животных у мясников).

Те, кто были побогаче, всегда имели дома алтарную комнату, и несколько монахов получали пищу в этих домах в обмен на постоянные молитвы. А иногда в дом приглашали сотни монахов, чтобы те хором читали священные тексты целыми днями. Их кормили и оплачивали их труд. Даже беднейшие всегда имели маленький алтарь и изображение Будды в своих хижинах, и масляные лампы всегда горели перед образами.

Хотя в основном жители Докхама были людьми высокими и сильными, а по природе храбрыми и, может быть, жесткими, эти качества были сильно смягчены их верой. Смирность и добродетель, терпимость, доброта, сострадание и забота обо всех существах - таковы были добродетели, которые поощрялись религией.

Среди таких добрых людей я и родился в семье чисто тибетского происхождения. Хотя моя семья жила в Докхаме, предки мои пришли из Центрального Тибета. Как они поселились в Восточном Тибете, объясняется просто. Сотни лет назад во время правления короля Мангсонг Мангцена тибетская армия находилась в северо-восточной части Тибета для защиты границ. В нашей части Докхама был расквартирован гарнизон из Пхемпо в Центральном Тибете. Семейная традиция говорит, что мои предки пришли с этим гарнизоном. В нашем семейном диалекте мы до сих пор используем много слов из диалекта района Пхемпо, больше, чем из восточного диалекта. Например, слова наподобие "чини" для сосуда и "кенбу" вместо ложки. За исключением последних двух поколений, члены моей семьи всегда были старейшинами нашей деревни и носили титул Чижа нангцо.

Чижа - это название места, а нангцо означает - внутренний страж.

Я всегда был рад, что происхожу из скромной семьи крестьян. Мою деревню я оставил, когда был еще очень ЦДЦ, о чем я еще расскажу. Но и годы спустя, когда я но возвращался из Китая, я ненадолго заехал в Такцер и не мог не ощутить чувство гордости, когда увидел мою родную деревню и мой дом. Я всегда чувствовал, что, если бы я родился в богатой аристократической семье, я не смог бы так ценить чувства скромных низших классов тибетцев. Благодаря моему низкому рождению, я хорошо понимаю их мысли и чувства. Именно поэтому я Испытываю такую сильную симпатию и сострадание к ним и изо всех сил стараюсь хоть что-то улучшить в их жизни, в их судьбе.

Семья наша была большой, - у меня было две сестры и четверо братьев, причем все довольно разного возраста. Моя мать родила шестнадцать детей, но девять из них умерли в младенчестве. Вся семья была тесно связана узами любви и доброты. Отец был очень добрым человеком, но в то же время весьма раздражительным, хотя и гнев его никогда не длился долго. Он не был высоким или сильным, и не был образован, но обладал природным умом и смекалкой. Особенно он любил лошадей и много скакал на них. Также он имел талант выбирать Хороших лошадей и умел их лечить.

Мать была человеком добрым и любящим. Она всем сочувствовала, и с удовольствием готова была отдать собственную пищу голодным, оставшись голодной сама. Но, хотя она и была столь мягкой, в семье правила она. Кроме того, она была гибка и дальновидна, поэтому После того, как я был возведен на трон и это открыло новые возможности для семьи, она постаралась, чтобы ее остальные дети получили соответствующее образование.

Вся наша жизнь была основана на земледелии, но, кроме того, мы держали скот, лошадей, выращивали овощи в огороде. Обычно в нашем хозяйстве было пять рабочих, а большая часть работы совершалась членами самой семьи. Но на несколько дней сбора урожая мы иногда нанимали от 15 до 40 рабочих. Кроме того, в нашей деревне был обычай помогать друг другу, когда какой-то семье нужна была помощь. А в то время, когда я был малышом, когда моя мама уходила работать в поле, она обычно носила меня на спине и оставляла меня спать на углу поля под зонтиком, воткнутым в землю.

Дом наш был квадратным строением с двором посередине. Он был одноэтажным, и нижняя часть была построена из камня, а верхняя - из глины. Края плоской крыши были выложены бирюзовой плиткой. Главные ворота были с южной стороны, со стороны Амичхири, а верхняя часть ворот, как традиционно принято в Тибете, была украшена копьями и флагами. Молитвенные флаги также развевались на вершине высокого шеста в середине двора. С задней стороны дома был двор, где содержались лошади и мулы. Перед главными воротами на привязи бегал тибетский мастиф, который охранял дом от незваных вторжений. У нас было восемь коров и семь дзомо. Дзомо - это смесь яка и коровы (слово "як" означает только животное мужского пола, так же как и слово "бык"; женская особь яка называется дри). Мать доила дзомо сама, и как только я научился ходить, я обычно следовал за ней в хлев с чашкой, которая была в складках моей одежды, и она давала мне теплое молоко дзомо. Ещё у нас были куры, и мне разрешали ходить в курятник собирать яйца. Это, наверное, одно из моих наиболее ранних воспоминаний. Я помню, как забирался в куриные гнезда и как там квохтали несушки.

Жизнь нашей семьи была простой, но жили мы счастливо и в довольстве. В большой степени довольством этим мы были обязаны Тубтену Гьяцо, 13-му Далай-ламе, который на протяжении многих лет оставался духовным и светским правителем Тибета.

Но время своего правления он прояснил и определил статус Тибета как независимой нации и много сумел сделать для улучшения жизни народа. Восточные районы, где мы жили, находились под светским правлением Китая, но он оставался духовным лидером и жил там около года, так что и местные люди испытали его непосредственное влияние. В своем завете, который он оставил народу, говорилось: "После того, как я принял на себя обязанности духовного и светского руководства, у меня не бывало времени для отдыха и удовольствий. Днем и ночью размышлял я с тревогой над проблемами религии и государства для того, чтобы решить, как они должны развиваться наилучшим образом. Я должен был раздумывать над благодеянием крестьянства, как устранить их беды и как открыть три двери - современности, беспристрастности и справедливости".

Благодаря его трудам народ Тибета наслаждался долгим периодом мира и процветания. Сам он говорил: "С этого года, с года воды-быка, и до настоящего времени года воды-обезьяны, страна Тибета была счастливой и процветающей. Сейчас она совсем как новая страна, и народ доволен и счастлив".

По в год воды-птицы, то есть в 1933 году, Тубтен Гьяцо ушел из этого мира. И как только новость распространилась по Тибету, народ почувствовал себя оставленным. В нашу деревню печальную новость принес мой отец. Он был на рынке в Кумбуме и услышал это в тамошнем монастыре. 13-й Далай-лама сделал так много для мира и процветания Тибета, что народ решил пост-

роить золотой мавзолеей, совершенно особый, в качестве знака своей благодарности и почтения. По древнему обычаю эта прекрасная могила была воздвигнута внутри дворца Поталы в Лхасе - столице Тибета.

С уходом 13-го Далай-ламы начались поиски его перерождения, поскольку каждый Далай-лама является перерождением своего предшественника. Первый родился в 1391 году как воплощение Ченрезы, на санскрите - Авалокитешвары, Будды сострадания, принявшего обет защищать всех существ.

Вначале Национальная ассамблея назначила регента, который должен был управлять страной, пока новый воплощенец не будет найден и не повзрослеет. Затем, в согласии с древними обычаями и традициями, в качестве первого шага к нахождению места, где должно было появиться новое воплощение, на консультации были призваны государственные оракулы и ученые ламы. К северо-востоку от Лхасы были замечены любопытные формы облаков. И люди вспомнили, что после смерти Далай-ламы его тело, помещенное на троне в Норбулинке, летнем дворце Далай-лам в Лхасе, было повернуто к югу, но через несколько дней заметили, что лицо его повернулось к востоку. Кроме того, на деревянном столбе с северо-восточной стороны храма, где находилось тело, вдруг появился громадный гриб в форме звезды. Все эти и другие знаки указывали направление, в котором следовало искать нового Далай-ламу.

Затем в 1935 году, в год воды-свиньи, регент отправился на священное озеро Лхамо Лхацо, в Чойкхоргьяле, около 90 миль на юго-восток от Лхасы. Тибетцы верят, что в водах этого озера могут явиться видения о будущем. Таких священных озер в Тибете много, но Лхамо Лхацо наиболее известно. Иногда, как говорят,

видения появляются в форме букв, иногда как картины мест и будущих событий. Несколько дней было проведено в молитвах и медитации, затем регент узрел видении трех тибетских букв: А, Ка и Ма. И ещё - видение монастыря с нефритово-зелеными и золотыми крышами, а также дома с лазурной плиткой. Подробное описание этих видений было записано и держалось в строгом секрете.

В следующем году высшие ламы и высокопоставленные лица, хранившие тайны этих видений, были посланы по все части Тибета, чтобы найти место, которое регент увидел в водах озера. Те мудрецы, которые были (отправлены на восток, прибыли в наш Докхам зимой и увидели зеленые и золотые крыши монастыря Кумбум. А и деревне Такцер они заметили и дом с лазурными плитками на крыше. Начальник группы спросил, есть ли дети в семье, живущей в этом доме. И ему ответили, что там есть мальчик, которому почти два года.

Услышав эту важную новость, решили послать двух членов группы в этот дом переодетыми, вместе со слугой и двумя местными монастырскими служителями в качестве проводников. Младший монах главной партии, которого звали Лобзан Цеванг, изображал из себя начальника, в то время как настоящий глава поисковой Партии, лама Кецванг Римпоче из монастыря Сера, был одет в бедные одежды и выступал как слуга. У ворот дома незнакомцев встретили мои родители, которые Пригласили Лобсана в дом, думая, что он начальник, в то время как лама и другие принимались в комнатах слуг. Там они обнаружили и младшего сына семьи. Как только мальчик увидел ламу, он подбежал к нему и захотел сесть к нему на колени. Лама был переодет в рясу, отороченную бараньим мехом, а на шее у него висели четки, принадлежавшие 13-му Далай-ламе. Ма-

ленький мальчик, как показалось, узнал четки и попросил, чтобы ему их отдали. Лама пообещал ему отдать, если он догадается, кто он такой. И мальчик ответил, что он был Сера ага, что на местном диалекте означало лама из Сера. Лама спросил об имени переодетого в хозяина. И мальчик сказал, что его звали Лобсан. Он также знал имя и настоящего слуги, которого звали Амдо Кесанг.

Лама провел весь день, наблюдая за малышом с растущим интересом, пока мальчику не пришло время ложиться. Вся партия заночевала в доме, и на следующий день рано утром, когда они собирались уехать, мальчик выбрался из постели и настаивал, что хочет уехать с ними.

Этим мальчиком был я.

До этого времени ни отец, ни мать не подозревали о действительной цели путешественников, которых они приютили, но через несколько дней в наш дом прибыла целая поисковая партия старших лам и высокопоставленных лиц. При виде этой большой и важной делегации мать и отец поняли, что, возможно, я являюсь чьим-то перевоплощением, потому что в Тибете много перевоплощающихся лам, и мой старший брат уже был признан перевоплощенцем одного из них. Недавно перевоплощенный лама умер в монастыре в Кумбуме, и родители думали, что посетители, может быть, ищут его приемника. Но им не приходило в голову, что я мог быть перевоплощением самого Далай-ламы.

Обычно для маленьких детишек, которые являются перевоплощенцами, считается нормальным вспоминать предметы и людей из их предыдущих жизней. Некоторые даже могут декламировать священные тексты, хотя их никто этому еще не учил. То, что я говорил ламе, заставило его предположить, что, может быть, он нако-

нец нашел того перевоплощенца, которого искал. Поэтому и прибыла вся экспедиция, - чтобы совершить Дальнейшие испытания. Они привезли с собой пару очень похожих черных четок, одни из которых принадлежали 13-му Далай-ламе. Когда они предложили мне четки на выбор, я выбрал те, которые принадлежали ему, и, как они говорят, повесил себе на шею. Такой же не был сделан и с желтыми четками. Потом они предложили мне два барабанчика - маленький барабанчик, который Далай-лама использовал для того, чтобы призывать слуг, и побольше, более украшенный, с золотыми висюльками. Я выбрал маленький барабан и начал Лип. в него так, как делают при повторении молитв.

Затем они представили мне два посоха. Я прикоснулся не к тому посоху, а затем остановился, посмотрел на Него некоторое время и все-таки выбрал другой, который принадлежал Далай-ламе. Затем, когда они удивились моему колебанию, они выяснили, что первая Трость тоже использовалась когда-то Далай-ламой, но он отдал ее ламе, который, в свою очередь, передал ее впоследствии Кецвангу Римпоче.

(' помощью этих тестов они еще более убедились, что перевоплощение было найдено, и их убеждение укрепилось и связи с тремя буквами, которые привиделись регенту на озере. Они полагали, что первая буква А обозначала Амдо, то есть название этой области, К могло обозначать Кумбум, самый большой из монастырей в Округе, который присутствовал в видении регента. Либо две буквы Ка и Ма могли обозначать монастырь Карма(пы) Ролби Дордже, что стоял на горе над деревней.

Им также представлялось важным, что несколько лет назад, когда 13-й Далай-лама останавливался в монастыре Кармапы Ролби Дордже на пути из Китая, он был Принят тогда местным перерожденцем его приветство-

вали и делали подношения жители деревни, включая моего отца, которому в то время было девять лет. Также вспомнили, что Далай-лама оставил в монастыре пару своих ботинок, именуемых джачен. И, как говорят, некоторое время он смотрел на дом, где я родился, и отметил, что это очень красивое место. Обсудив все эти факты, поисковая партия окончательно убедилась, что перевоплощение обнаружено. Они сообщили все детали в Лхасу телеграфом. В то время была только одна телеграфная линия в Тибете - из Лхасы в Индию. Поэтому послать телеграмму можно было только в кодированном виде через Синин в Китае и Индию.

Тем же путем поисковая партия получила приказ сейчас же отвезти меня в священный город, то есть в Лхасу. Однако в то время северо-восточная часть Тибета, где мы жили, была под контролем китайцев, и для отъезда необходимо было получить разрешение китайского губернатора.

Члены поисковой партии объяснили ему, что прибыли искать нового Далай-ламу, и попросили содействия в том, чтобы отвезти возможных кандидатов в Лхасу. Они не сказали, что уже сделали окончательный выбор из страха, что губернатор может создать препятствия. И действительно, он не сразу дал ответ. Он дважды призывал всех мальчиков, о которых шла речь. И хотя сам он был мусульманином, он решил провести испытания самостоятельно.

Это было очень простое испытание. Он предложил всем коробку конфет. Некоторые мальчики были слишком испуганы, чтобы угоститься, а некоторые были настолько жадными, что хватали целую горсть. Но я, как говорят, взял только одну и скромно съел ее. Это, а также некоторые его вопросы, казалось, убедили его, что я был наиболее вероятным кандидатом, поскольку

всех остальных детей он отослал домой с подарком - штукой ткани для их родителей. Но моим родителям он приказал отвезти меня в Кумбум и оставить там под присмотром моего брата, который уже был в то время студентом монастыря. Говорят, что за разрешение меня забрать губернатор потребовал от представителя тибетского правительства выкуп в сто тысяч китайских долларов.

Это были большие деньги, на которые он не имел права. Они заплатили, но тогда он потребовал еще триста тысяч. Представители правительства объяснили ему, что еще окончательно не ясно, являюсь ли я перевоплощением, и что есть еще кандидаты из других частей Тибета. Они стали бояться, что, если губернатор убедится, что я стану Далай-ламой, он поднимет цену еще выше и это создаст еще большую задержку. Также они чувствовали опасность, что китайское правительство может использовать эту возможность, чтобы усилить свое влияние в Тибете. Все эти трудности были доложены в Лхасу. Казалось неблагоразумным обсуждать эти проблемы по телеграфу, идущему через Китай, поэтому письма были направлены в столицу через посыльных.

Прошло несколько месяцев, пока был получен ответ, а со времени начала поиска и до завершения этих переговоров с губернатором прошло уже почти два года. Все это время происходящее держалось в строгом секрете, и не только из страха вмешательства китайского губернатора, но также потому, что открытие еще не было представлено на утверждение Национальной ассамблеи Тибета. Даже моим родителям не говорили еще о твердом убеждении поисковой партии. И, несмотря на долгий период ожидания, они ни разу не заподозрили, что я мог бы оказаться перевоплощением наивысшего из всех лам.

Однако, когда я подросток, мать моя однажды рассказала мне, что и раньше были знаки моей необычной судьбы. В Тибете существует широко распространенное суеверие, что перед тем, как воплощается высокий лама, район, где он родится, подвергается бедствию. Перед тем, как я родился, четыре года в Такцере не было урожая, одни были уничтожены градом в то время, когда зерно уже созрело, другие - засухой, когда посевы были только недавно сделаны. Поэтому все жители деревни говорили, что, наверное, скоро среди них появится перевоплощенец. И моя собственная семья пережила особенно трудные времена. Несколько наших лошадей и других животных, которые были нашим главным имуществом, погибли. Отец не мог понять - почему? Несколько месяцев до моего рождения отец сам был тяжело болен и не вставал с постели. Однако в то утро, когда я родился, он проснулся совершенно здоровым, поднес молитвы, наполнил маслом светильники, которые постоянно горели на нашем семейном алтаре. Моя мать вспоминает, как ей это не понравилось, и она ругала его за то, что он валялся в постели из-за лени. Но он заявил, что поправился. Когда я родился, мать сказала ему: "Это мальчик". И он просто ответил: "Хорошо. Я хотел бы, чтобы он стал монахом".

В то время, как продолжались переговоры с губернатором, я жил в монастыре. Тогда мне было около трех лет, и, конечно, поначалу я очень горевал из-за разлуки с родителями. Помимо моего старшего брата Тубтена Джигме Норбу, третий мой брат Лобзан Самтэн, которому было пять лет, тоже был там, и уже начал учиться. Пока он занимался со своим учителем, мне было не с кем играть. Я до сих пор помню, как нетерпеливо ждал за дверями его классной комнаты и иногда заглядывал за дверную занавеску, стараясь привлечь его внимание,

чтобы его учитель меня не видел. Но учитель был строг, и Самтэн ничего не мог поделать.

Еще там был наш дядя, и я с сожалением должен сказать, что мы с Самтэном по-детски его не любили. В основном, я думаю, потому, что у него было темное лицо со щербинами и черная щетинистая бородка, что редко встречается у тибетцев. Также у него были усы, которые он старательно причесывал, используя жир. Кроме того, часто он бывал строг с нами или сердился на нас, наверное не без причины. Я помню его необыкновенно большие и вычурные четки, все бусины которых были совершенно черными от постоянного использования. И особенно я помню его сборник текстов, потому что однажды я попытался посмотреть, порыться в них, и перемешал все листы, за что получил несколько хороших оплеух от рассердившегося дяди. Когда случались такие вещи, мы с Самтэном убегали, и дяде приходилось нас часами искать. Мы не понимали, сколько волнений это должно было причинять ему ввиду того, что губернатор придавал такое значение моей персоне. Однако такие эскапады были эффективны, потому что, когда он нас находил, имели место переговоры об улучшении отношений в будущем и при удачном исходе он умиротворял нас какими-то сладостями, которые в других случаях никогда нам не давал, даже если мы вели себя хорошо.

В общем, это было одинокое и совершенно несчастливое время в моей жизни. Иногда учитель Самтэна сажал меня на колени и заворачивал в свою монашескую рясу, давая мне несколько сушеных фруктов. Это было, пожалуй, почти единственной лаской, которую я помню.

Сестра моя напоминает, что одной из моих одиноких игр была игра в начало путешествия. Собираение вещей в тюки, а затем отбытие с ними на игрушечной лошадке.

Но, в конце концов, в начале шестого месяца года земли-зайца, что соответствует 1939 году, пришло время начаться моему настоящему путешествию.

Представители правительства не смогли собрать всю требуемую сумму трех сотен тысяч долларов наличными, но, к счастью, в это время случились какие-то китайские мусульмане-купцы, которые намеревались отправиться в Лхасу в качестве первой части своего пути паломничества в Мекку, и они согласились одолжить недостающие деньги с тем, чтобы им вернули их в Лхасе. Тогда китайский губернатор позволил мне отправиться, при условии, что старший группы останется с ним в заложниках, пока не прибудет собрание священных текстов, написанных золотом, и полное одеяние 13-го Далай-ламы, которые по требованию губернатора должны быть посланы в монастырь Кумбум в том случае, если я благополучно доберусь до Лхасы. Об этом было достигнуто соглашение, но я рад сообщить, что после того, как я действительно достиг Лхасы, в Докхаме случились какие-то политические неприятности и в это время заложнику удалось бежать и благополучно добраться до Лхасы.

Через неделю после моего четвертого дня рождения мы выступили в путешествие, которому суждено было продлиться три месяца и 13 дней. Моим родителям было очень печально тогда оставлять Такцер, свой дом, хозяйство и своих друзей, потому что они все еще не знали, что готовит нам будущее. В нашем караване было около 50 человек, 350 лошадей и мулов, сюда же входили члены поисковой партии, моя семья и группа мусульман, начинающих свое еще более долгое паломничество. Родители взяли с собой двух моих старших братьев - Гьело Тондупа, которому было девять лет, и Лобзан Самтэна, которому было шесть.

В Тибете не было колесных экипажей или повозок и дорог для них. Самтэн и я ехали на сооружении, называемом "трельжан", которое представляло собой паланкин, установленный на двух шестах, закрепленных на спинах двух мулов. На неровных и опасных частях дороги меня по очереди несли члены поисковой партии. Каждый день мы двигались только с рассвета и до полудня, что обычно практикуется при путешествиях в Тибете, и каждый вечер мы устраивали лагерь в палатках, потому что по пути было очень мало населенных пунктов. На самом деле в первую часть нашего путешествия мы вообще никого не встречали неделю за неделей, за исключением нескольких кочевников, которые приходили попросить моего благословения.

Как только я оказался в безопасности за пределами досягаемости китайских властей, в Лхасе была собрана Национальная ассамблея, которая должна была утвердить выбор. Ассамблее был представлен подробный доклад. Доклад о видениях регента, о тестах, которые я успешно прошел, о намеках, которые сделал 13-й Далай-лама относительно места, где он хотел бы переродиться. Было указано, что поиски и исследования были в полном согласии с советами ведущих оракулов и лам. В результате ассамблея единодушно утвердила, что я был перерождением Далай-ламы, и старшим официальным лицам было предложено встретить меня в дороге.

Мы встретились с первым из этих официальных лиц у реки, именуемой Тобчу, почти через три месяца после начала путешествия. С ним было 10 человек и около сотни тюков с провизией, а также четыре кожаные лодки, которые должны были перевезти нас и наше продовольствие через реку. Так караван начал разрастаться.

Через несколько дней мы пересекли перевал Трацангла и приблизились к городу Бумчен, от которого до

Лхасы оставалось 15 дней пути. Здесь нас приветствовал следующий эмиссар правительства, который поднес мне не только шарфы (тиб.: "ката"), которые являются универсальным символом тибетского приветствия, но также и "мандал-тен-сум", троичное подношение, выражающее наивысшее почтение. Именно в этот момент мои отец и мать впервые поверили, что их младший сын является перерождением Далай-ламы, и ощутили большую радость, волнение и благодарность, вместе с ощущением невероятности происходящего - род сомнения, которое часто сопровождает великие и счастливые новости.

Немного позже, в десяти переходах от Лхасы, мы встретились с партией примерно из ста человек, вместе с которой двигалось много лошадей и мулов. Эта партия возглавлялась министром тибетского Кашага и включала много официальных лиц и представителей трех крупнейших монастырей Лхасы, каждый из которых поднес мне традиционные шарфы и мандал-тен-сум. Они принесли с собой декрет, объявляющий меня 14-м Далай-ламой, который был издан регентом, Кашагом и Национальной ассамблеей Тибета. Тогда я сбросил свое крестьянское платье, и был одет в монашеские одеяния. Мне в услужение были приданы помощники по церемониям и с этого времени меня несли в позолоченном паланкине, который мы, тибетцы, зовем "педжан".

Наш караван приобрел еще больший размах. В каждой деревне и городе, которые мы проходили, нас встречали процессии лам и монахов с благими символами и эмблемами. Народ этих мест также присоединялся к нашему шествию под звуки рогов, флейт, барабанов и цимбал, а от сжигаемых благовоний поднимались облака дыма. Все - и миряне и монахи - были в своих лучших одеждах и приветствовали меня, когда меня проносили мимо, сложенными руками и счастливой улыбкой

на лице. Я помню, что, выглядывая из своего паланкина, видел, как они роняли слезы радости. Везде звучала музыка, и люди танцевали.

Следующее важное место в нашем путешествии называлось Дам У-ма Тханг. Там я был принят регентом и официальным настоятелем монастырей Тибета. Здесь мы прервали путешествие и провели три дня в монастыре Ретинг. Но высшая точка официального приема была достигнута лишь тогда, когда мы прибыли в Дод Гунг-ханг. Здесь уже были и все остальные старшие официальные лица, прибывшие приветствовать меня. Премьер-министр, члены Кашага, главные настоятели монастырей Дрепунга, Сера и Гадэна - трех столпов буддизма в Тибете.

Также меня приветствовал господин Хью Ричардсон, глава британской миссии в Лхасе. Мы теперь были очень близко от Лхасы, и немного дальше по пути нас встретили представители Бутана, Непала и Китая. Теперь наш караван стал очень велик, и мы продвигались по направлению к священному городу длинной процессией. С одной из сторон нашего маршрута выстраивались тысячи монахов с разноцветными знаменами в руках и штандартами, многие группы людей пели приветственные песни и играли на музыкальных инструментах. Солдаты всех подразделений тибетской армии прибыли для того, чтобы поднести мне вооружение. Все население Лхасы - мужчины и женщины, молодые и старые - вышло в своих лучших одеждах, чтобы встретить меня и почтительно приветствовать. Когда меня проносили мимо, я слышал, как они кричали о том, что наступил день их счастья. Я чувствовал себя как во сне.

Мне казалось, будто я был в громадном парке, полном прекрасных цветов, в котором дует теплый приятный ветерок, и передо мной элегантно танцуют павли-

ны. Там был незабываемый запах диких цветов, и песни свободы и счастья звучали в воздухе. Я не выходил из этого сна до тех пор, пока мы не достигли города. Там меня привели в храм, где я скромно поклонился перед священными изображениями. Затем процессия направилась в Норбулинку, летнюю резиденцию Далай-лам. И меня, все еще находящегося как во сне, проводили в превосходные апартаменты моего предшественника.

Церемонию возведения на трон было решено провести вскоре после моего прибытия. Дата церемонии была назначена на 14-й день первого месяца года железа-дракона, что соответствовало 1940 году. Она была утверждена регентом в соответствии с советом государственных астрологов и по консультации с Национальной ассамблеей. Были посланы приглашительные телеграммы правительствам Китая, британскому правительству Индии, королю Непала и махараджам Бутана и Сиккима, в которых им сообщалась дата возведения на трон. Церемония проходила в Сиши Пунцог, зале Всех Добродетелей Сансары и Нирваны, который находился в восточной части дворца Поталы. Здесь собрались дипломатические представители соседних стран, официальные лица тибетского правительства, как миряне, так и монахи, ламы-перевоспощенцы, настоятели и заместители настоятелей трех крупнейших монастырей - Дрепунга, Сера и Гадэна, а также члены моей семьи. Когда я вошел в зал, меня сопровождали регент, который был моим старшим учителем, и мой младший учитель. Следом шли члены Кашага, главный и действующий настоятель и старший домоуправитель. Также нас сопровождали владыка по одеждам, владыка религиозных церемоний, владыка по столу и представители древних районов Тибета.

Все собравшиеся встали, когда я вошел, а главный настоятель и старший министр подвели меня к "львино-

му" трону, в то время как старший домоуправитель вел всю процедуру. *Сен-три* - "львиный" трон, был установлен в соответствии с предписаниями священных текстов. Он был квадратной формы и сделан из позолоченного дерева. По сторонам его были вырезаны восемь львов, поддерживающих трон, по два с каждой стороны. На нем лежало пять квадратных подушек, каждая покрыта парчой своего цвета. Таким образом, все сооружение достигало высоты шести или семи футов. На столике перед троном лежали все печати Далай-лам. Церемония началась с распева особых молитв группой монахов, которые жили в Потале и участвовали во всех религиозных церемониях с Далай-ламой. Также они поднесли благие символы, повторяя молитвы, указывающие на значение этих символов. Затем вперед вышел регент и поднес *мандал тен-сум*. Сущность этого подношения - три символических дара. Золотое изображение Будды вечной жизни, священная книга этого Будды и небольшой *чортен* - ступа традиционной тибетской формы, знакомая всем путешественникам по Тибету. Это означало просьбу ко мне, чтобы я жил долго, проповедовал религию и мыслил, как Будда.

Затем регент, мой младший учитель и премьер-министр поднесли мне церемониальные шарфы. Я благословил регента и моего учителя, прикасаясь своим лбом к их лбу, а премьер-министра, который был мирянином, я благословил, прикоснувшись к его голове обеими руками. После этого старший домоуправитель возглавил процессию других подносителей, которые дарили мне *"дрома"* - сладкий настой травы, который подносили в небольшой чаше на блюде, причем и чаша и блюдо были сделаны из золота. Затем другие слуги поднесли *"дрому"* всем, кто присутствовал в зале. Подношение *"дромы"* - это часть всякой церемонии в Тибете, символ благопо-

желания. Далее последовала церемония подношения чая, - сначала мне, а затем всем остальным собравшимся. Потом был поднесен сладкий рис. Пока проходили все эти церемонии, двое ученых монахов проводили показательный диспут по фундаментальным вопросам религии. По окончании диспута группа мальчиков представила мимический спектакль, сопровождавшийся музыкой, разносившейся по всему залу.

Затем регент поднес мне *мандал тен-сум* от имени правительства Тибета. Это была тщательно выполненная эмблема Вселенной, которую с одной стороны держал член Кашага, а с другой - главный настоятель. Регент объяснил значение этого подношения и объявил, что после долгих поисков, консультаций с оракулами и высшими ламами я возвожусь на трон правительством и народом Тибета в качестве духовного и светского правителя государства. Он обратился ко мне с просьбой, чтобы я жил долго на благо и процветание народа и религии Тибета.

После этого была длинная процессия официальных лиц, как мирян, так и монахов, которые подносили мне дары от имени правительства Тибета. Вначале были поднесены золотое колесо и белая раковина, символы духовной и светской власти. За ними последовали восемь символов блага и счастья и семь царских символов. Процессия завершилась вереницей других даров.

Затем настала моя очередь благословить собравшихся. Вначале я благословил официальных лиц тибетского правительства духовным образом, затем иностранные представители подошли и поднесли мне церемониальные шарфы. Я лично возвращал их представителям высших рангов, а остальным их возвращал домоуправитель. Различного рода фрукты, которые были поставлены передо мной в зале, также были поднесены мне, а впоследствии их раздали присутствующим.

После этого вновь было мимическое представление, вслед за которым пришла процессия людей в масках и одеяниях богов и богинь океанов и небес, которые распевали хвалы нашей стране. После них было еще четыре маски, представлявшие древних индийских "ачарий" - учителей. И двое занимавших высокое положение монахов, которые декламировали перечни добрых или знаменательных лет в истории Тибета и его религии. Затем опять было мимическое представление, и церемония закончилась тем, что двое монахов читали сочинённые ими стихи с молением о долгой жизни Далай-ламы, о победе религии по всему миру и о мире и процветании для всех существ под руководством правительства Далай-ламы. Я наградил этих монахов особыми благословениями и подарил им по церемониальному шарфу как похвалу их стихотворного произведения.

Так церемония завершилась, она была длинной, и мне рассказали, что все, кто присутствовал, были довольны, что я, каким маленьким я ни был, смог сыграть свою роль с соответствующим достоинством и важностью. После этого я перешел в Пунцог Докьел, Зал добрых дел Сферы желаний. Здесь все официальные лица, сопровождавшие меня в зале, где происходило возведение на трон, вновь заняли свои места. Мне были переданы все печати, полагающиеся мне по должности, и был произведен первый символический акт соверена: я поставил печати на документах, где были записаны распоряжения монастырям. Таким образом, когда мне было четыре с половиной года, я был формально признан 14-м Далай-ламой, духовным и светским правителем Тибета. Всем тибетцам будущее казалось счастливым и спокойным.

ГЛАВА ВТОРАЯ В ПОИСКАХ ПРОБУЖДЕНИЯ

Мое образование началось, когда мне было шесть лет, и учили меня исключительно согласно традиционной системе тибетского образования. Поэтому я должен объяснить методы и цели такого образования.

Наша образовательная система, хотя и была установлена много столетий назад, доказала свою эффективность, по крайней мере в сохранении высоких нравственных и интеллектуальных стандартов среди тибетцев. По современным представлениям, она имеет тот недостаток, что совершенно игнорирует развитие научного знания последних столетий, но причина этого, конечно, в том, что Тибет вплоть до недавнего времени был совершенно изолированной страной. Основная цель тибетской системы образования состоит в том, чтобы расширять и преобразовывать ум посредством разнообразных видов познания.

Высшее светское образование включало изучение драмы, танцев, музыки, астрологии, поэтики и композиции. Эти науки известны в Тибете как "пять меньших предметов". Их изучают не только миряне, - ученики, получающие религиозное образование, тоже могут выбрать один или больше из них. Чаще всего они предпочитают астрологию и композицию.

Курс духовного высшего образования включает медицину, санскрит, диалектику, искусства и ремесла, а

также метафизику и религиозную философию. Это так называемые "пять высших предметов". Из них последний - наиболее важный и фундаментальный. Вместе с диалектикой он, в свою очередь, делится на пять ветвей. Это, если использовать санскритские названия, праджняпарамита - совершенство *мудрости*, мадхьямика - философия *срединного пути*, виная - канон монашеской дисциплины, абхидхарма - метафизика и прамана - теория познания и логика. Строго говоря, последняя не является одной из ветвей священных текстов, но включается в вышеупомянутые "пять высших предметов" для того, чтобы подчеркнуть важность логики и теории познания для развития духовной мощи. Тантрический путь махаяны сюда не включается, он изучается отдельно. Такое религиозное образование в основном и получают монахи Тибета, оно глубоко, и для освоения этих весьма сложных материй необходимы большие умственные усилия.

Согласно тибетской системе, прежде чем дать ученику информацию, используются различные методы для развития его умственных способностей. Сначала детей учат читать и писать, заставляя копировать то, что делает учитель. Это, конечно, естественный метод, который все мы используем всю жизнь. Для того, чтобы тренировать память, практикуется усиленное заучивание священных текстов наизусть. Третий метод - объяснение - таков же, как во всем мире. Некоторые из наших монашеских колледжей тоже используют его для обучения своих студентов. Но большинство монастырей предпочитает метод диалектических диспутов между учеником и учителем, или между учениками. Ну и, наконец, есть методы медитации и концентрации, которые особенно важны для тренировки ума на более высоких ступенях образования и практики религии.

Как и большинство детей, я начал учиться читать и писать и чувствовал то же, что, наверное, ощущает большинство детей этого возраста, - определенное колебание и сопротивление процессу обучения. Мысль о том, чтобы привязать свой ум к книгам и компании учителей, была не слишком привлекательной. Однако я обнаружил, что могу делать уроки так, что это удовлетворяло моих учителей. И когда я привык к строгому курсу обучения, они начали отмечать мой прогресс как необычно быстрый.

Имеется четыре формы тибетского письма. Первые два года я изучал с моим старшим и младшим наставниками форму алфавита, которая используется для печатания книг, она называется "учен". В то же время я каждый день заучивал наизусть по стиху из священных текстов и проводил еще час в чтении священных текстов. Когда мне исполнилось восемь лет, я начал изучать обычную письменную форму тибетского алфавита, которая называется "уме". Этому меня учил мой старый компаньон Кенраб Тензин, который был участником поисковой партии и вернулся со мной из Докхама в Лхасу. Он занимал административный пост, будучи монахом, и, обладая характером, имел особый дар обучения маленьких детей. Метод, которым он пользовался, используется по всему Тибету: он писал тибетские буквы не чернилами, а палочкой на небольшой деревянной дощечке, покрытой меловой пудрой, и затем я должен был прописать сверху эти буквы чернилами. Мы начинали с больших букв, затем, по мере прогресса, делаем их все меньше и меньше. Через некоторое время я начал копировать слова, которые он писал в верхней части доски, и около шести месяцев я писал на деревянных досках, чтобы овладеть соответствующим почерком. Затем Кенраб Тензин начал позволять мне писать на бумаге.

Мой младший учитель Тричжанг Римпоче учил меня грамматике и правописанию. И хотя я провел около пяти лет, учась писать по-тибетски, это было, конечно, лишь добавлением к ежедневным, утром и вечером, изучением священных текстов, необходимых для моей религиозной подготовки, в которой и состояла главная цель моего образования. Изучение письма, чтения и грамматики рассматривалось только как средство для достижения этой цели.

Мое религиозное образование в области диалектического диспута началось, когда мне исполнилось двенадцать. И поначалу оно было нелегким, потому что опять-таки я ощущал внутреннее сопротивление, более сильное, чем подобное же сопротивление шесть лет назад. Но вскоре трудности прошли, и предметы стали более приемлемыми. Я должен был изучить и выучить наизусть трактаты высших предметов и участвовать в дискуссиях по их содержанию, иногда дебатирова с наиболее уважаемыми учеными. Я начал с праджняпарамиты, совершенства мудрости. Есть более 30 томов комментариев на эти трактаты, и монашеские университеты делают свою собственную выборку. Я, помимо основных текстов курса, выбрал для себя два комментария. Один был написан великим индийским пандитой Харибхадрой, а другой, на 302 страницах, пятым Далай-ламой. Поэтому я должен был ежедневно заучивать наизусть где-то около трети страницы, а, кроме того, прочитывать и разбирать значительно больше. В то же время началась моя тренировка в области диспутов, начинающаяся с элементарной логики. Из семи монастырских колледжей монастырей Дрепунга, Сера и Гадэна были выбраны семь ученых, чтобы помочь мне в этом деле.

Когда мне только исполнилось 13, в восьмой месяц года огня-свиньи, я был формально допущен в два из

больших монастырей - Дрепунг и Сера. По этому случаю я должен был принять участие в публичных дебатах в пяти монастырских колледжах этих двух монастырей. Впервые я принимал участие в публичной дискуссии по высшим предметам и, естественно, немного побаивался, был взволнован и стеснялся. Моими оппонентами были ученые настоятели, которые были устрашающими соперниками в дебатах, и на этих встречах присутствовали сотни высоких религиозных лиц. Все они были учеными, там же были тысячи монахов. Однако ученые ламы потом сказали мне, что я вел себя удовлетворительно.

Я не собираюсь просить моих читателей, принадлежащих к другим религиям, следовать за моим рассказом о моем дальнейшем изучении буддийской мысли, поскольку буддизм - религия скорее интеллектуальная, чем эмоциональная, и имеет литературу из тысяч томов, сотни из которых я изучал. Однако я предлагаю краткое изложение буддизма Тибета в качестве приложения к этой книге*.

Я уже сообщал, что меня ввели в метафизику и философию вскоре после того, как я достиг тринадцатилетнего возраста. И должен признаться, что это поразило меня до головокружения. Я чувствовал, как будто меня ударили камнем по голове. Но эта фаза продолжалась немногим более нескольких первых дней. После этого новые темы, как и ранние курсы, стали проще и яснее. Нет ничего трудного, когда ты к этому привыкнешь, сказал один индийский провидец, и я нахожу, что в случае моего образования было именно так.

Один за другим новые предметы добавлялись к моему расписанию, и по мере того, как я продвигался,

* Русский перевод этого очерка был опубликован издательством "Нартанг" в 1990 г. под названием "Буддизм Тибета".

учиться становилось все легче и легче. В действительности я начал ощущать растущее желание познавать больше и больше. Мои интересы стали выходить за рамки обязательной программы, и я с удовольствием читал книги, опережая свой график и желая узнать от учителей больше, чем было предназначено в моем возрасте. Этот рост интеллектуальных сил связывается с духовным развитием, поскольку на каждой стадии моей тренировки я получал освящение тела и ума в подготовке к более высоким доктринам.

Первое из этих посвящений я получил, когда мне было восемь, и я все еще живо это помню, - то чувство мира и счастья, которое я испытал. При каждой из последующих церемоний я переживал религиозный духовный опыт, который с ними связывался. Моя вера в мою религию становилась все глубже, и я ощущал рост внутренней уверенности, что двигаюсь по правильному пути. Когда я стал более привычен к этим переживаниям, я начал ощущать, как во мне растет спонтанное чувство благодарности к Будде, и также стал чувствовать долг перед теми учителями, в основном индийцами, которые передали тибетцам свои бесценные религиозные доктрины, и к тем тибетским ученым, кто перевел их и сохранил на нашем языке.

Я начал меньше думать о себе и больше о других и познакомился с тем, что такое сострадание. Именно это ощущение духовного роста сопровождалось в плане мышления повышением интеллекта, развитием памяти, способности к диспутам и ростом уверенности в себе. Как я далее расскажу, политические и другие обстоятельства не дали мне продолжить образование, как могли позволить себе талантливые ученые, посвящавшие всю жизнь поискам религиозного знания и духовного пробуждения. Но в течение лет тринадцати я мог посвя-

щать значительную часть своего времени и внимания этим серьезным штудиям, и, когда мне исполнилось 24 года, я подвергся предварительным экзаменам в каждом из трех главных монастырских университетов.

Эти экзамены всегда проходили в форме публичных дебатов. Правила процедуры просты, но достойны. Каждый студент предстает перед большим количеством оппонентов, которые могут выбрать любой предмет и любой вопрос, в котором хотят победить своего соперника, для чего в качестве основы используются все серьезные работы индийских и тибетских ученых, так же как и сохранные в сутрах слова Будды. Во время каждого из предварительных экзаменов мне пришлось дискутировать с пятнадцатью учеными, по три ученых на каждую из пяти наук. Я должен был защитить перед ними свой тезис и опровергнуть их аргументы. Затем я должен был предстать перед двумя чрезвычайно эрудированными настоятелями и инициировать обсуждение любого из пяти главных предметов. Во всех этих дебатах используются сильные формальные жесты для усиления каждого аргумента, так что спор предстает в виде интеллектуальной битвы, каковой он, по существу, и является.

Через год я предстал перед своим последним экзаменом, который происходил во время ежегодного религиозного праздника Монлама, в Лхасе, когда многие тысячи монахов прибывают в город, чтобы участвовать в особых буддийских молитвах, проходящих во время первого месяца каждого года.

Этот экзамен был разделен на три части. Поутру меня экзаменовали в *прамане*, или теории познания, - тридцать ученых по очереди в публичной дискуссии. В обед пятнадцать ученых приняли участие в дискуссии в качестве моих оппонентов в дебатах по *мадхьямике* -

срединному пути и *праджняпарамите* - совершенству мудрости. Вечером 35 ученых опробовали мое знание *виши* - канона монашеской дисциплины и *абхидхармы* - метафизики. И в каждой из этих сессий сотни ученых лам в своих блистающих красно-желтых одеждах, мои взволнованные учителя, сидевшие среди них, и тысячи заинтересованных монахов присутствовали на поле и критически слушали.

Я нашел эти экзамены чрезвычайно трудными, поскольку приходилось так сильно концентрироваться на предмете, который я обсуждал, и я должен был быть очень быстр, отвечая на любые вопросы. Несколько часов дебатов пролетели, как одно мгновение.

Конечно, я был горд и счастлив, что сдал заключительный экзамен, и после стольких лет изучения великих учений Будды был готов получить степень *геше* - доктора метафизики, но я знал, что нет конца стремлению человека к постоянному обучению, пока он не достигнет высшей степени духовного пробуждения.

Такое религиозное образование, на мой взгляд, приносит довольно редкое равновесие ума, душевный покой. Жизненный экзамен наступает тогда, когда мы встречаемся с горем или страданием. Тот, чей ум дисциплинирован изучением и практикой религии, встречает эти обстоятельства со спокойствием и терпеливостью. Человек, который не следует религиозному пути, может сломаться под ударом того, что он считает несчастьем, и закончить свои дни либо в саморазрушении, либо в действиях, которые принесут несчастье другим. Гуманность и истинная любовь ко всем существам могут происходить только из религиозного осознания. Каким бы именем религия ни называлась, ее постижение и осуществление являются сущностью душевного покоя, а значит - мирного мира. Если в душе нет мира, не может быть

мира и в отношениях между людьми. Соответственно, не будет мирных отношений и между народами.

Здесь я всё же должен дать хотя бы краткое объяснение наших верований и моей собственной позиции как Далай-ламы, поскольку эти верования имеют чрезвычайно глубокое влияние на все, что я делал, и все, что делал мой народ, когда пришло время несчастий. Но я хотел бы отметить, что в нескольких строках невозможно описать сложность буддийской доктрины, и поэтому я попытаюсь дать не более чем общий обзор учения для тех, кто с ним совершенно незнаком*.

Мы верим, по веским причинам, что все существа разных видов, как люди, так и животные, после смерти вновь перерождаются. В каждой жизни пропорция боли и радости, которые они испытывают, определяется суммой их добрых и дурных поступков в прошлых жизнях, хотя они могут и изменить эту пропорцию своими усилиями в настоящей жизни. Это называется законом кармы.

Существа могут мигрировать из одной сферы сансары в другую. Например, из состояния животного в состояние человека и обратно. В конце концов благодаря добродетели и прозрениям они способны достичь *нирваны* - конца перерождений. В пределах *нирваны* есть разные степени пробужденности. И высшая из них - совершенное пробуждение, состояние Будды.

Вера в перерождение подразумевает всеобщую любовь, поскольку все существа в течение своих бесчисленных жизней бывали нашими любимыми родителями, детьми, братьями, сестрами, друзьями. Поэтому наша вера поддерживает добродетели, происходящие из этой

* Более развёрнутое изложение буддизма, сделанное Его Святейшеством Далай-ламой, содержится в его книге "Мир тибетского буддизма". Нартанг, 1997.

всеобщей любви, а именно - терпимость, прощение, даяние, доброту, сострадание.

Перевоплощенцами называют существ, которые достигли различных ступеней святости, высшей из которых является состояние Будды, затем ступень *бодхисаттвы*, затем следуют достигшие или не достигшие освобождения *слушатели-шраваки* и *Будды-для-себя - пратъекабудды*, находящиеся либо на стадии *не-учения-более*, либо на стадии учения. Они рождаются для того, чтобы помочь другим существам, освобождаясь от страданий, развиваться к достижению состояния Будды. Благодаря этим действиям сами *бодхисаттвы* становятся Буддами, а также в конце концов и *слушатели*, и *пратъекабудды* тоже достигают состояния Будды. Будды же могут являть свое воплощение исключительно для того, чтобы обеспечить существам защиту и прибежище.

Только ради их пользы, - поскольку для себя они уже достигли высшего состояния, возможного в этом мире. Их воплощения могут являться везде, где в этом возникнет потребность. Например, отражения Луны, когда условия позволяют, могут быть видны в разных озерах и морях Земли, хотя сама Луна остается все это время на своем месте в небе. Этот же пример показывает, что, подобно тому, как Луна может отражаться одновременно во многих разных местах, так и Будда одновременно может воплощаться во многих различных телах. Все такие *воплощающиеся* существа, как я уже отмечал, могут воздействовать по своему желанию на время и место, где они будут перерождаться. И после каждого рождения у них сохраняется смутная память об их предыдущих жизнях, которая позволяет другим их распознать.

Я усердно трудился над своим религиозным образованием, но моя жизнь, жизнь мальчика, не вся была наполнена работой. Мне говорили, что некоторые иностранцы думают, будто Далай-ламы были, практически, заключенными во дворце Потала. Это правда, что я не мог слишком часто отходить от своих штудий, но между Поталой и Лхасой был построен дом для моей семьи, и я встречался с ними, по крайней мере, каждый месяц или полтора месяца. Поэтому я не был совершенно отрезан от семейной жизни.

Более того, отца я видел еще чаще, поскольку одна из небольших повседневных церемоний, которая проводилась либо в Потале, либо в Норбулинке, - летнем дворце, представляла собой церемонию утреннего чая, когда все монахи, являющиеся официальными лицами, встречались за чашкой чая. Эту церемонию посещали как я, так и мой отец.

Несмотря на то, что наши житейские обстоятельства так изменились, он продолжал сохранять свою любовь к лошадям. Он ходил кормить собственных лошадей каждое утро еще до завтрака и теперь, поскольку он мог себе это позволить, он давал им яйца и чай, чтобы сделать их сильнее. Когда я находился в летнем дворце, где расположены конюшни Далай-лам, и отец приходил туда увидеться со мной, я думаю, что частенько он сначала заходил к моим лошадям, а только потом ко мне. Примерно через год после того, как мы переехали в Лхасу, к нам присоединилась моя старшая сестра, а потом мой старший брат оставил монастырь Кумбум и тоже приехал в Лхасу.

Вскоре после прибытия моей старшей сестры родилась моя младшая сестра, а потом еще и мальчик. Мы все очень любили этого ребенка, и меня радовало, что у меня был младший брат. Но, к нашему горю, он умер,

когда был всего лишь в двухлетнем возрасте. Это было горе, слишком знакомое моим родителям, поскольку многие из их детей умерли.

Но при смерти этого ребенка случилась любопытная вещь. В Тибете есть обычай перед похоронами консультироваться с ламами-астрологами, а иногда и с оракулами. В этом случае был получен совет, что тело мальчика не должно быть похоронено, оно должно быть сохранено. И тогда он родится вновь в этом же доме. Для доказательства на теле мальчика была сделана небольшая отметка. Через соответствующее время моя мать родила еще одного ребенка, ее последнего. И, когда он родился, на том месте, где была сделана отметка на предыдущем ребенке, было заметно бледное пятно. Это было то же самое существо, вновь родившееся в новом теле, для того, чтобы начать жизнь заново.

Я имел возможность принимать какое-то участие во всех этих семейных делах. Но большую часть времени в детстве я проводил в компании взрослых, и, конечно, без постоянного общения с матерью и другими детьми ребенку чего-то не хватает. Однако, даже если бы Потала и была для меня тюрьмой, эта тюрьма была просторна и великолепна. Говорят, это одно из самых больших зданий в мире. Даже если ты живешь там в течение многих лет, все секреты этого здания узнать невозможно. Оно совершенно покрывает верхнюю часть холма. Это целый город.

Строительство его начато было царем Тибета 1300 лет назад, когда это был просто домик для медитации. Этот домик был существенно расширен 5-м Далай-ламой в 17-м веке. Центральная часть современного здания, имеющего высоту тринадцать этажей, была построена по его указаниям, но он умер, когда здание достигло всего лишь второго этажа. Поняв, что он вскоре умрет,

он велел премьер-министру хранить свою смерть в тайне, поскольку опасался, что, если бы народ узнал, что он умер, строительство остановили бы. Премьер-министр разыскал монаха, который внешне напоминал Далай-ламу, и преуспел в сокрытии его смерти на протяжении тринадцати лет, пока работа не была завершена. Но втайне он сделал камень, покрытый молитвами о скорейшем перевоплощении Далай-ламы, и камень этот был вмонтирован в стену. Его и сейчас можно видеть на втором этаже дворца.

Эта центральная часть здания имеет большие залы для церемоний, около 35 часовен, богато украшенных и расписанных, четыре кельи для медитации и мавзолеи семи Далай-лам. Некоторые из них достигают высоты 30 футов и покрыты золотом и драгоценными камнями.

Западное крыло здания, которое было пристроено позже, является жилищем 175 монахов, а в восточном крыле находятся правительственные офисы, школа для монахов, выполняющих официальные функции, и залы Национальной ассамблеи, то есть тибетского парламента.

Мои собственные апартаменты были расположены над офисами на верхнем этаже, на высоте примерно 400 футов над городом. Там у меня было четыре комнаты. Та, которую я использовал чаще всего, имела размер около 25 квадратных футов, и стены ее были полностью покрыты росписями, изображающими жизнь пятого Далай-ламы настолько подробно, что портреты отдельных персонажей были размером не более дюйма. Когда мне надоело читать, я часто сидел и следил за историями, рассказываемыми окружающими меня великолепными подробными фресками.

Однако помимо того, что здание это использовалось как офис, храм, школа и жилище, Потала также была и громадным складом. Здесь были комнаты, наполненные

тысячами бесценных свитков икон, танок, некоторые из них были написаны тысячу лет назад. Были комнаты, наполненные золотыми регалиями древних царей Тибета, также имевшими возраст более 1000 лет, и различными дарами, полученными от китайских и монгольских императоров, а также сокровищами Далай-лам, которые правили страной после царей. Здесь же хранились доспехи и оружие периода всей тибетской истории.

В библиотеках находились летописи тибетской культуры и религии, около семи тысяч громадных томов. Некоторые, как говорят, весили около 80 фунтов, а иные были написаны на пальмовых листьях, привезенных из Индии 1000 лет назад. Две тысячи просветляющих томов священных писаний были написаны чернилами, составленными из порошков золота, серебра, железа, меди, перламутра, лазурита и коралла. Каждая строка была написана чернилами иного цвета. В нижней части здания находились бесконечные подземные склады и комнаты, где хранились государственные запасы масла, чая и тканей, которыми снабжались монастыри, армия и государственные служащие. В восточной стороне была тюрьма для преступников высокого ранга, что, может быть, соответствует в какой-то степени Тауэру в Лондоне. А по четырем сторонам здания были крепостные башни, на которых тибетская армия ставила часовых.

В такой уникальной обстановке я не только занимался, но и преследовал свои детские интересы. Меня всегда привлекали механические вещи, но вокруг не было никого, кто мог бы мне хоть что-то о них сказать. Когда и был маленьким, добрые люди, знавшие о моем интересе, иногда посылали мне механические игрушки, такие как машинки, кораблики и самолетчики, но я никогда не играл с ними подолгу, а всегда разбирал на части, пыта-

ясь понять, как они работают. Обычно мне удавалось снова их собрать, хотя иногда, как можно понять, происходили несчастья. Был у меня конструктор, с его помощью я строил краны и железнодорожные вагоны задолго до того, как впервые увидел подобные вещи. Впоследствии мне дали старый кинопроектор, который работал благодаря вращению рукоятки, и когда я его разобрал, я нашел электрические батареи, которые создавали его свет. Это было мое первое знакомство с электричеством, и я гадал над всеми этими соединениями совершенно один, пока не нашел способ заставить его работать.

Также у меня был успех, хотя это случилось и позже, с наручными часами. Я полностью разобрал их, чтобы понять, как они ходят. И когда я все собрал, они продолжали работать!

В Потале каждый год начинался с церемонии на верхней крыше, перед восходом, в день Нового года (ужасно холодное время, когда, наверное, не только я устремлялся мыслями к чайной церемонии, которая должна была состояться попозже утром). Религиозные церемонии с этого времени продолжались день за днем на протяжении всего года вплоть до танца монахов в канун следующего Нового года.

Но весной и я, и мои учителя и слуги, а также некоторые из государственных департаментов переезжали в Норбулинку. Это была процессия, которую приходило смотреть все население Лхасы. Я всегда был очень рад переезду в Норбулинку. Потала давала мне чувство гордости за наследие нашей национальной культуры, мастерство ремесленников, но Норбулинка была больше похожа на дом. Она представляла собой в действительности несколько маленьких дворцов и храмов, построенных в большом и прекрасном саду, окруженном стенами.

Норбулинка, если перевести это слово, означает Драгоценный парк. Он был заложен 7-м Далай-ламой в 18-м веке, и с того времени последующие Далай-ламы украшали его и добавляли там свои резиденции. И я построил там себе домик. Место было очень плодородное. В огороде Норбулинки мы выращивали редис весом в 20 фунтов, а капусту такую большую, что ее нельзя было обхватить руками! Здесь были тополя, ипы, можжевельник, разнообразные цветы и плодовые деревья: яблони, груши, персики, орехи, абрикосы. Когда я там жил, мы посадили сливы и вишни.

Там, в промежутках между уроками, я мог гулять и бегать среди цветов в садах, где гуляли павлины и домашние олени. Там я играл на краю озера и дважды чуть не утонул. Также в озере я любил кормить рыб, которые, едва слышав мои шаги, уже начинали подниматься к поверхности.

Не знаю, что случилось с историческими памятниками и чудесами Поталы. Когда я вспоминаю об этом, я иногда думаю, неужели рыбки мои были такими глупыми, что поднимались к поверхности, слышав шаги китайских солдат? Если да, наверное, всех их уже съели.

Одним из небольших развлечений в Норбулинке было наличие электрического генератора, который часто ломался, что давало мне все оправдания, чтобы разобрать его на части. Благодаря этой машине я открыл, как работают двигатели внутреннего сгорания, а также заметил, как динамо создает магнитное поле при вращении, и надо сказать, что мне чаще удавалось починить его, чем не удавалось. Я попытался применить эти познания к трем старым машинам, единственным, имевшимся в Лхасе. Две были бэби-остин, 1927 года производства, одна голубая, а другая красно-желтая, и еще большой дождь оранжевого цвета, производства 1931

года. Их подарили моему предшественнику и несли через Гималаи разобранными на детали, а затем собрали снова. Однако после его смерти они никогда не использовались и стояли, просто ржавея. Я мечтал заставить их работать и в конце концов нашел молодого тибетца, который работал в Индии шофером. С моей активной помощью ему удалось привести в рабочее состояние додж, а также один из остинов, благодаря тому, что он заимствовал запчасти из другого. Это были волнующие моменты.

Также меня интересовали и дела за пределами Тибета, но, конечно, большая часть моего любопытства оставалась неудовлетворенной. У меня был атлас, и я разглядывал карты отдаленных стран и раздумывал, как живут там люди, но не знал никого, кто когда-либо бывал там. Я сам начал изучать английский по книжкам, поскольку Британия была единственной страной, за исключением наших непосредственных соседей, с которой мы имели дружественные отношения. Мои учителя прочли в тибетской газете, публиковавшейся в Калимпонге в Индии, о ходе второй мировой войны, которая началась в тот год, когда меня привезли в Лхасу, и рассказывали мне об этом. Перед окончанием войны я уже был в состоянии читать отчеты такого рода самостоятельно. Но некоторые мировые события задевали нас и в Лхасе.

Меня иногда спрашивали, интересовались ли мы попытками англичан забраться на Эверест. Не могу сказать, чтобы это было так. Большинство тибетцев вынуждено восходить на слишком многие горные перевалы, чтобы избавиться от какого-либо желания лезть выше, чем необходимо. А жители Лхасы, которые иногда лазали по окрестным горам для удовольствия, избирали холмы разумного размера. Забравшись на верхушку,

они жгли там благовония, читали молитвы и устраивали пикники. К такого рода удовольствиям и я присоединялся, когда бывала возможность.

В целом мое детство не было несчастливym. Доброта моих учителей всегда останется со мной, и память о них Я храню. Они дали мне религиозное знание, которое всегда было моим наибольшим утешением и вдохновением, они сделали все, что могли, чтобы удовлетворить ТЮ, что они считали моим здоровым любопытством относительно других вещей, но я знаю, что вырос с очень ограниченными представлениями о мирских делах.

И именно в таком состоянии, когда мне было 16 лет, я был призван возглавить свою страну в период вторжения коммунистического Китая.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ДУШЕВНЫЙ ПОКОЙ

Прежде, чем я расскажу о постигшей Тибет катастрофе, я попытаюсь дать представление о жизни нашего народа в более счастливые дни.

У Тибета было много соседей: на северо-востоке - Китай, Монголия, Восточный Туркестан, а также Индия, Бирма и такие государства, как Непал, Сикким и Бутан, на юге. Пакистан, Афганистан и Советский Союз тоже близки к нам, и на протяжении многих столетий у нас существовали отношения с некоторыми из этих соседей.

Особенно прочные религиозные связи на протяжении тысячелетия у нас были с Индией. Наш алфавит в действительности происходит от санскрита. Когда буддизм пришел в Тибет из Индии, тибетского алфавита не было, он потребовался и был создан на основе санскрита - для того, чтобы перевести на тибетский язык религиозные тексты. Также у нас были религиозные и политические связи с Монголией и Китаем, а в более ранние времена - связи с Персией и востоком Турции. Причем такие интенсивные, что до сих пор сохраняется некоторое сходство в персидских и тибетских одеждах. В более поздние времена, в начале 20-го столетия, у нас были политические отношения с Россией и после этого, на протяжении более долгого времени, и с Британией.

Но, невзирая на эти соседские отношения, тибетцы были самостоятельной, отдельной расой. Наш физичес-

кий облик, наш язык и обычаи совершенно отличны от языка, внешности и обычаев наших соседей. У нас нет этнических связей ни с каким другим народом Азии. Пожалуй, наиболее известной характеристикой Тибета в недавние времена была его добровольная изолированность. Во внешнем мире Лхаса часто называлась запретным городом.

Для этого ухода из мира было две причины. Во-первых, страна была изолирована естественным образом. Вплоть до последнего десятилетия маршрут от границ Индии и Непала к Лхасе занимал два месяца, пересекая высокие гималайские перевалы, которые закрыты большую часть года. С места, где я родился, на границе между Тибетом и Китаем, путешествие в Лхасу занимало еще больше времени, как я уже рассказывал, а эта пограничная область и сама была за тысячу миль от морского побережья и портов Китая. Поэтому изолированность у нас в крови.

Мы усилили нашу естественную изоляцию, допуская крайне мало иностранцев в нашу страну просто потому, **что** у нас был печальный опыт раздоров, особенно с **Китаем**. Поскольку у нас не было никаких амбиций, за исключением желания жить в мире в нашей собственной культуре и религии, мы полагали, что наилучшим способом сохранить мир было отойти целиком от внешнего мира. Я должен сразу же сказать, что, по-моему, такого **рода** политика всегда была ошибочной, и я бы хотел, чтобы в будущем ворота Тибета были широко открыты Посетителям из всех стран.

Тибет назывался наиболее религиозной страной в мире. Мне трудно судить, так это или нет, но, конечно, **и**се нормальные тибетцы считали духовные материи не менее важными, нежели материальные интересы, и наиболее примечательная характеристика Тибета - это про-

мадное число его монастырей. Точных цифр нет, но, вероятно, процентов 10 населения были монахами или монахинями.

Это придавало двойственную природу всей нашей социальной системе. В действительности, только в моем лице Далай-ламы происходило соединение мирского и монашеского авторитета. У меня было два премьер-министра ~ один монах, а второй - мирянин. И, следуя за ними, большая часть департаментов дублировалась таким же образом. В Кашаге, Кабинете министров, как правило, было четыре члена, из которых один был монахом, а трое - мирянами. Следующими за Кашагом были два отдельных департамента: Йигцанг - секретариат, который возглавляли четыре монаха, подчиненные непосредственно Далай-ламе и ответственные за религиозные дела, и Цекханг, департамент финансов, возглавлявшийся четырьмя мирянами, которые несли ответственность за мирские дела в государстве. Департаменты, которые требуются любому правительству, - министерства иностранных дел, сельского хозяйства, налогов, почты и телеграфа, обороны, армии и так далее каждый имел двух или трех председателей. Было, по крайней мере, два главных управления юстиции, и городские суды имели двух судей. Ну и, наконец, некоторые провинции Тибета имели двух губернаторов.

Национальная ассамблея могла проводиться в трех формах - в наиболее маленькую, которая заседала, практически, непрерывно, входило восемь официальных лиц из Йигцанга и Цекханга, вместе с некоторыми другими высшими официальными лицами и представителями трех крупнейших монастырей близ Лхасы, всего около 20 представителей. Это было ядро Ассамблеи, которое могло разрастаться до примерно 30 членов при рассмотрении особых проблем. А для наиболее важных дел, таких как ут-

верждение нового воплощения Далай-ламы, собиралась полная сессия Ассамблеи, включавшая около 400 членом, всех официальных и неофициальных уровней.

Вне монастырей наша социальная система была феодальной. Существовало неравенство имущества между владевшей землей аристократией, на одном конце, и беднейшими крестьянами - на другом. Продвинуться в класс аристократии было крайне трудно, но не невозможно. Например, солдат мог получить титул и землю на храбрость, а и то и другое было наследственным.

Но, с другой стороны, продвижение к высшим позициям и должностям в монастырях было демократическим. Мальчик любого сословия мог попасть в монастырь, и его прогресс зависел от его способностей. В действительности, можно сказать, что институт воплощения высших лам имел демократическое влияние, поскольку ламы зачастую предпочитали родиться в скромных семьях, как, например, 13-й Далай-лама. Таким образом, выходцы из нижних слоев населения, как, например, я сам, могли находиться на самых высоких позициях в монашеском мире (я использую здесь, с некоторым колебанием, прошлое время, потому что Тибет сейчас оккупирован и трудно сказать в данный момент, Китае из наших институтов еще существуют, а какие уничтожаются).

У монастырей были свои ремесленники для монастырских нужд, и в какой-то степени они занимались торговлей. У некоторых монастырей были большие наделы земли, у некоторых - средства, которые они могли инвестировать. Но у других монастырей не было ни того, ни другого. Часто монастыри получали дары. Некоторые действовали как ростовщики, а иные при этом предлагали такие проценты, какие я не стал бы одоб--ть. Но в целом они не были экономически самодоста-

точными. Многие из них более или менее зависели от субсидий, главным образом субсидий пищи от правительства. Именно по этой причине правительство хранило такие запасы зерна, чая и масла, а также ткани в складах Поталы, а также в других местах. Конечно, эти субсидии изымались из налогов и рент мирян.

Я упомянул солдат. У нас была армия, но очень маленькая. Ее главная задача была охранять границы и останавливать иностранцев, не имевших разрешения войти в страну. Эта армия также составляла и нашу полицию, за исключением Лхасы и монастырей, которые имели собственную полицию. В Лхасе армия добавляла военный оттенок церемониям и выстраивалась в линию по маршруту, когда я выезжал из дворцов. С этим связана любопытная история.

Около 50 лет назад, когда у нас были проблемы с китайцами, мой предшественник решил модернизировать армию, используя иностранных инструкторов. Никто не мог сказать, какая армия была наилучшей, чтобы стать образцом, поэтому он один полк тренировал с помощью русских, один - японцев и один - англичан. Британская система оказалась наиболее подходящей, поэтому в конце концов вся армия была организована по британскому образцу. Британские инструкторы оставили Тибет более чем поколение назад, но, поскольку в нашем языке не так много военных слов, вплоть до 1949 года в армии продолжали использоваться британские команды, и среди тибетских маршей, которые играли военные оркестры, были такие мелодии, как "It's a Long Way to Tipperary", "Auld Lang Syne" и "Боже, храни королеву". Но слова этих маршей, если кто-то из тибетцев их и знал, были забыты много времени назад.

Однако не хотелось бы создать впечатление, что наша армия была совершенно анахронистической или

абсурдной. Она никогда не модернизировалась в смысле механизации, поскольку это было невозможно, она была слишком мала для защиты нашей большой страны против агрессии, но для своих ограниченных целей она являлась вполне эффективной, и солдаты ее были храбры.

Я думаю, всякий, кто интересовался Тибетом, мог читать о жизни в Лхасе, поскольку большинство иностранных путешественников, посещавших Тибет, стремились именно в Лхасу и писали книги о ней, поэтому здесь мне не нужно вдаваться в подробности. Они описывали почти непрерывный поток праздников и церемоний, с начала года до его конца, описывали праздничные приемы, которые устраивали богатые люди, описывали их красивые платья с многочисленными украшениями, священные обходы по круговой дороге, именуемой "линкор", и пикники на реке в летнее время, которые были, наверное, для всех наиболее излюбленным времяпрепровождением. На самом деле путешественники имели возможность описать эти вещи гораздо подробнее из своего опыта, чем я, поскольку, разумеется, в боль-

инстве из них я сам не принимал участие.

III Если я принимал участие в чем-либо, то естественным образом я становился центральной фигурой любой церемонии, и вся сущность церемонии превращалась в почитание, которое люди мне оказывали. Поэтому, когда я хотел посмотреть на церемонии, в которых не принимал участие, например религиозные танцы в Потале или театральное представление в садах Норбулинки, я наблюдал из-за занавешенного окна, чтобы никто меня не увидел.

Но я хотел бы добавить одно общее замечание к рассказам путешественников. Мы, тибетцы, любим представления или церемонии, будь то религиозная или I светская церемония, и любим всякого рода церемони-

альные элегантные одеяния, но, что как черта национального характера, может быть, еще важнее, мы любим шутку. Я не знаю, всегда ли мы смеемся над тем же, над чем и люди Запада, но мы почти всегда находим что-нибудь, над чем можно посмеяться. Мы люди, которых жители Запада называли бы легкомысленными и беззаботными по природе, и наш юмор оставляет нас только в самых отчаянных ситуациях.

Однако Лхаса была единственным местом, где социальная жизнь была настолько развита. Вне города и в немногих остальных городках и монастырях материальная жизнь народа была очень похожа на жизнь крестьян в других уголках мира, за исключением степени ее изоляции. Расстояния были громадны, и не было сообщения, за исключением посыльных, двигавшихся пешком, либо на спине лошади. Климат в горах весьма суров, и большая часть почвы бедна, поэтому население было редким, а жизнь одинокой и чрезвычайно простой.

Большинство жителей отдаленных мест Тибета никогда не были в Лхасе и даже никогда не встречали кого-то, кто побывал там. Из года в год они пахали землю и выхаживали своих яков и других животных, и никогда не видели и не слышали, что происходило в мире за пределами их горизонта. Я думаю, что таких людей много не только в Тибете, но и во всех других бедных странах в мире, какая бы ни была у них система управления.

Я вовсе не хочу сказать, что каждый тибетец был мягким и добрым человеком. Конечно, у нас были свои преступники и грешники. В качестве хотя бы одного примера можно привести следующий. У нас было много кочевников, и хотя большинство из них были мирными, некоторые кланы не чуждались бандитизма, и поэтому оседлые люди в некоторых районах вынуждены были вооружаться, чтобы защитить себя. А путешественники

и этих местах предпочитали двигаться большими группами, также в целях самозащиты. Народы, жившие в восточных районах, где я родился, включая жителей Кхама, в целом подчинялись закону, но они были людьми такого рода, для кого винтовка в качестве символа мужской независимости считалась, может быть, важнее, чем любая другая вещь.

Однако религиозное чувство захватывало даже самые дикие места и большую часть диких сердец. Даже в самых бедных палатках кочевников можно было увидеть символ религии - алтарь с горящей на нем масляной лампадой.

Во время моего образования я очень мало узнал о каких-либо других социальных системах, кроме нашей собственной. И думаю, что тибетцы в целом считают это естественным образом вещей и никогда не задумываются о каких-либо теориях управления. Но по мере того как я рос, я начал понимать, как много неправильного было в этой системе.

Наше неравенство в распределении богатства, конечно, не соответствовало буддийскому учению. За те немногие годы, когда я обладал реальной властью в Тибете, я сумел провести некоторые фундаментальные реформы. Я назначил комитет по реформам, состоящий из 50 членов - светских официальных лиц и монахов, а также представителей монастырей, и маленький постоянный комитет для того, чтобы исследовать, какие реформы нужны, и представить доклад большому комитету и затем мне.

Простейшая реформа состояла в сборе налогов. Сумма налога, требуемая от каждого района, всегда определялась правительством. Но с незапамятных времен предполагалось, что районные начальники могли собирать столько дополнительных налогов, сколько им хоте-

лось или сколько они могли, для своих нужд и на свои заработные платы. Поскольку закон это позволял, народ должен был платить. И я был еще не слишком зрел, когда понял, какой соблазн к нечестности здесь таился.

Поэтому, проконсультировавшись как с Кашагом, так и с комитетом по реформам, я изменил всю систему. Районные руководители должны были собирать точную сумму налога и полностью передавать её в казну, а затем правительство платило им фиксированную зарплату. Этим все были довольны, за исключением некоторых районных руководителей, которые привыкли получать больше, чем им причиталось.

Еще более фундаментальные реформы требовались в нашей системе землевладения. Вся земля в Тибете являлась государственной собственностью, и по большей части земли крестьян считались землями, арендуемыми непосредственно у государства. Некоторые из них платили ренту частью своего продукта, и это было главным источником правительственных запасов, распределявшихся по монастырям, армии и официальным лицам. Некоторые платили трудом, а некоторые платили тем, что предоставляли бесплатно транспорт для государственных служащих, а в некоторых случаях также и для монастырей.

Мой предшественник, 13-й Далай-лама, ликвидировал систему бесплатного транспорта, потому что она превратилась в неоправданную обузу, и ввел фиксированную плату за использование лошадей, мулов и яков. Но с тех пор цены поднялись, фиксированная плата стала неадекватной, а право требовать транспорт было предоставлено слишком многим, поэтому я повелел, чтобы в будущем никакой транспорт не требовался без специальной санкции Кашага. И я повысил плату, которая причиталась за использование этого транспорта.

Ныло бы, наверное, неправильно сказать, что крестьяне были арендаторами. Принадлежность земли государству была чисто теоретическим понятием. Крестьянская земля наследовалась, он мог сдать ее другим, заложить и даже продать. Хотя право на землю продавалось очень редко, поскольку первой обязанностью Крестьянина всегда считалось передать целиком свой надел земли следующему поколению. Он мог быть лишен земли только в том случае, если не мог оплатить свою долю продуктом или трудом, которая была не слишком большой. Поэтому практически крестьяне имели все права собственников, и их обязанности перед государством состояли в действительности скорее в уплате налогов, чем ренты.

На протяжении многих лет, когда приходили плохие времена, государство давало крестьянам займы. Я обнаружил, что никогда не делалось попыток собрать долги Или проценты, и суммы поэтому стали столь громадны, Что было понятно, что крестьяне никогда не смогут их Выплатить. Мой комитет провел подробное исследование, и мы решили разделить крестьян на три категории: iff, кто никак не мог оплатить накопившиеся проценты или вернуть основной заем, были вообще освобождены от долга. Некоторых, кто не мог платить проценты из своих годовых сбережений, но сберег достаточно, чтобы вернуть капитал, обязали уплатить долг в рассрочку. Иные же после получения займов стали весьма богаты, И их обязали выплатить как основную сумму, так и проценты в рассрочку. Эти меры крестьяне приветствовали. Большинство из них было обеспокоено тем, что на их плечах висел долг, и они были рады прояснить свое положение.

Но наиболее срочная реформа требовалась в нашей Социальной системе относительно больших частных

владений. Эти поместья были дарованы много лет назад аристократическим семьям. Они наследовались, и в благодарность за дар каждая семья должна была обеспечить, чтобы один из мужчин семьи в каждом поколении воспитывался, получал образование и работал в качестве государственного служащего. Некоторые из таких семей также платили деньги государству, а остаток дохода поместья обеспечивал зарплату данному официальному лицу. Именно таким образом набирались светские служащие.

В этих поместьях крестьяне работали в пользу аристократов на условиях, которые правительство не могло контролировать непосредственно, и землевладельцы пользовались феодальным правом суда, которое они часто делегировали своим управляющим, поскольку большинство аристократов большую часть года проводили в Лхасе, где они должны были выполнять свои обязанности перед государством.

Мой комитет и Кашаг изучили все это древнее установление, и, когда я получил их рекомендации, я решил, что большую часть всех этих поместий следует вернуть во владение государству, уплатив компенсацию семьям, которые ими владели, и что официальные лица должны получать свои зарплаты деньгами. Земля должна быть распределена среди крестьян, которые на ней уже работают. Таким образом, все крестьяне должны быть поставлены в равное положение как арендодолжники государства, а система правосудия станет унифицированной. Подобная реформа, конечно, требовалась и относительно крупных земельных наделов, дарованных монастырям, но мы решили начать с частных поместий.

Однако, прежде чем мы достигли этой стадии реформ, мы попали под власть китайцев и не могли прово-

дить столь далеко идущие изменения без их одобрения. Но они пришли со своими собственными коммунистическими идеями земельной реформы, которая тибетским крестьянам очень не понравилась. И если бы наше правительство успело провести свою популярную реформу, китайские реформы выглядели бы еще непопулярней, чем они были. Поэтому, сколько мы ни настаивали, они не говорили ни да, ни нет нашему предложению, а потом нас захватили более ужасные события, и • I время пришлось эти идеи реформ оставить.

Итак, мы начали было переводить нашу социальную систему из средневекового состояния в современное. Но этот процесс был остановлен событиями, которые мы не могли контролировать. Оставалось еще очень много сделать для того, чтобы улучшить существование простых людей Тибета, и я расскажу в другой главе, что я и мое правительство собираемся сделать в будущем. Тем не менее, я остаюсь убежденным, что, несмотря на все недостатки системы управления и суровость климата, Тибет был одной из счастливейших стран.

Система управления, конечно, давала возможности эксплуатации, но в целом тибетцы народ не агрессивный, и между людьми случалось очень мало жестокости, характерной для феодальных систем прошлого, потому что в каждом классе, несмотря на все превратности, религия оставалась как путеводной нитью, так и постоянным утешением и поддержкой. Сторонники других религий часто говорят, что вера в перерождения, в • кон кармы способствует тому, что люди слишком легко принимают неравенство судьбы. Это верно только отчасти. Бедный тибетский крестьянин был менее склонен ревновать или не любить своего богатого тибетского Помещика, потому что он знал, что каждый из них пожинает плоды, посеянные в предыдущих жизнях. Но, с

другой стороны, в законе кармы нет ничего, что препятствовало бы человеку попытаться улучшить свою судьбу в данной жизни, и, конечно, наша религия приветствует всякую попытку улучшить судьбу других.

Всякая истинная благотворительность несет двойную пользу: тому, кто получает даяние, и тому, кто дает. Но получатель пользу испытывает в данной жизни, а дающий - либо в настоящей жизни, либо в следующей. С этой точки зрения, тибетцы принимали нашу социальную систему без каких-либо вопросов, и, хотя это была феодальная система, она отличалась от других феодальных систем, поскольку во главе ее стояло воплощение Ченрези, существа, к которому все люди на протяжении сотен лет относились с высочайшим почтением. Народ ощущал, что над всеми никудышными чиновниками государства есть источник высшей справедливости, которому они могли абсолютно доверять. И в действительности никакой правитель, продолжающий традицию и имеющий подготовку и религиозную благодать Далай-ламы, не мог стать несправедливым тираном.

Итак, мы были счастливы. Желание приносит удовлетворенность, счастье возникает из душевного покоя. Для многих тибетцев материальная жизнь была трудной, но они не были жертвами желания, и простота и бедность среди наших гор, возможно, давали больше покоя душе, чем можно найти в большинстве городов мира.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ТИБЕТ И НАШ СОСЕД КИТАЙ

За несколько лет моего активного правления в Тибете наш легальный статус как государства, никогда не беспокоивший нас ранее, вдруг оказался для нас крайне важным. Поэтому я хотел бы объяснить действительную историю нашего положения в мире.

В доисторические времена, как гласили предания, Тибет был островом в море, покрытым лесами или снежными горами, на которых не жило ни одно человеческое существо. Когда там появились люди, некоторые из них были признаны вождями, и направляли жизнь своих племен. Слияние этих племен в единое тибетское Государство, первым царем которого был Ньетри Ценно, произошло около двух тысяч лет назад, в год дерева-тигра, соответствующего 127 году до н.э., или же через 418 лет, по индийским вычислениям, после ухода из мира Будды. За этим царем последовали сорок поколений других. Во время правления первых 27 в стране Процветала религия, именуемая бон, а также многие странные верования.

Именно во времена 28-го царя, которого звали Лхатори Ньенцен, произошло следующее значительное событие в истории Тибета. В его руки попал том учений Будды, и началось распространение буддизма в Тибете. 33-й царь, Сронцен Гампо, много сделал, чтобы упрочить новую религию. Он родился в год земли-быка, в

629 году нашей эры, или спустя 1173 года после ухода Будды. Еще в молодости он послал своего министра Тонми Самбхоту изучать науки в Индии. После возвращения в Тибет министр начертал современный тибетский алфавит.

Царь установил благородные обычаи духовной и мирской жизни, сформулировал 10 правил религиозных церемоний и 16 правил поведения в обществе. Во время его правления были построены такие храмы, как Центральный храм Чжокханг в Лхасе и многие другие, а также была начата постройка Поталы. Помимо трех тибетских жен, царь женился на двух принцессах, китайской и непальской. И, возможно, по их инициативе в страну были привезены две статуи Будд - Чжово Шакьямуни и Чжово Акшобхья, в ваджрной позе. Перед одной из этих статуй в Чжокханге я и склонился, когда в возрасте четырёх лет впервые прибыл в Лхасу.

Во времена правления царя Сронцена Гампо развились многие ремесла, перенятые из Индии, Китая и Непала, и вся экономика Тибета. Народ стал жить богаче и счастливее, и нация увеличила свою мощь. Во времена 36-го царя Триде Цуктена произошла война между китайцами и тибетцами, и министр этого царя Тара Лугонг завоевал несколько китайских провинций. И по сей день перед Поталой в честь побед этого министра стоит каменная колонна.

37-й царь Тисронг Децен родился в год железа-лошади, в 790 году нашей эры, или в 1334 году после нирваны Будды. Во времена своего правления он пригласил индийского ученого настоятеля - бодхисаттву Шантиракшиту и наставника-ачарью Падмасамбхаву. Много индийских пандит и тибетцев, которые знали санскрит (они именовались "лоцавы" - переводчики), работали над переводом учений Будды на тибетский язык. В это

время был построен монастырь Самье, и были посвящены в монахи первые семь тибетцев. Политическая власть в стране также укрепилась, и территории, управлявшиеся Тибетом, расширились во всех направлениях.

В правление 40-го царя Надак Трилала, который родился в год огня-собаки (866 год нашей эры, или 1410 год после нирваны Будды), количество монахов в Тибете сильно увеличилось. Во время его правления произошла новая война между Тибетом и Китаем, и вновь тибетцы захватили большие территории Китая. Но тибетские ламы и китайские монахи, которых называли хэшанами, действовали в качестве посредников, и с их помощью был установлен мир. На границе между Китаем и Тибетом, в местности, именуемой Кунку Меру, граница была отмечена каменным столбом. И такие же столбы были поставлены перед дворцом китайского императора и перед храмом Чжокханг в Лхасе. На всех этих трех столбах было записано общее обещание китайскими и тибетскими буквами, что ни Тибет, ни Китай не должны переходить отмеченную здесь границу.

Эти три царя - 33-й, 37-й и 40-й являются величайшими в истории Тибета, и наш народ почитает их вплоть до сего дня. Однако в год железа-птицы, 901 год нашей эры, или 1445 после нирваны Будды, 41-й царь по имени Ландарма начал свое правление, которое было отмечено разрушением всего, что сделали его предшественники. Он и его министры сделали все, что могли, чтобы разрушить буддийскую религию и обычаи Тибета. После шести лет такого правления он был убит.

Таким образом, почти тысяча лет прошла со времен правления первого царя Тибета и вплоть до смерти 41-го, и во время этой первой тысячи лет страна постепенно росла, обретая материальную и духовную зрелость. Но после смерти Ландармы царство распалось на части.

Дело в том, что у него было две жены и два сына, один из которых в действительности имел другого отца. Царицы поспорили, министры приняли разные стороны, и в конце концов Тибет был разделен между двумя принцами. Это деление привело к дальнейшим делениям, и Тибет превратился в собрание многих княжеств. И это продолжалось в течение 347 лет.

Но в 13-м веке христианского календаря один высокий лама из монастыря Сакья, которого звали Чогьял Пагпа, отправился в Китай и стал духовным наставником китайского императора Сэчена. В год воды-быка, (1253 год нашей эры или 1797 после нирваны Будды) он вернулся и стал правителем всех трех *чолкха* - провинций Тибета, первым из священнослужителей-царей нашей страны.

На протяжении следующих 96 лет страной последовательно управляли двадцать лам школы Сакья, а после этого, на протяжении 86 лет, с 1349 по 1435 - одиннадцать лам из школы Пагмодрубпа. Затем произошел возврат к светской монархии, и четыре поколения царей Ринпунг правили с 1435 по 1565 год, а затем три царя Цангпа с 1566 по 1641.

Затем уже в год воды-лошади, 1642 год нашей эры, 2186-й год после нирваны Будды, светскую власть над всей страной получил Далай-лама, и была основана дошедшая до наших дней форма тибетского правительства, известная под именем Гадэн-побранг.

С того времени на протяжении более трехсот лет десять Далай-лам, один за другим, были духовными и светскими правителями Тибета. А во время их отсутствия или детства правительством руководили светский регент и монах, управляя от имени Далай-ламы.

Первым светскую власть принял пятый Далай-лама. Первый из Далай-лам был учеником Чже Цонкапы, ос-

нователя школы Гелугпа. Оба эти воплощения - и первое, и пятое, были чрезвычайно образованными людьми. Первый - в духовных науках, а пятый - как в духовных, так и в мирских делах.

В 1652 году нашей эры первый маньчжурский император Китая Шунь Цы пригласил пятого Далай-ламу, которого он считал своим духовным наставником, посетить Китай и принял его там с почестями как царя Тибета. На протяжении двух с половиной столетий правления Далай-лам, вплоть до конца 19-го столетия христианской эры, между Далай-ламами и императорами Китая были взаимные личные отношения такого порядка: с одной стороны это было старшинство духовного наставника, а с другой - некоторого светского главенства. Император назначал двух официальных лиц, именуемых амбанями, которые были его представителями в Лхасе. Они имели определенную власть, но осуществляли ее через правительство Далай-лам, и постепенно Качение их власти уменьшалось.

Во время правления моего великого предшественника, 13-го Далай-ламы, Тибет впервые начал расширять свои международные отношения. Я уже говорил, как 13-й Далай-лама улучшил уровень жизни народа и реорганизовал армию. Кроме того, он послал студентов за границу, установил небольшую гидроэлектростанцию и мастерские, ввел почтовую и телеграфную службы, издавал марки, новые золотые и серебряные монеты и банкноты. Также он произвел изменения в программе религиозного образования в монастырях Гелугпа, и во время его правления Тибет подписал ряд международных соглашений.

К концу 19-го века британское правительство Индии захотело установить торговлю с Тибетом, и тогда между тибетскими и британскими территориями в Гималаях

возникло несколько мелких пограничных споров. Британцы должны были решить, с кем обсуждать эти споры - с Тибетом или с Китаем. Но между Тибетом и Китаем не было никаких договоров, за исключением единственного документа, подписанного в 1247 году (а до того времени - лишь возведение каменных столбов в 822 году между этими странами), которые могли бы помочь британцам сделать выбор.

Всё же в 1893 году они подписали конвенцию с Китаем, которая зафиксировала границы и дала британцам некоторые торговые права на юге Тибета. Однако тибетское правительство пренебрегло этой конвенцией. Когда британские и китайские эмиссары воздвигли пограничные столбы, тибетцы подождали, пока они ушли, и затем уничтожили эти пограничные столбы.

Когда британцы потребовали исполнения обязательств в отношении своих торговых концессий, правительство заявило им, что конвенция была подписана только китайской стороной и поэтому в Тибете не имеет силы. Китайские амбани жили у легкомысленных тибетцев уже поколения, но это был первый случай, когда иностранное государство захотело подписать формальное международное соглашение с Тибетом. Тибетцам никогда не приходило в голову, что простое присутствие амбаней в Лхасе может дать китайскому правительству возможность заявлять свое право подписывать соглашение за Тибет. Также до этого времени им не приходило в голову, что китайцы желали лишить их независимости.

Британцы чувствовали растущее раздражение в связи с тем, что не могли реализовать свои торговые права. И также, без сомнения, их возмутила утрата пограничных знаков. Лорд Керзон, британский вице-король Индии, сказал, что он считает "китайский сюзеренитет над

Тибетом конституционной фикцией, политическим спектаклем, который сохранялся лишь потому, что устраивал обе стороны".

В 1903 году он послал в Лхасу военную экспедицию. В пути она на продолжительное время остановилась, и в это время амбань послал письмо британскому командующему с заявлением, что хотел бы с ним встретиться, однако тибетское правительство не позволило амбаню оставить Лхасу. Тибетская армия встретилась с британскими войсками и была разбита. Далай-лама бежал на восток, а англичане вошли в Лхасу в 1904 году и подписали конвенцию с тибетским правительством. В связи с отсутствием Далай-ламы конвенция была подписана регентом с использованием печати Далай-ламы и скрепленная печатью Кашага, Национальной ассамблеи и монастырей Дрепунга, Сера и Гадэна.

По существу, фактически Тибет составил формальное международное соглашение с иностранным государством. Оно подтверждало границу и торговые права, а, помимо прочего, предусматривало, что никакая иностранная держава не сможет получить разрешение участвовать в тибетских делах без согласия британского правительства. Китай в этом документе вообще не упоминается и, следовательно, рассматривается среди остальных необозначенных иностранных государств. Как только конвенция была подписана, британские силы вышли из Тибета и никогда более нам не угрожали.

Китайское правительство никогда не высказывало какого-либо возражения по поводу этого договора.

Двумя годами позже, в 1906 году, британцы, видимо опасаясь, что китайцы могут вмешаться и повредить их торговым концессиям, составили соглашение, в котором китайское правительство формально признало англо-тибетский договор. Таким образом, если международное

соглашение имеет какое-либо значение, остатки китайской власти в Тибете были признаны закончившимися.

Однако британцы не были последовательны. Это был период, когда Россия и Британия боролись за сферы влияния в Азии, и в 1907 году они подписали соглашение, в котором обе державы приняли обязательства не вмешиваться в дела Тибета и вести переговоры с Тибетом исключительно через Китай в качестве посредника. Это соглашение противоречило предыдущим договорам и - хотя Британия и понимала, что фактической власти Китай в нашей стране не имел - признавало, что Китай имеет сюзеренитет над Тибетом.

Сюзеренитет - термин неопределенный и старинный. Возможно, он был наиболее подходящим западным политическим термином для обозначения отношений между Тибетом и Китаем как они существовали с 1720 по 1890 год. Однако здесь этот термин был совершенно неадекватен, и его использование ввело в заблуждение целое поколение западных государственных деятелей. Этот термин не принимал во внимание взаимные духовные отношения и не учитывал, что это были личные отношения между Далай-ламами и маньчжурскими императорами. Есть много такого рода древних восточных взаимоотношений, которые не охватываются существующими западными политическими терминами.

Одно из объяснений непоследовательности Британии состоит в том, что они уже обеспечили для себя преимущественное положение в Тибете, которое не затрагивалось новым соглашением, и хотели пожертвовать своим правом непосредственно иметь дело с Тибетом ради того, чтобы помешать России приобрести такое же право.

Однако иное объяснение состоит в том, что первые два договора были подписаны британским правительством в Индии, а третий - британским правительством в

Лондоне. И одно правительство на самом деле не понимало, что делало другое. Типично восточные отношения Китая и Тибета, возможно, лучше понимались в Индии, чем в Англии, но во всяком случае ни Тибет, ни Китай не были приглашены подписать это новое соглашение, и поэтому оно никаким образом не связывало Тибет признанием китайского сюзеренитета.

Один из побочных результатов британской экспедиции в Лхасу состоял в том, что эта экспедиция помогла китайцам осознать факт, что их собственная власть там исчезла. Поэтому, когда англичане ушли, жестоким образом потрепав тибетскую армию, Тибет остался почти беззащитным перед лицом Китая. Кроме того, соглашение с русскими добавило китайцам свободы действий в Тибете, в то время как Британию оно связало обязательством не вмешиваться. Поэтому Китай, несмотря на свои собственные соглашения с Британией, захватил Тибет. Далай-лама вновь вынужден был бежать, на этот раз под защиту Британии в Индии, а китайская армия достигла Лхасы в 1910 году.

Однако маньчжурская династия клонилась к упадку. В 1911 году в Китае разразилась революция. Денежное довольствие и припасы для китайских войск в Тибете перестали поступать. Китайские солдаты восстали против своих офицеров, и в 1912 году тибетцы выдворили из своей страны остатки этих войск вместе с амбаниями. С этим актом Тибет стал совершенно независимым, и с 1912 года вплоть до китайского вторжения в 1950 ни китайцы, ни какое-либо другое государство не имели никакой власти в Тибете.

По изгнании китайской армии Далай-лама вернулся из Индии и издал декларацию, что Тибет являлся независимым государством. На этой декларации стояла печать, которая была дарована Далай-ламам тибетским

народом, вместо печати, которую китайцы презентовали Далай-ламам много лет назад. Некоторые старинные тибетские документы начинались словами: "Повелением императора Китая, Далай-лама, глава буддизма". Но 13-й Далай-лама заменил эти слова на следующие: "Повелением высочайшего Будды...".

Однако, достигнув независимости и утомившись такого рода сражениями, мы вернулись в одиночество, в нашу древнюю изоляцию. Мы не составили договора с Китаем, и, следовательно, наша фактическая независимость не получила легальной международной формы.

В 1913 году британцы попытались решить этот вопрос, пригласив китайских и тибетских представителей на конференцию в Симлу в Индии. Три представителя встретились на равных основаниях и после долгого обсуждения предложили проект конвенции, в котором британцы настаивали, чтобы тибетцы согласились с их концепцией китайского сюзеренитета, вынуждая одновременно китайцев согласиться на автономию Тибета. Британия и Китай обязаны были уважать территориальную целостность Тибета, не посылать войска в Тибет и не вмешиваться в действия тибетского правительства. Но, несмотря на то, что китайский представитель одобрил это соглашение, китайское правительство отказалось подписать его, и поэтому документ подписали только Тибет и Британия. При этом была составлена отдельная декларация, что Китай лишается каких-либо привилегий, предусмотренных соглашением, до тех пор, пока не подпишет его. Китай никогда его не подписал и, следовательно, никогда законным образом не заявлял свой сюзеренитет.

Дела остались именно в таком положении. Когда возникали проблемы, китайское правительство продолжало настаивать, что Тибет является частью Китая, но в то

же время в Тибете не было никаких китайцев, имеющих какую-либо власть, и на протяжении тридцати восьми лет Тибет шел своим независимым путем. Тибет не принимал участие в китайско-японской войне и даже во времена второй мировой войны он сохранял нейтралитет и не позволил транспортировку военных материалов из Индии в Китай через тибетскую территорию. На протяжении этого периода Тибет никогда не предпринимал каких-либо активных шагов для того, чтобы доказать свою независимость внешнему миру, поскольку это никогда не казалось необходимым.

Время от времени другие правительства демонстрировали, что и они принимали эту независимость. Так, в 1947 году, когда в Дели проходила конференция всех азиатских стран, тибетская делегация присутствовала на ней в равном положении вместе с остальными, и тибетский флаг развевался среди флагов других наций.

В том же году, после того как Индия стала независимой, ее правительство ответило на послание Тибета следующими словами: "Правительство Индии было бы радо получить заверения в том, что тибетское правительство намеревается продолжать отношения на существующей основе до тех пор, пока не будут достигнуты новые соглашения, которые удовлетворят обе стороны. Такая процедура принята всеми остальными странами, с которыми Индия унаследовала договорные отношения от правительства Ее Величества".

В 1948 году торговая делегация правительства Тибета посетила Индию, Китай, Францию, Италию, Объединенное Королевство и Соединенные Штаты Америки. Паспорта, выданные делегатам тибетским правительством, были приняты правительствами всех этих стран.

Первые 22 года нашей независимости в Тибете не было никаких китайских официальных лиц, но в 1934

году, после смерти 13-го Далай-ламы, в Лхасу прибыла китайская делегация для того, чтобы передать религиозные подношения. После передачи подношений делегация осталась в Лхасе, оправдывая это тем, что она желала завершить некоторые переговоры относительно китайско-тибетской границы, которые оставались незавершенными. Однако положение этих китайцев было в точности таким же, как положение непальцев или британцев, а затем и индийской миссии, которые тоже существовали в Лхасе, а в 1949 году даже эти китайцы, оставшиеся в Тибете, были выдворены из страны.

Таким образом, можно завершить этот краткий исторический обзор, сделав вывод, что Тибет является самостоятельной древней нацией, которая на протяжении многих столетий имела добрые отношения и взаимное уважение с Китаем. Это правда, что бывали времена, когда Китай был силен, а Тибет слаб и Китай завоевывал Тибет. Подобным же образом, если обратиться к более древней истории, бывали времена, и когда Тибет захватывал Китай. Нет никакого исторического основания для того, чтобы объявлять Тибет частью Китая. С 1912 года до трагического 1950 Тибет был совершенно независимым де факто государством, и наш легальный статус сейчас в точности такой же, каким он был в 1912 году. Этот статус был проанализирован в недавнее время до мельчайших деталей Международной комиссией юристов, и, вместо того, чтобы высказывать мое собственное мнение об этом, я процитирую заключение, которое было сделано этим органом всеми уважаемых экспертов. В заключении, представленном в Организацию Объединенных Наций и опубликованном в их докладе "К вопросу о Тибете и законности правления" в 1959 году говорилось:

"Положение Тибета после изгнания китайцев в 1912 году может быть описано как независимость де факто, и, как было объяснено выше, имеются весомые юридические основания для того, чтобы считать, что всякая форма юридической зависимости от Китая исчезла. Таким образом, события 1911-1912 гг. возвещают возрождение Тибета как полностью суверенного государства, фактически и юридически независимого от китайского контроля."*

* Несмотря на этот неоспоримый факт, с 1978 года Его Святейшество Далай-лама в своих мирных инициативах по тибетской проблеме не настаивает на возвращении Тибету полной независимости и согласился, в качестве компромисса, на переговоры о реальной автономии для Тибета в рамках КНР. Китайская сторона, однако, до настоящего времени делает вид, что не замечает этих инициатив, за которые в 1979 году Его Святейшество был удостоен Нобелевской премии мира. - *Прим. перев.*

ГЛАВА ПЯТАЯ ВТОРЖЕНИЕ

В 1948 году, когда я еще был студентом, правительство прослышало, что в стране появились шпионы китайских коммунистов. Они хотели узнать, насколько сильна наша армия и получаем ли мы военную помощь от каких-либо иностранных государств. Для них не составило труда обнаружить факты, которые их интересовали. Мы не получали никакой военной поддержки, и во всем Тибете было всего шесть европейцев, насколько мне известно. Трое из них - один миссионер и два ради-ста, были британцами. Из трех оставшихся, двое были австрийцами, а один — русским, и все трое были беглецами из британских лагерей для интернированных лиц в Индии во время войны. Никто из них не имел никакого отношения к военному искусству.

Что касается армии, то она состояла из 8,5 тысяч офицеров и солдат. Ружей для них имелось более чем достаточно, но артиллерия состояла лишь из 50 пушек разного рода; кроме того имелось 250 минометов и около 200 пулеметов. Цель армии, как я уже объяснял, состояла в том, чтобы выдворять путешественников, прибывших без разрешения, и действовать в качестве полицейской силы. Эта армия совершенно не годилась для войны.

Вскоре из восточных частей Тибета дошли более неприятные вести. Губернатор Восточного Тибета, которо-

го звали Лхалу, находился в городе Чамдо, довольно близко к границе, и с ним был один из британских ради-стов, в то время как второй был в Лхасе. Мы получили закодированное радиосообщение от губернатора, что китайцы стягивают к нашей восточной границе усиленные армейские подразделения. Было очевидно, что они собираются либо атаковать нас, либо запугать.

Как только мы получили эту тревожную информацию, Кашаг созвал Национальную ассамблею. Стало понятно, что над Тибетом нависла более серьезная военная угроза с востока, чем когда-либо на протяжении всех столетий. Коммунизм утвердился в Китае и придал стране военную силу, которой у него не было на протяжении многих поколений. Поэтому угроза для нас была не только более реальной, она имела совершенно иную природу.

В прошлые столетия между нашими странами всегда сохранялась религиозная симпатия, но теперь нам угрожало не только военное превосходство, но также и навязывание чуждой материалистической веры, которая, насколько она понималась в Тибете, выглядела совершенно ужасно. Ассамблея единодушно согласилась, что Тибет не имел ни материальных ресурсов, ни оружия или армии, чтобы защитить свою целостность, и поэтому было решено срочно направить призыв к другим странам в надежде, что они помогут убедить Китай остановиться до того, как станет слишком поздно.

Были назначены четыре делегации с целью просить о помощи. Одна в Британию, вторая в Соединенные Штаты Америки, третья в Индию, четвертая в Непал. Перед тем как делегации выехали из Лхасы, этим четырём правительствам были посланы телеграммы, для того, чтобы сообщить им об угрозе нашей независимости и о желании нашего правительства послать делегацию.

Однако ответы на эти телеграммы были крайне разочаровывающими. Британское правительство выразило свою глубочайшую симпатию народу Тибета и посочувствовало, что из-за географического положения Тибета, поскольку Индия стала независимой, они ничем не могут помочь. Правительство Соединенных Штатов ответило примерно в том же духе и отказалось принять нашу делегацию. Индийское правительство также ясно дало понять, что не предоставит нам военной помощи, и посоветовало не оказывать никакого вооруженного сопротивления, но перейти к переговорам о мирном разрешении проблем на основе Симлской конвенции 1914 года. Таким образом, мы поняли, что в военном смысле совершенно одиноки.

Случилось так, что срок правления губернатора Восточного Тибета Лхалу закончился, и в этот критический момент по закону необходимо было заменить его другим чиновником - Нгабо Нгаванг Жигме. Нгабо оставил Лхасу, направившись на восток, и, поскольку ситуация была столь деликатной, Кашаг попросил Лхалу остаться на своем посту и помочь его преемнику, разделяя ответственность с ним. Но вскоре Нгабо заявил, что готов принять полную ответственность, и тогда Лхалу был отозван.

Очень скоро после этого, без какого-либо формального предупреждения, армии коммунистического Китая вошли в Тибет. Короткое время в некоторых местах тибетская армия пыталась сопротивляться, даже с некоторым успехом, тем более что ей помогали добровольцы из местного населения *кхампа*. Но наша армия была безнадежно мала и плохо вооружена. Смена губернатора вызвала некоторые затруднения в системе управления, и Нгабо решил переместить свою ставку из Чамдо на запад. Когда тибетские войска, отходящие от грани-

цы, прибыли в Чамдо, они обнаружили, что он уже оставил это место, и поэтому они были вынуждены сжечь арсенал и склады амуниции и присоединиться к нему в следующем месте отступления. Но прибежища не было. Нгабо обнаружил, что его линии коммуникаций перерезаны и он обойден с флангов более подвижными китайскими силами, поэтому и он, и большая часть тибетской армии были вынуждены сдаться.

Радиопередатчик Чамдо вместе с британским радистом тоже были захвачены. На протяжении долгого времени мы не имели никаких известий о том, что произошло. Затем в Лхасу прибыли два чиновника, посланные Нгабо с разрешения китайского командования, чтобы сообщить Кашагу, что он сам является пленником и просит позволения вести мирные переговоры, а также заверяет Кашаг от имени китайского командующего, что Китай не собирается захватывать остальную часть тибетской территории.

В то время как начались эти беды на дальних восточных рубежах Тибета, правительство в Лхасе проконсультировалось с оракулами и высшими ламами, и по их совету Кашаг обратился ко мне с просьбой, чтобы я взял в свои руки руководство страной.

Это преисполнило меня тревогой, мне было всего 16 лет, я еще далеко не закончил свое религиозное образование, я ничего не знал о мире и не имел политического опыта, но уже был достаточно взрослым, чтобы понимать, насколько я невежественен и как много мне необходимо изучить. Сначала я возражал, что я слишком юн, потому что признанный возраст, в котором Далай-ламы брали в свои руки активное управление от регента, составлял 18 лет. В то же время я очень хорошо понимал, почему оракулы и ламы обратились ко мне с этой просьбой.

Долгие годы регентского правления после смерти каждого из Далай-лам неизбежно ослабляли нашу систему управления. Уже во времена моего детства были трения между различными группами в нашем правительстве, и управление страной ухудшилось. Мы пришли к положению, когда большинство чиновников стремились избежать ответственности, а не принять ее. Однако теперь, при угрозе вторжения, нам более чем когда-либо было необходимо единство, и я как Далай-лама был единственной личностью, за кем вся страна, безусловно, последовала бы. Я колебался, однако после того, как и сессия Национальной ассамблеи присоединилась к просьбе правительства, я увидел, что в такой серьезный момент нашей истории не могу отказаться от своей ответственности. Я вынужден был принять ее, оставить детство за плечами и, не откладывая, подготовиться к тому, чтобы возглавить страну и противостоять, насколько я был способен, могучей силе коммунистического Китая.

Итак, хотя и с трепетом, я согласился. И в традиционной праздничной форме мне была передана вся полнота власти. От моего имени была объявлена всеобщая амнистия, и все заключенные единственной тибетской тюрьмы получили свободу.

Примерно в это же время с востока прибыл в Лхасу мой старший брат. Он был настоятелем монастыря Кумбум, около деревни, где мы родились. На этой территории, контролируемой Китаем, будучи настоятелем, он наблюдал падение губернатора при режиме Чан Кай-ши и продвижение армий нового коммунистического правительства. Он видел год замешательства, запугиваний и террора, который китайские коммунисты оправдывали тем, что они пришли защитить народ. Они обещали свободу религии, однако в то же время начали системати-

ческое подкапывание под религиозную жизнь и разрушение ее.

Сам он находился под строгой охраной и был подвергнут почти непрерывному курсу коммунистической пропаганды, пока наконец китайцы не объяснили ему, что они намеревались захватить весь Тибет, который, по их мнению, являлся частью Китая, и установить там коммунистическую власть. Затем они попытались вынудить его отправиться в Лхасу в качестве своего эmissара, с тем чтобы убедить меня и мое правительство согласиться на их руководство. Они пообещали сделать его губернатором Тибета, если ему это удастся. Конечно же, он отказался делать что-либо в этом роде. Но в конце концов он понял, что его жизни угрожала бы опасность, если бы он продолжал отказываться. Также он подумал, что обязан предупредить меня о китайских планах. Поэтому он сделал вид, что согласился, и это позволило ему ускользнуть от китайского наблюдения и достичь Лхасы, предупредив меня в деталях об опасностях, которые нас ожидали.

К этому времени Кашаг предпринял шаги для того, чтобы поставить наш вопрос перед Организацией Объединенных Наций. Пока мы ожидали, когда он будет рассмотрен, мне казалось, что первая из моих обязанностей состояла в том, чтобы следовать совету индийского правительства и попытаться достичь договоренности с китайцами до того, как они принесут еще больше вреда. Поэтому я написал китайскому правительству и передал это письмо через командующего армией, оккупировавшей Чамдо. Я писал, что во время моего детства отношения между нашими странами обострились. Но теперь, когда я принял в свои руки полную ответственность, я искренне хочу восстановить дружбу, существовавшую в прошлом. Я просил их вернуть тибетцев, которые были

захвачены армией, и вывести войска из той части Тибета, которая была оккупирована.

Примерно в это же время Кашаг снова созвал Национальную ассамблею, чтобы оценить общественное мнение относительно угрозы, которая предстала перед нами. Один из результатов сессии Ассамблеи казался мне неприемлемым. Члены Ассамблеи решили, что китайские армии могут продвинуться к Лхасе и захватить ее в любой момент, и приняли решение просить меня оставить столицу и переехать в город Ятунг вблизи индийской границы, где мне не угрожала бы личная опасность.

Я совершенно не хотел этого делать, я хотел оставаться там, где был, и делать все, что в моих силах, для помощи народу. Но Кашаг тоже обратился ко мне с просьбой выехать, и в конце концов я вынужден был сдаться.

Этот конфликт повторялся достаточно часто, как я еще расскажу. Будучи молодым и здоровым юношей, я инстинктивно хотел разделить все опасности, которым подвергался мой народ. Но для тибетцев личность Далай-ламы чрезвычайно драгоценна, и при появлении опасности я должен был позволить народу позаботиться обо мне - пусть и в большей степени, чем я сам бы о себе позаботился.

Итак, я приготовился уехать. Перед отъездом я назначил двух премьер-министров: монаха по имени Лобзан Таши и опытного ветерана моей гражданской администрации Лукхангву. Я передал им всю полноту власти и сделал их двоих ответственными за политику правительства. Потом я сказал им, что они должны обращаться ко мне только в вопросах высшей важности.

Мои министры полагали, что, если случится худшее, я должен буду отправиться в эмиграцию в Индию, как

делал и мой предшественник во время китайского вторжения 40 лет назад. Мне посоветовали послать туда небольшую часть моих сокровищ. Поэтому некоторое количество золотого песка и серебряных слитков было вывезено из Лхасы в хранилище на границе Сиккима, где они и находились в течение девяти лет. Впоследствии они нам оказались крайне необходимы.

Следующим тяжелым ударом для нас стало известие, что Генеральная Ассамблея ООН решила не рассматривать вопрос Тибета. Это привело нас в отчаяние. Мы верили в Организацию Объединенных Наций как в источник справедливости и были поражены, когда услышали, что вопрос был отложен по предложению Британии. У нас были очень дружеские отношения с Британией на протяжении долгого времени. И мы получили много пользы благодаря мудрости и опыту ряда выдающихся слуг британской короны. Именно Британия понимала признание нашей независимости, заключая договоры с нами как с независимым государством. Однако в настоящее время британские представители заявили, что юридическое положение Тибета не вполне ясно, и предложили считать, что даже сейчас, после 38 лет без единого китайца на нашей территории, мы все же могли быть юридически под сюзеренитетом Китая.

Отношение индийских представителей было равно разочаровывающим. Представитель Индии заявил, что он уверен, что возможно достижение мирного соглашения и сохранение тибетской автономии, и что наилучшим способом обеспечить это была идея отказаться от обсуждения этих проблем Генеральной Ассамблеей. Это было еще более жестокое разочарование, чем предыдущие новости о том, что никто не окажет нам военной помощи. Теперь наши друзья, оказалось, даже не станут помогать нам в нашей просьбе о юридической справед-

ливости. Мы почувствовали себя совершенно оставленными всеми перед ордами китайских армий.

Конечно, оглядываясь сейчас на нашу историю, легко увидеть, как наша собственная политика способствовала тому, что мы оказались в этом отчаянном положении. Когда в 1912 году мы вернули себе полную независимость, мы были совершенно убеждены в необходимости вернуться в изоляцию. Нам никогда не приходило в голову, что наша независимость - настолько очевидный факт для всех нас - нуждается в каком-либо юридическом заверении со стороны окружающего мира. Стоило нам только подать заявление и присоединиться к Лиге Наций или к Организации Объединенных Наций или хотя бы выслать послов в некоторые из ведущих держав до того, как начался кризис, я уверен, что эти признаки государственности были бы восприняты без каких-либо сомнений и очевидная справедливость нашего вопроса не смогла бы быть затемнена, как это случилось в тонких юридических дискуссиях, основанных на древних договорах, составлявших в совершенно различных обстоятельствах.

Теперь нам пришлось принять горький урок, поняв, что мир стал слишком маленьким, чтобы какой-либо народ мог продолжать жить в безобидной изоляции. Единственное, что мы могли сделать, это пытаться вести переговоры, насколько это было возможно. Мы решили передать Нгабо полномочия, которые он просил. Один из двух чиновников, которых он послал в Лхасу, принял послание от меня и Кашага, в котором мы инструктировали Нгабо, что он должен начать переговоры на жестких условиях, что китайские армии не будут продвигаться дальше в Тибет. Мы полагали, что переговоры будут происходить либо в Лхасе, либо в Чамдо, где находились китайские армии, но китайский посол в Ин-

ДНИ предложил, чтобы наша делегация отправилась в Пекин.

Я назначил еще четырех чиновников в качестве помощников Нгабо, и они прибыли в Пекин в начале 1951 года. Пока они не вернулись в Лхасу через очень долгое время, мы так и не знали в точности, что с ними произошло. Согласно сообщению, которое они передали, китайский министр иностранных дел Чжоу Энь-лай пригласил их на прием, когда они прибыли, и формально представил китайским официальным лицам.

Как только началась первая встреча, глава китайской стороны предложил проект соглашения, состоящего из уже подготовленных десяти статей. Этот проект обсуждался на протяжении нескольких дней. Наша делегация утверждала, что Тибет является независимым государством, и представила все возможные доказательства в пользу своих аргументов, но китайцы не приняли их. В конце концов китайцы предложили отредактированную версию соглашения из 17 статей, которая была представлена в качестве ультиматума.

Нашим делегатам не было позволено предлагать какие-либо изменения или предложения. Они были обижены, оскорблены, их запугивали личным насилием, а также дальнейшими военными действиями против тибетского народа, и им не позволялось связываться со мной или с моим правительством для дальнейших инструкций.

Предложенный проект соглашения исходил из того, что Тибет являлся частью Китая. Это была просто неправда, и такой проект никак не мог быть принят нашей делегацией без консультации со мной и нашим правительством, - кроме как под давлением. Но Нгабо являлся пленником китайцев на протяжении долгого времени, в то время как остальные делегаты также были оче-

видными пленниками. В конце концов, не имея возможности получить мой совет, они поддались и подписали этот документ. Все же они отказались приложить к нему печати, необходимые для того, чтобы придать ему законную силу. Однако китайцы подделали тибетские печати в Пекине и заставили нашу делегацию заверить документ этими поддельными печатями.

Ни я, ни мое правительство не знали, что соглашение подписано. Впервые мы услышали о нём из выступления Нгабо по радио Пекина. Когда мы услышали об условиях соглашения, мы испытали ужасный шок. Мы пришли в смятение от смеси коммунистических клише, громких и совершенно ложных утверждений и заявлений, лишь частично истинных. Условия соглашения были гораздо хуже и унижительнее, чем всё, что мы могли предполагать.

В преамбуле говорилось, что на протяжении последнего столетия или более в Китай и Тибет проникли империалистические силы и проводили всякого рода обман и провокации и что при таких условиях тибетская нация и народ были погружены в глубины порабощения и страдания. Это была полная чепуха.

Признавалось, что китайское правительство дало приказ Народно-освободительной армии войти в Тибет. В качестве основания для этого приводилось, что влияние агрессивных империалистических сил в Тибете может быть с успехом устранено и что тибетский народ может быть освобожден и возвращен в большую семью народов Народной Республики Китай. Это был также и предмет первой из статей соглашения:

"Тибетский народ объединится и изгонит из Тибета империалистические агрессивные силы. Тибетский народ вернется в большую семью матери-родины - Китайскую Народную Республику".

Читая это, мы горестно рассуждали, что никаких иностранных сил с тех пор, как мы изгнали последнего из китайских солдат в 1912 году, в Тибете не было. В статье второй говорилось, что

"местное правительство Тибета будет активно поддерживать Народно-освободительную армию при ее вхождении в Тибет и обеспечивать национальную оборону".

Это вообще было за пределами каких-либо полномочий, которые мы давали Нгабо. В восьмой статье говорилось, что тибетская армия будет включена в китайскую армию. Четырнадцатая статья лишала Тибет каких-либо полномочий во внешних сношениях.

Между этими положениями, которые ни один тибетец никогда не принял бы по собственной воле, были и другие, в которых китайцы делали много обещаний: не менять существующую политическую систему в Тибете, не менять статус, функции и полномочия Далай-ламы, уважать религиозные верования, обычаи и традиции тибетского народа и охранять монастыри, развивать сельское хозяйство и повышать уровень жизни народа, и не принуждать народ к принятию реформ.

Но эти обещания были малоутешительны перед лицом того факта, что мы должны были передать себя и свою страну Китаю и прекратить свое существование в качестве самостоятельной нации. Однако мы были беспомощны. Без друзей мы ничего не могли сделать кроме того, чтобы, несмотря на наше возмущение, сдаться, подчиниться китайскому диктату и проглотить свое неудовлетворение. Нам оставалось лишь надеяться, что китайцы будут исполнять свои обязательства в этой насильственной односторонней сделке.

Вскоре после того, как соглашение было подписано, наша делегация послала телеграмму, извещающую

меня, что китайское правительство назначило генерала по имени Чжан Цзинь-у в качестве своего представителя в Лхасе. Он должен был прибыть через Индию, вместо того, чтобы предпринимать долгое наземное путешествие через Восточный Тибет. Ятунг, город где я находился, был очень близок к тибетской границе на главном пути из Индии в Лхасу, поэтому было ясно, что я должен буду встретить его, как только он вступит в нашу страну.

Я не горел желанием встречаться с ним. Я никогда не видел китайского генерала, и перспектива увидеть его была нежелательной. Никто не знал, как он себя поведет, будет ли он иметь какие-либо симпатии или прибудет как завоеватель. Некоторые из моих чиновников прямо с того времени, когда было подписано соглашение, считали, что я должен отправиться в Индию прежде, чем будет слишком поздно. И только после длительных споров все согласились, что я должен был бы подождать, пока генерал не прибудет, и посмотреть на него сам, прежде чем принять решение.

Некоторые из моих старших официальных лиц встретили его в Ятунге. Я находился в ближайшем монастыре. На крыше монастыря был очень красивый павильон, и было решено, что я встречу его там. Он же настаивал на встрече в Ятунге, где я и он должны встретиться на равной ноге. В результате нам пришлось преодолеть целый ряд трудностей протокола, обеспечивая стулья равной высоты для каждого вместо подушек, на которых, согласно обычаю, я сидел в Тибете.

Когда время пришло, я выглядывал из окна, чтобы увидеть, как он выглядит. Не знаю в точности, что я ожидал, но вот я увидел трех людей в серых костюмах и высоких фуражках, выглядевших чрезвычайно серо и незначительно среди живописных фигур моих чиновни-

ков в их красных и золотых одеждах. Если бы я знал, что серость - это то состояние, в которое Китай приведет нас всех в скором времени, и что незначительность, конечно, была иллюзией! Но, когда процессия достигла монастыря и поднялась к моему павильону, оказалось, что генерал настроен дружелюбно и неформально. Двое сопровождавших его лиц были помощником и переводчиком.

Он передал мне письмо от Мао Дзе-дуна, в котором тот более или менее повторял первую статью соглашения, поздравляя нас с возвращением к "Великой родине-матери". Эта фраза уже стала вызывать у меня отвращение.

Затем генерал передал мне все то же еще раз, через своего переводчика. Я угостил его чаем, и наблюдатель, который не знал, что происходит в наших сердцах, мог бы подумать, что вся встреча была очень сердечной.

Его прибытие в Лхасу не было таким успешным. Я послал инструкции Кашагу, что генерал должен быть принят соответствующим образом и что с ним следует обращаться как с гостем правительства. Поэтому двое из членов Кашага были посланы из Норбулинки ему навстречу, чтобы встретить его соответствующей церемонией. На следующий день премьер-министры и Кашаг дали обед в его честь. Но он не был этим удовлетворен, он жаловался, что не получил приема как представитель дружественной державы, из чего мы смогли увидеть, что он не был таким уж сердечным другом, каким выглядел.

Однако при этих обстоятельствах я был вынужден вернуться в Норбулинку и наблюдать дальнейшее развитие китайского военного правления.

Через два месяца после прибытия генерала Чжан Цзинь-у в Лхасу вошли три тысячи солдат и офицеров китайской армии. Вскоре после этого прибыло еще одно

подразделение примерно такого же размера под руководством еще двух генералов - Тан Куан-сэнь и Чжан Го-хай. Население Лхасы наблюдало их приход с очевидным безразличием, которое, я полагаю, как правило, и демонстрируется обычными людьми перед лицом такого национального унижения. Поначалу между китайскими командирами и нашим правительством не было контактов за исключением того, что китайцы требовали продовольствия и снаряжения. Но эти требования вскоре стали приводить население города в беспокойство. Китайцы реквизировали нужные им дома и дополнительно купили или взяли здания в аренду. Затем невдалеке от Норбулинки, в красивейшем месте у реки, которое всегда было излюбленным местом летних пикников, они взяли себе громадную площадь для лагеря. Потом они потребовали в долг две тысячи тонн ячменя. Такое громадное количество отсутствовало в государственных закромах, и правительство вынуждено было сделать заем у монастырей и частных владельцев. Китайцы требовали также и другие виды пищи, и скромные ресурсы города начали иссякать, а цены начали подниматься.

Вскоре появился еще один генерал в сопровождении восьми или десяти тысяч солдат. Они захватили еще большую площадь для лагеря, и под грузом дополнительных потребностей продовольствия наша нехитрая экономика была сломлена. Они ничего не принесли с собой, рассчитывая все получить из наших скромных источников снабжения.

Цены на зерно взвились в десять раз, на масло в девять, а на другого рода товары в два-три раза. Впервые, насколько люди помнили, население Лхасы было доведено до уровня голодания. Недовольство присутствием китайской армии росло, и дети стали бегать, выкрики-

вая лозунги и бросая камни в китайских солдат. Это было знаком того, что взрослые едва сдерживали свое негодование. Посыпались жалобы, как в наш офис, так и в Кашаг. Но мы ничего не могли сделать. Китайские армии прибыли, чтобы обосноваться здесь, и не намерены были принимать какие-либо предложения или оказывать содействие нашему правительству.

Напротив, их требования с каждым днем возрастали. Вскоре они потребовали еще две тысячи тонн ячменя, и мы были вынуждены искать его. Это называлось "заём", и генералы обещали оплатить его инвестициями в развитие промышленности Тибета. Но эти обещания никогда не были выполнены, в то время как условия для населения Лхасы все ухудшались и ухудшались.

В город постоянно прибывали высокопоставленные китайские чиновники, и генералом Чан Син-гу была проведена целая серия встреч. Члены Кашага должны были посещать их, и это выпадало большей частью на долю Лукхангвы, моего светского премьер-министра, который должен был находить баланс между существенными потребностями населения и требованиями захватчиков.

У него хватало мужества прямо объяснять китайцам, что тибетцы были скромной религиозной общиной и их производственных возможностей всегда было достаточно только для них самих. Избыток был очень небольшим. Может быть, его хватило бы, чтобы снабжать китайские армии месяц или два, но не более того. И избыток не мог создаваться постоянно. Не могло быть каких-то разумных причин, указал он, для того, чтобы держать в Лхасе такие громадные силы. Если они были нужны для защиты страны, то их следовало бы послать на границы, а в городе должны были бы остаться только начальники с эскортом разумного размера.

Ответ китайцев поначалу был очень вежливым. Генерал Чжан Цзинь-у заявил, что наше правительство подписало соглашение, согласно которому китайские вооруженные силы должны быть размещены в Тибете, поэтому мы обязаны обеспечивать их продовольствием и всем необходимым. Он сказал, что они прибыли в Тибет только для того, чтобы помочь Тибету развить его ресурсы и защитить его против империалистического господства, и что они вернутся в Китай, как только Тибет сам окажется способным управлять своими делами и защищать свои границы. Как только вы встанете на ноги, сказал он, мы не будем здесь оставаться, даже если вы нас попросите.

Лукхангва пытался указать, что единственными людьми, которые когда-либо угрожали нашим границам, были сами китайцы. И что мы управляли своей страной на протяжении столетий. Но во время следующей встречи он сказал генералу, что несмотря на его уверения, что китайцы прибыли помочь Тибету, пока что они ничего не сделали, чтобы осуществить эту помощь. Наоборот, их присутствие создало серьезные трудности, и большая часть их действий только добавляла гнева и недовольства народа.

Было упомянуто одно из таких действий, которое было более важным для нас, чем могло бы показаться, - сожжение костей мертвых животных в священном городе Лхасе. Это было большим оскорблением религиозных чувств тибетцев и вызвало большое количество враждебных заявлений.

Но вместо того, чтобы обдумать причины очевидной враждебности народа, Чжан Цзинь-у ожидал, что ей положит конец наше правительство. Среди прочих жалоб он заявил, что люди выходят на улицы Лхасы и распевают песни, унижающие китайцев, и предложил,

чтобы наше правительство издало декларацию, призывающую к дружеским отношениям с китайцами. Он написал проект декларации и передал его Лукхангве.

Когда Лукхангва прочел его, он обнаружил, что это был приказ запретить пение на улице, и, конечно, вместо того, чтобы издавать столь смехотворный декрет, он переписал его в несколько более приличной форме, и я думаю, что китайцы никогда ему этого не простили.

На протяжении ряда встреч жалобы китайцев все усиливались. Хотя они и пытались разъяснить народу, как они говорили, что они прибыли в Тибет только для того, чтобы помочь тибетцам, поведение народа с каждым днём ухудшалось. Китайцы жаловались, что люди собираются на митинги критиковать китайских начальников, что, без сомнения, было правдой, и потребовали, чтобы Кашаг запретил такого рода собрания.

Это было сделано, но лхасцы немедленно начали вешать плакаты и распространять в городе листовки, где говорилось, что их ждет голод, и требовалось, чтобы китайцы убирались назад в Китай. Несмотря на запрет, состоялся большой митинг, на котором был написан меморандум, где перечислялись тяготы населения и указывалось, что условия в Лхасе стали крайне серьезными. В меморандуме высказывалась просьба, чтобы китайские войска были выведены и в городе остались только официальные лица. Одна копия этого меморандума была послана китайским генералам, а одна - в наш Кашаг.

Китайцы заявили, что документ был инспирирован империалистами, и начали намекать, что в Лхасе есть какие-то люди, которые специально создают трудности, беспокойство. Однажды Чжан Цзинь-у прибыл в Кашаг и сердито обвинил обоих премьер-министров в том, что они являются тайными лидерами, стремящимися нарушить соглашение, подписанное в Пекине.

Модель, по которой развивались эти события, отчаянно знакома каждой стране, ставшей жертвой оккупации. Захватчики прибывают, полагая - насколько искренне, сказать трудно, - что они прибыли в качестве благодетелей. Они, как кажется, удивлены, что подчинённый народ, по меньшей мере, не жаждет их благодеяний. В то время, как в народе растёт недовольство ими и они не пытаются уладить его своим уходом или хотя бы каким-то вниманием к пожеланиям людей, они пытаются подавить его все большим применением силы и, вместо того, чтобы винить самих себя, ищут "козлов отпущения".

В Тибете первыми "козлами отпущения" были чисто воображаемые "империалисты" и мой премьер-министр Лукхангва.

Но такой род действий не мог привести ни к чему, кроме как к катастрофе. Народное недовольство не может быть подавлено силой более, чем на короткое время, потому что репрессии всегда делают его только более сильным. Этот урок, казалось бы столь очевидный, должен был быть ещё пройден китайцами.

В этот период растущего напряжения китайцы время от времени настаивали на том, чтобы не иметь дело с обычными протокольными агентствами правительства, а общаться непосредственно со мной. Вначале оба мои премьер-министра всегда присутствовали в качестве моих советников, когда я встречался с китайскими генералами, но во время одной из встреч Чжан Цзинь-у совершенно потерял самообладание из-за слов моего министра-монаха Лобзана Таши.

В том возрасте, в котором я был, меня это шокировало. Я никогда не видел, чтобы взрослый человек так себя вел. Но каким бы юным я ни был, именно я должен был вмешаться, чтобы успокоить его. И после этого случая китайцы стали требовать встреч со мной наедине.

Когда бы они ко мне ни приходили, их сопровождал эскорт охранников, которые располагались во время беседы перед моей комнатой. Это указывало на плохие манеры и не более того, но оскорбляло чувства тех тибетцев, которым об этом было известно. Окончательный кризис в отношениях между китайцами и Лукхангвой возник относительно проблемы, которая не имела ничего общего со страданиями Лхасы. Чжан Цзинь-у созвал особо большое собрание, куда были призваны и мои премьер-министры, и Кашаг, и все высшие китайские официальные лица, как гражданские, так и военные. Генерал объявил, что пришло время для того, чтобы тибетские войска вошли в народно-освободительную армию, как это предусматривалось "Соглашением из 17 пунктов". Он предложил в качестве первого шага в этом направлении, чтобы какое-то число молодых тибетских солдат было выбрано для подготовки в китайских армейских лагерях в Лхасе. Затем, сказал он, они могли бы вернуться в свои подразделения для того, чтобы тренировать других.

На этот раз Лукхангва высказался в более сильных выражениях, чем когда бы то ни было раньше. Он сказал, что это предложение ни необходимо, ни приемлемо. Абсурдно было бы следовать условиям соглашения из 17 пунктов. Наш народ не принимал соглашения, а сами китайцы многократно нарушали его условия. Их армия все еще оккупировала Восточный Тибет, и эта территория не была возвращена правительству Тибета, как следовало сделать. Агрессия против Тибета была ничем не оправдана: китайская армия силой вошла на территорию Тибета в то время, когда все еще велись мирные переговоры.

Что касается вхождения тибетских подразделений в китайскую армию, то в соглашении говорилось, что китайское правительство не будет принуждать тибетцев

принимать реформы, а это было реформой, которая вызвала у тибетского народа стойкое неприятие, и как премьер-министр он не мог ее одобрить. Китайские генералы мягко ответили, что этот вопрос не так уж важен и они не вполне понимают, почему тибетское правительство так резко возражает.

Затем они несколько сменили тему. Они предложили, чтобы во всех тибетских казармах тибетский флаг спустили и вместо него подняли китайский.

Лукхангва ответил, что, если над казармами поднимут китайские флаги, то солдаты, несомненно, сразу же их спустят, что будет оскорбительно для китайцев. В ходе этого спора о флагах Лукхангва сказал, что было бы нелепо со стороны китайцев, после того как они силой нарушили целостность Тибета, просить тибетцев оставаться с ними в дружеских отношениях.

"Если вы ударите человека и пробьете ему череп, - сказал он, - вряд ли вы сможете рассчитывать на его дружелюбие". Это окончательно разгневало китайцев, и они закрыли совещание, предложив провести другое через несколько дней.

Когда все представители встретились снова, в качестве основного оратора выступил другой генерал, Фан Мин. Он спросил Лукхангву, не допустил ли он ошибки при высказываниях на предыдущей встрече, без сомнения ожидая извинений. Но Лукхангва, конечно, стоял на своем и добавил, что это была его обязанность искренне объяснить ситуацию, потому что по всему Тибету распространились слухи о бесчинствах китайцев в восточных провинциях и чувства людей обострены. Если бы китайские предложения относительно армии были приняты, насильственная реакция могла последовать незамедлительно. И не только со стороны армии, но и со стороны всего тибетского народа.

В своем ответе генерал Фан Мин потерял самообладание и обвинил Лукхангву в том, что он поддерживает тайные отношения с зарубежными империалистическими державами. Он кричал, что попросит меня сместить Лукхангву с его поста. Лукхангва ответил, что, конечно, если я, Далай-лама, подтверждаю, что он совершил неправильный поступок, то он не только оставит свой пост, но также оставит и свою жизнь.

Здесь генерал Чжан Цзинь-у вмешался, сказав, что Фан Мин ошибается, и попросил наших представителей не принимать то, что он сказал, слишком серьезно.

Итак, совещание опять было сорвано без какого-либо соглашения. Несмотря на это и невзирая на смягчающее вмешательство Чжан Цзинь-у, вскоре после этой встречи я получил письменный документ, в котором китайцы настаивали, что Лукхангва не хочет способствовать улучшению отношений между Китаем и Тибетом, и предложили мне сместить его с его поста. Они сделали то же представление Кашагу, и Кашаг также выразил мне свое мнение, что было бы лучше, если бы оба премьер-министра ушли в отставку. Итак, кризис достиг апогея, и я оказался перед лицом очень трудного решения. Я восхищался мужеством Лукхангвы в его противостоянии китайцам, но сейчас я должен был решить, позволить ли ему продолжать это или вновь пойти на уступки китайским требованиям.

Здесь было два соображения: личная безопасность Лукхангвы и будущее страны в целом. Первое меня менее беспокоило. Лукхангва уже подверг свою жизнь опасности. Если бы я отказался освободить его от должности, были все основания предполагать, что китайцы могут избавиться от него своим способом.

Мои взгляды относительно вопроса в целом за время этого долгого периода напряжения заметно развились.

Конечно, я так и не получил какого-либо теоретического образования относительно сложностей международной политики. Я мог лишь приложить к решению этих вопросов мою религиозную подготовку, а также здравый смысл. Но религиозная подготовка - как я думал и продолжаю думать - является весьма надежным проводником.

Я рассуждал, что, если бы мы продолжали противостоять и гневить китайских генералов, это могло привести лишь к новым циклам репрессий и народного возмущения. В конечном счете это, несомненно, должно было кончиться физическим насилием. Однако насилие было бесполезным. Мы не могли избавиться от китайцев силой. Они в любом случае победили бы, если бы мы начали воевать, и наш невооруженный и неорганизованный народ пал бы жертвой. Единственной нашей надеждой было мирно вынудить китайцев исполнить свои обязательства, принятые ими в Соглашении.

Ненасилие было единственным путем, который, возможно, в конечном счете мог сохранить нам какую-то степень свободы, пусть и через годы терпения. Это означало, что, по мере возможности, нам необходимо сотрудничать. И проявлять пассивное сопротивление, когда сотрудничество было невозможным.

Насильственное противостояние было не только непрактичным, но и неэтичным. Ненасилие является единственным нравственным путем. Это было не только мое собственное глубокое убеждение, было ясно, что это соответствует учению Будды, и как религиозный лидер Тибета я обязан был его придерживаться. Пусть мы были бы унижены, и наше наиболее ценное наследие потеряно на какой-то период. Что ж, в таком случае нашей долей должно быть смирение. В этом я был уверен. Поэтому я с печалью принял рекомендацию Кашага и

попросил премьер-министров подать прошение об отставке. Они пришли ко мне, и я подарил им шарфы и подарки, и мои фотографии. Я чувствовал, что они очень хорошо понимают мое положение.

Я не назначил никаких преемников для них, потому что было бесполезно иметь премьер-министров, если они являлись бы просто козлами отпущения для китайцев. Было лучше мне самому принять ответственность, поскольку в глазах всех тибетцев мое положение было выше всякой критики.

Впоследствии Лукхангва ушел в Индию, где стал моим премьер-министром в эмиграции и оставался на этом посту, пока возраст не заставил его уйти в отставку. И до настоящего времени он мой надежный советник.

Но, к своему глубокому сожалению, должен сказать, что в 1959 году, после того, как я сам оставил Тибет, Лобзан Таши, монах-премьер-министр, был брошен китайцами в тюрьму и так и не был освобожден.

Когда этот инцидент завершился, отношение китайцев стало более дружелюбным и гибким. Они предложили Кашагу послать делегацию тибетских официальных лиц, монахов, торговцев и других представителей, в Китай, чтобы они сами увидели и убедились, как они говорили, что народ Китая имеет абсолютную свободу в исповедании своей религии. Мы приняли это предложение и выбрали членов делегации. Они были взяты в путешествие по Китаю, и, когда вернулись, представили доклад, который, как всем было известно, был написан под китайскую диктовку.

Затем китайское правительство пригласило и меня самого посетить Китай. Хотя, несомненно, произошло некоторое улучшение в отношениях между моим правительством и китайскими чиновниками в Тибете, я все

еще был в громадной степени разочарован их полным пренебрежением нашими интересами и благосостоянием нашего народа. Я думал, что должен встретиться с высшими лидерами Китая и попытаться убедить их придерживаться тех обязательств, которые они приняли в на-
вязанном нам Соглашении. Итак, я решил поехать.

ГЛАВА ШЕСТАЯ В КОММУНИСТИЧЕСКОМ КИТАЕ

Население Лхасы ужасно не хотело, чтобы я ехал в Китай. Они опасались, что мне никогда не дадут вернуться. Но я не боялся стать заключенным и решил, что обязан поехать. Поэтому во время религиозной церемонии в Норбулинке, где собралось очень много народа, я сделал все, что мог, чтобы убедить их, и обещал вернуться домой в течение года.

В это время в Пекине готовилась сессия Национальной ассамблеи народов Китая для создания конституции. Китайцы зарезервировали десять мест в этой Ассамблее для Тибета. Как утверждалось, китайские представители были избраны, но нас просили назначить делегатов в Ассамблею. Китайское правительство предложило мне самому возглавить эту делегацию. Многие из наших считали, что достоинство Далай-ламы не позволяет быть членом такой Ассамблеи, но мне представлялось, что отказом мы ничего не приобретём. Напротив, отказавшись, мы можем потерять всякий шанс сохранить хоть какую-то автономию. В то время как если мы согласимся, может быть, это поможет вынудить китайцев придерживаться своих обещаний.

Итак, я оставил Лхасу в 1954 году.

На берегу реки была проведена религиозная церемония, на которую народ Лхасы пришел со мной прощаться.

ся. Все были заметно опечалены и подавлены моим отъездом, да и сам я не усматривал ничего приятного в моем первом путешествии за границы Тибета. Начать путешествие я имел возможность в машине. Китайцы сумели доставить в Лхасу много автомобилей, в основном военных. И с востока и с северо-запада были построены стратегические дороги.

Строительство дорог было еще одним источником недовольства и разногласий. Тибетских рабочих рекрутировали насильно, поскольку никто по своей воле не хотел идти на такую работу, а оплата их была чрезвычайно мала, и земли реквизиrowали большей частью без компенсации. Там, где под дороги забирались пахотные земли, предоставить другие земли для крестьян заставляли наше правительство. Но, как правило, других плодородных земель в окрестности не было. Несомненно, для развития страны дороги были необходимы. Но способ, которым китайцы строили их, был несправедлив и оскорбителен для сельского населения.

Итак, первые 90 миль из Лхасы мы проехали. Далее дорога была закончена лишь наполовину, и нам опять пришлось пересестъ на лошадиные спины, как всегда и делают тибетцы. Шли проливные дожди, и в нескольких местах на строящуюся дорогу сошел сель, поэтому кое-где мы не могли ехать верхом и должны были пробираться через глину. Там, где дорога огибала горные утесы, сверху на дорогу падали камни и затем, перелезая через дорогу, летели до реки, которая была на сотню футов ниже. Полупостроенная дорога была настолько опасна, что во время нашего путешествия погибли три человека, а также много мулов и лошадей.

Следующие 10 дней мы имели возможность ехать на джипе, хотя дорога была еще очень плохой. Последние шесть дней из десяти мы проезжали через территорию,

которая была преимущественно тибетской, хотя, как и мой родной район, она была занята китайцами много лет назад и управлялась китайцами. Население здесь в основном шло от тибетского корня, и, где бы я ни останавливался на ночь, я должен был давать публичные приемы. Все настаивали, чтобы при моем возвращении из Китая я, хотя бы на несколько дней, у них остановился.

В месте, которое называлось Тачинлу, мы пересекли холм, знаменитый в тибетской истории. Он обозначал древнюю исходную границу между Тибетом и Китаем. Перейдя на другую сторону, мы сразу увидели, что действительно находимся в иностранном государстве. Люди и по внешности были китайцы, и их дома, платья, манеры и обычаи были совершенно другими. Кроме того, мы начали замечать по краям дороги чайные, верный знак того, что мы уже в самом Китае.

Всю дорогу до китайского города Чэнду мы ехали на машине. Затем оттуда мы полетели в Синин и, наконец, особым поездом отправились в Пекин. Только несколько лет назад, когда меня так интересовала механика, полет на самолете или путешествие на поезде были бы для меня как восхитительная мечта, но теперь, хотя и то и другое я совершал впервые в жизни, мой ум был настолько полон наших политических проблем и ответственности, что наслаждаться этими новыми переживаниями я совершенно не мог.

В Синине к нам присоединился Панчен-лама. Он был моложе меня, хотя часто люди говорили, что он выглядел старше. Мне в то время было 19, а ему 16. Он рос в невероятно трудных обстоятельствах. Панчен-ламы, как и Далай-ламы, являются очень высокими воплощениями. Первое воплощение обоих имело место в 14-м веке по христианскому летосчислению. Всегда с того времени Панчен-ламы были вторыми после Далай-лам

по своему религиозному авторитету в Тибете, но никогда не занимали какой-либо светской должности. Во всей истории отношения между теми и другими были чрезвычайно сердечными, как и подобает у высоких религиозных лидеров, и в большинстве случаев младший становился учеником старшего.

Но около 1910 года между нашими непосредственными предшественниками произошел разрыв. В те времена, когда китайцы захватили Тибет и 13-й Далай-лама должен был бежать в Индию, некоторые из помощников Панчен-ламы воспользовались отсутствием Далай-ламы, чтобы подать жалобы на налоги, которые налагало на них правительство, и о других подобных предметах. Китайцы, заметив возможность разногласий, сделали все, что могли, чтобы расширить их, надеясь разделить Тибет и сделать его для себя более легкой добычей.

Разделить Тибет им не удалось. Как я уже рассказывал, тибетцы изгнали их из страны, но разногласия между двумя ламами сохранялись, и через несколько лет Панчен-лама отбыл на контролируемую китайцами территорию вблизи границы. Там он прожил остальную часть своей жизни и умер, насколько мне известно, в 1937 году.

В этих обстоятельствах прошло необычно долгое время, прежде чем начали искать его перерождение. В 1950 году в Тибете были обнаружены два возможных кандидата. А китайцы выставили кандидата с той территории, которой они правили. Во время переговоров в Пекине, которые завершились так называемым "Соглашением 1951 года", я получил телеграмму от Нгабо, главы нашей делегации, где сообщалось, что, если китайский кандидат не будет принят, это помешает переговорам. Естественно, правительство и главы монастырей хотели провести наши традиционные испытания. Но в то время это было невозможно, и постепенно нынешний Панчен-

лама стал признан истинным воплощением. Ему тогда было уже 11 или 12 лет. Конечно, все его образование и воспитание проходили под сильным китайским влиянием. Вначале при режиме Чан Кай-ши, а затем при коммунистах.

Китайцы, без сомнения, использовали его в своих политических целях, понимая, что он был слишком мал, чтобы протестовать. Например, когда коммунистическое правительство захватило власть в Китае, в его адрес была послана и опубликована телеграмма, подписанная Панчен-ламой, хотя в то время ему было 10 лет и он еще не был признан в качестве перевоплощенца. Без сомнения, многие в то время были обмануты, и думали, что эта телеграмма пришла из официальных тибетских источников.

Я уже встречался с ним однажды. Он приезжал в Лхасу повидать меня, когда ему было 14 лет. Конечно, он прибыл со свитой из китайских чиновников, помимо его собственной монашеской свиты. Он был формально представлен мне традиционным образом, как младший относительно меня не только по возрасту, но и по положению. Но я заметил в этой же первой встрече, что китайцы и некоторые из его собственных помощников не особенно были довольны нашим древним обычаем. Они предпочли бы увидеть, что Панчен-лама сидит со мной на одном уровне. Поэтому первая встреча была напряженной и не слишком удачной.

Но в тот же самый день мы вновь встретились неформально и вместе обедали. И я должен сказать, что мы друг с другом поладили. Он выказал искреннее уважение к моему положению и вел себя, как требует буддийский обычай при отношениях младшего и старшего монаха. Он был корректен и приятен во всех манерах. Настоящий тибетец. Я убедился в его искренней и доб-

рой воле. Я уверен, что, будь он оставлен в покое, он бы всем сердцем поддерживал Тибет против всех притязаний Китая.

В конце его визита в Лхасу весь его китайский эскорт помешал обычаю формального прощания, но он пришел попрощаться со мной частным образом в Норбулинке. Я заметил изменение в его отношении, как будто он был проинструктирован, чтобы вести себя как превосходящее лицо. Но я напомнил ему, как важно для него и для меня продолжать религиозные штудии, и предложил, чтобы мы, поскольку оба были молоды, забыли о расхождениях между нашими предшественниками и начали все заново, и он согласился.

Я искренне сожалел об этих старых разладах, как делаю и сейчас. Я не думаю, что ему позволили совсем о них забыть, ведь он постоянно подвергался китайскому влиянию. Если бы он и его последователи сделали это, страдание Тибета могло бы быть меньшим. Китайцы пытались достичь в нашем поколении то, что им не удалось достичь в предшествующем, и в этот раз, конечно, у них было преимущество в том, что они имели в своих руках тибетского религиозного лидера, от имени которого могли делать свои заявления. Но не следует обвинять Панчен-ламу лично. Никакой мальчик, выросший при таком концентрированном постоянном враждебном влиянии, не мог бы сохранить свою собственную свободу воли.

И, невзирая на это влияние, я не верю, чтобы он когда-либо оставил нашу религию в пользу коммунизма*.

* Его Святейшество оказался прав, Впоследствии Панчен-лама, протестовавший против китайских бесчинств в Тибете, был брошен в тюрьму, где провел много лет в заточении; затем был восстановлен в должности, сохраняя внешне лояльную к китайцам позицию, но через несколько лет по неизвестной причине умер, сразу же после своего публичного выступления в защиту Далай-ламы. - *Прим. перев.*

После того, как мы встретились в Синине, мы последовали в Пекин вместе. И там мы были приняты вице-президентом Чжу Дэ, премьер-министром Чжоу Энь-лаем и другими официальными лицами пекинского правительства. На железнодорожном вокзале стояли толпы, желавшие приветствовать нас. Многие из пришедших выглядели как студенты или члены молодежных организаций и громко хлопали, приветствуя нас. Но у меня возникло циничное чувство, что они, если бы им было указано, так же легко могли бы выказать и враждебность.

Это напомнило мне о беседе, которая, как говорят, состоялась, когда один китайский чиновник посетил тибетскую деревню. Все крестьяне собрались, чтобы приветствовать его прибытие и с энтузиазмом хлопали в ладоши. Довольный, он спросил одного из них, были ли они счастливы при новом режиме.

- Да, совершенно счастливы, - ответил тибетец. - Всё прекрасно. За исключением того, что нам не нравится этот новый налог.

- Какой налог?

- Аплодисменты. Каждый раз, когда сюда приезжают китайцы, мы должны выходить и аплодировать.

Если вспомнить, что многие тибетские налоги всегда состояли в более или менее неприятном труде, становится понятен смысл этой истории.

В тот вечер, когда мы прибыли, Чжу Дэ дал прием в мою честь и в честь Панчен-ламы. Столы были накрыты на 200 персон и все было сделано в таком грандиозном и парадном масштабе, что поистине меня поразило. Все столовые приборы были наилучшего качества. Предлагались китайские вина, хотя никто из нашей делегации, за исключением некоторых светских чиновников, не мог их попробовать.

Чжу Дэ произнес приветственную речь, говоря, что тибетцы вернулись в свою отчизну и что правительство Китая сделает все, что в его силах, дабы помочь нам. Это для меня был совершенно новый опыт, и я не знал, не был уверен, как я должен себя вести со всеми членами китайского правительства. Но там было одно преимущество: все были вежливы, доброжелательны и казались чрезвычайно культурными и образованными людьми.

Через два дня я впервые встретился с Мао Цзе-дуном.

Это была памятная беседа. Наша встреча состоялась во дворце приемов, где обычно высокопоставленные визитеры знакомились с Председателем Китайской коммунистической партии.

Мао Цзе-дун был окружен несколькими помощниками. Он начал с того, что выразил радость по поводу того, "что Тибет вернулся назад в лоно матери-родины" и что я согласился участвовать в Национальной ассамблее. Он сказал, что миссия Китая - принести прогресс в Тибет, развивая его природные ресурсы, и что генералы, которые были в Лхасе - Чжан-у и Фан Мин, именно для помощи мне были направлены туда как китайские представители. Они не должны были представлять какого-либо рода авторитет, осуществлять контроль над тибетским правительством или народом. И он попросил меня откровенно сказать, делали ли что-нибудь эти китайские представители против моей воли.

Я чувствовал, что нахожусь в очень трудном положении. Я был уверен, что, если я не смогу сохранять дружественную атмосферу, наша страна будет страдать еще больше, чем она уже выстрадала. Поэтому я ответил, что народ Тибета имеет большие надежды на будущее под его руководством и поэтому, когда возникали трудности с китайскими представителями, мы искренне высказывали наше мнение.

Следующая моя встреча с ним продолжалась около трех часов. При ней никто не присутствовал, за исключением переводчика. Опять-таки мы говорили, конечно, о Тибете и его будущем. Я изложил ему мое личное видение последних событий в Тибете, пытаюсь рассеять какие-либо сомнения, которые могли у него быть относительно нашего положения. Я пытался вызвать в нем чувство доверия, поскольку был убежден, что мы все равно не можем избавиться от китайского правления методом бескомпромиссного противостояния. Мы могли лишь надеяться облегчить его и терпеливо пытаться развить его во что-то приемлемое.

Членами тибетской торговой делегации, которая посетила Китай в 1953 году, я был информирован, что китайские коммунистические лидеры имеют относительно меня серьезное сомнение. Прежде всего из-за того, что я разместил деньги в Индии, и, во-вторых, потому что они, как кажется, думали, что некоторые члены моей семьи имеют тесные связи с иностранными государствами. Это было совершенно неверно. При случае я использовал возможность сказать об этом Мао Цзе-дуну.

Что касается денежных средств, о них китайцы спрашивали меня часто. Я всегда отвечал им, что думаю вернуть казну в Лхасу. Так оно и было, но, к счастью, я так этого и не сделал.

Мао казался очень довольным тем, что я сказал ему, и заявил, что на одном из подготовительных этапов китайское правительство решило было учредить комитет из политических и военных представителей, чтобы китайское правительство правило Тибетом непосредственно. Но сейчас ему кажется, что такой необходимости нет.

Возможно, подумал я, это уже победа моей политики.

Вместо этого, добавил он, теперь решено создать Подготовительный комитет по Тибетскому автономному

району. Он спросил мое мнение, но это был слишком большой вопрос для торопливых суждений, и я сказал ему, что я не могу высказать какого-либо мнения, не проконсультировавшись с другими тибетцами, включая Панчен-ламу. Это подтолкнуло его к мысли о недоразумении между Панчен-ламой и тем, что он назвал местным правительством Тибета. Он предложил, чтобы, поскольку мы оба были в Пекине, мы использовали эту возможность для устранения наших разногласий. Я ответил, что эти разногласия были наследием прошлого и что лично у меня никаких расхождений с Панчен-ламой нет. Если же какие-то недоразумения оставались, то я буду только счастлив устранить их.

Через несколько дней я получил послание от Мао Цзэ-дуна, в котором сообщалось, что через час он собирается меня навестить. Когда он прибыл, он заметил, что зашел просто так. Затем почему-то сказал, что буддизм очень хорошая религия и что, хотя Будда и был царевичем, он много думал над тем, как улучшить жизнь народа. Он также высказал мнение, что богиня Тара была доброй женщиной, и через несколько минут ушел.

Я был весьма удивлен этими замечаниями и не знал как к ним относиться.

Однажды мне выдалась возможность увидеть, как Мао действует в роли великого лидера коммунистического Китая. Я был приглашен на встречу в его доме, на которой присутствовало около 20 высоких чинов.

Я сидел рядом с ним и мог ощущать влияние его личной силы. Предметом встречи был уровень жизни китайских крестьян. Он говорил грубовато и, как я думал, с большой искренностью о том, как он не удовлетворен тем, что делается в этом отношении. Он цитировал письма из своей родной деревни, в которых говорилось,

что коммунистические руководители не все делают, чтобы помочь народу. Через некоторое время он повернулся ко мне и сказал, что тибетцы были упорны и даже упрямы в своих идеях, но через 20 лет Тибет станет сильным. Сейчас Китай помогает Тибету, а через 20 лет Тибет будет помогать Китаю. Он упомянул великого китайского военачальника Ши Лин-мо, который привел свои армии к множеству побед, пока не встретил достойного противника в лице тибетцев. Я снова был крайне удивлен тем, что он говорил, но в этот раз его замечания были, по крайней мере, более приемлемы.

Моя последняя встреча с этим примечательным человеком состоялась в конце моего пребывания в Китае. Я находился на совещании в Постоянном комитете Национальной ассамблеи, когда получил послание, приглашающее меня посетить его дома. К этому времени я уже завершил путешествие по китайским провинциям и был готов искренне сказать ему, что на меня действительно произвели впечатление и заинтересовали все проекты, которые я видел. В ответ он начал читать мне длинную лекцию об истинных формах демократии и советовать мне, как стать лидером народа и как использовать его симпатии. А затем он наклонился ближе ко мне со своего кресла и прошептал: "Я очень хорошо вас понимаю, но, конечно, религия - это яд. У нее два недостатка - во-первых, она тормозит рост населения и, во-вторых, тормозит развитие страны. Тибет и Монголия были отравлены ею".

Я был совершенно поражен. Я пытался взять себя в руки, но не знал, как понять его. Конечно я сознавал, что он должен быть ярким врагом религии, однако он казался действительно дружелюбным и любящим по отношению ко мне. После этих необыкновенных замечаний он вышел со мной вместе к машине, и его последний

совет состоял лишь в том, что мне следует заботиться о своем здоровье.

В Китае выдающаяся личность Мао Цзэ-дуна произвела на меня большое впечатление. Помимо наших личных встреч, я встречался с ним много раз при различных особых обстоятельствах. Его внешность не выдавала мощи его интеллекта. Он не выглядел здоровым и часто отдыхал, тяжело дыша. Одежда его была точно такой же, как у всех, хотя и другого цвета, но он не много внимания обращал на свою одежду, и однажды я заметил, что обшлага рукавов его рубашки были обтрепаны. Ботинки его выглядели так, как будто он их никогда не чистил. Он был нетороплив в движениях и еще медленнее в речи. Он берег слова и говорил короткими предложениями, но каждое было полно значения и, как правило, ясно и точно. Говоря, он постоянно курил. Однако такая манера речи, конечно, захватывала умы и воображение слушателей и создавала впечатление его доброты и искренности.

Я был уверен, что он верил в то, что говорит, и в то, что достигнет цели, которую перед собой ставил. Я также был убежден, что он сам никогда не стал бы использовать силу, чтобы везде установить коммунистическое господство. Конечно, впоследствии, в связи с той политикой подавления, которая была принята китайскими властями в Тибете, я утратил иллюзии, но и до сих пор с трудом могу поверить, что эти карательные меры были одобрены и поддерживались Мао Цзэ-дуном.

Другой важный человек в китайской иерархии был Чжоу Энь-лай - премьер-министр. О нем впечатление у нас сложилось совершенно другое. Впервые я его увидел, когда он прибыл встречать меня на железнодорожный вокзал, и несколько раз мы вели с ним короткие беседы. В одной из них он дал мне множество советов

относительно будущего Тибета, объясняя, как важно как можно быстрее строить и развивать страну. Я ответил, что мы понимаем, насколько наша страна отстала, и что теперь, может быть, станет возможно улучшить материальные условия жизни и административную систему. Как я говорил, я уже начинал делать это самостоятельно. Но, добавил я, я полагаю, что для развития наших природных ресурсов поначалу мы, конечно, нуждаемся в экономической помощи.

Чжоу Энь-лай всегда был дружелюбен, но никогда не был столь откровенен и открыт, каким казался мне Мао Цзэ-дун. Он был чрезвычайно вежлив, даже церемонен, и лстив, полностью владел собой, и поэтому я был весьма удивлен, услышав недавно, что он гневался и колотил кулаком по столу во время совещания в Непале. С самого первого раза, когда я встретил его, я понял, что он умён и проницателен. У меня также сложилось впечатление, что он способен совершенно безжалостно проводить в жизнь любые свои проекты. Я ничуть не был удивлен (как я был удивлен относительно Мао Цзэ-дуна), когда узнал впоследствии, что он одобрял политику репрессий в Тибете.

Будучи в Пекине, я также познакомился, хотя и не близко, с несколькими заметными иностранцами. За обедом я был представлен русскому послу, и немного поговорил с ним. Он сказал, что был бы рад иметь более длительную беседу, и я с удовольствием согласился. Но эта беседа не состоялась, и я начал понимать, что китайцы не хотели дать мне возможность откровенно разговаривать с иностранцами. В точности то же произошло и с румынским министром.

Была у меня беседа с индийским послом. Китайцы не могли возражать против моей встречи с ним, поскольку Индия была нашим близким соседом, но они настояли

на том, чтобы послать на встречу китайских переводчиков, а не моих собственных. Мой собственный переводчик мог прекрасно переводить прямо с тибетского на английский. Китайцы же хотели, чтобы сначала переводили на китайский язык, а уже с китайского - на английский для посла. Поэтому атмосфера беседы была формальной и напряженной. Много сказать было нельзя. При этом присутствовали еще два чрезвычайно мрачных и помпезных китайских чиновника. Во время встречи была опрокинута большая ваза с фруктами, и моим единственным реваншем было наблюдать, как эти два очень важных джентльмена ползают на коленках и локтях под столом, собирая апельсины и бананы.

Также я имел честь познакомиться с г-ном Хрущевым и г-ном Булганиным, когда они прибыли в Пекин по случаю китайского национального праздника. Я отправился в аэропорт встречать их, и был представлен, а также встретил их на приеме в тот же вечер, однако беседы и обмена взглядов у нас не было.

Кроме того, в Пекине я имел удовольствие впервые встретить господина Неру, хотя, возможно, это было не лучшее место для нашей встречи. Именно тогда я впервые столкнулся с опасностью быть неправильно понятым журналистами. Писали, что я связывал с господином Неру прокитайскую политику, но это не так.

Я слышал и читал о нем очень много. Я очень хотел поговорить с ним и спросить его совета, но в то время, когда мы были в Китае, мне это не удалось.

Нас представил Чжоу Эн-лай во время приема. Неру казался погруженным в раздумье и некоторое время ничего не говорил. Я сказал ему, что его имя и репутация как ведущего государственного деятеля мира достигла нас в нашем изолированном Тибете, что я мечтал о встрече с ним. Он улыбнулся, но сказал лишь, что рад

познакомиться со мной. Хотя я видел его и в других случаях, это были единственные слова, которые я услышал от него в Китае. Сообщалось, что у нас с ним были частные беседы, но это не так. Также не спросил он меня и о том, могла ли чем-нибудь Индия помочь Тибету. Я был очень разочарован, что не смог поговорить с ним, поскольку я так нуждался в его помощи и совете. Но это желание мое не осуществилось до тех пор, пока я не приехал в следующем году в Индию.

Именно на приеме во время визита Неру ко мне подошел представитель индийской прессы с китайским переводчиком, чтобы взять у меня интервью. Он спросил меня, что я думаю о визите Неру в Китай. Я сказал, что надеюсь, что две великие страны смогут сблизиться и дать таким образом пример Азии и миру. Затем он спросил меня, готов ли я к реформам в Тибете. Я ответил, что с тех пор, как я пришел к власти в Тибете, я изо всех сил стараюсь реформировать нашу политическую и общественную жизнь и надеюсь, что мои попытки будут успешными и что не пройдет много времени, как он ульшиит о некоторых из них.

На этом месте китайский чиновник прервал нас и увел меня. Я был удивлен, заметив, что китайский переводчик быстро записывает детали нашей беседы, и впоследствии он сообщил мне, что ему было приказано записывать все, что я сказал, и передавать начальству.

Я тоже дал обед в Пекине по случаю тибетского Нового года. Это был ответный жест признательности за гостеприимство, с которым меня принимали. Все было сделано согласно традициям и обычаям Тибета. На пригластительных билетах, которые мы разослали, были изображения "четырех друзей" - слона, обезьяны, зайца и птицы. Птица - символ блага подразумевает Будду, а вся картинка, по нашему замыслу, должна была

символизировать единство наций, о котором так настойчиво говорили китайцы. Я имел удовольствие встретиться по этому случаю с многими китайскими деятелями, включая Мао Цзе-дуна, и опять-таки был поражен их приятными манерами, вежливостью и культурой.

Во время этого приема у нас не было религиозных церемоний, но были обычные новогодние украшения и цампа, обжаренная ячменная мука. По нашему обычаю, мы берем немного цампы и бросаем её к потолку в качестве подношения Будде. Когда Мао Цзе-дуну сказали об этом обычае, он бросил щепотку цампы к потолку, а затем, с озорной гримасой, бросил еще одну вниз, на пол.

В промежутках между такого рода встречами шли долгие заседания Национальной ассамблеи. Это были мои первые опыты политических собраний, и меня поразило, что многие из присутствовавших выказывали столь мало интереса к происходящему. Должен признаться, что и сам я немного интереса проявлял: во-первых, был утомлен после долгого путешествия в Китай, а, во вторых, слушания были на китайском языке, которого я не понимал. Но я ожидал, что сами китайцы будут более оживленными. Я сидел среди пожилых делегатов, и они казались еще более уставшими и скучающими, чем я. Выражение их лиц показывало, что они не способны следить за обсуждением текущего вопроса. Они всегда смотрели на часы, ожидая, когда начнется перерыв на чай. И, если перерыв был короче, чем обычно, они жаловались. Я посещал много других собраний в Китае, и мое впечатление всегда было одно и то же. Когда выступали из зала, то зачастую эти выступления не относились к сути дела, а, как правило, были просто восхвалениями коммунистических достижений. Когда делегаты действительно выражали свое собственное мнение, ничего не менялось.

Старшие члены партии вставали и излагали официальную позицию, и председатель принимал ее без какого-либо обсуждения. В комитетах бывали и настоящие обсуждения, но и они никак не влияли на партийные решения. Короче говоря, все эти долгие собрания и конференции были пустой формальностью, поскольку ни один делегат не имел возможности привнести какие-либо изменения, даже если бы ему и хотелось это сделать.

Когда в следующем году я посетил индийский парламент, я нашел совершенно иную атмосферу. После моего опыта китайских политических дискуссий было очень приятным сюрпризом слышать, как обычные члены индийского парламента говорят свободно и искренне, критикуя правительство в самых сильных выражениях. Меня это так поразило, что я сказал об этом Чжоу Энь-лаю, поскольку он в это же время был в Дели. Он ответил лишь, что со времени моего визита в Пекин все совершенно изменилось.

У меня осталось еще только одно впечатление о китайских политических собраниях. Невероятная длина речи лидеров. Все руководители казались страстными любителями ораторского искусства и никогда не упускали шанса поделиться с окружающими своим мнением. Я особенно запомнил речь, которую произнес Чжоу Энь-лай после своего возвращения с Бандунгской конференции. Это случилось, когда я был на обратном пути в Тибет и задержался в районе Чэнгду из-за того, что впереди по дороге произошло землетрясение. Чжоу Энь-лай и маршал Чэн И, вице-председатель партии, также остановились там на своем пути с конференции. Мне сообщили, что они прибывают, и я приехал в аэропорт их встречать. Чжоу Энь-лай зашел в дом, где я жил, и мы несколько минут разговаривали, затем мы отправи-

лись в армейский клуб. Там было 300 или 400 человек, и он начал речь об успехах китайской делегации на конференции. Он говорил о важности изучения международных дел, рассказал аудитории, что, когда он был на конференции, он встречался с представителями государств, о которых никогда не слышал, и что он вынужден был искать их на атласе. Эта речь продолжалась добрых пять часов, пока мы дошли до обычного конца - восхваления достижений коммунистического режима.

Но рекордсменом в речах, вероятно, был Чэн И. Начав, он обычно не останавливался часов семь. Слушая этот поток речи, я часто раздумывал, что же происходило в умах слушателей? Но в основном это были молодые коммунисты, а не остатки представителей старого образа жизни, которых я встречал в Национальной ассамблее. Оглядываясь вокруг, я почти не замечал признаков скуки и усталости. Терпение большинства этих людей казалось мне знаком того, что их умы уже совершенно деформированы и перестроены по коммунистическим моделям.

То же самое сильное впечатление однородности нации, умов, сложилось у меня, когда я путешествовал в различные части Китая. Я путешествовал семь месяцев по стране, посещал монастыри, заводы, рабочие организации, колхозы, школы и университеты. Я должен сказать, что познакомился со многими официальными лицами и о некоторых из них у меня до сих пор сохранились очень приятные воспоминания. Лучшие были способными и доброжелательными, а также хорошо образованными дипломатами.

Государственные департаменты и администрация были хорошо организованы и работали эффективно. Я также должен сказать, что неграмотные рабочие казались удовлетворенными, и общие условия их жизни в то

время казались неплохими. Только среди образованной публики можно было иногда заметить чувство скрытого недовольствия. Также невозможно было отрицать и колоссальный промышленный прогресс, совершённый Китаем при коммунизме.

Но даже преимущества эффективного прогресса должны соответствовать цене, которую за них платят. И мне показалось, что и в Китае цена была ужасающей. Прогресс стоил людям их индивидуальности. Они становились простой, однородной человеческой массой. Везде, куда бы я ни пошел, я находил, что они хорошо организованы, дисциплинированы и контролируемы. Так, что они не только все были одинаково одеты, и мужчины и женщины в однотонные хлопчатобумажные френчи, но также все говорили и вели себя одинаково. Наверное, и думали одно и то же. Вряд ли они могли поступать иначе, поскольку все они имели только один источник информации - газеты и радио, которые распространяли исключительно правительственную версию новостей. Иностранные газеты и радио были запрещены.

Однажды, когда я шел по деревне близ Пекина с китайским офицером, я был приятно удивлен, услышав европейскую музыку, которая звучала как музыкальная заставка Би-Би-Си перед выпуском новостей. И встревоженное выражение на лице моего сопровождающего было совершенно откровенным.

Люди, как казалось, потеряли даже умение непринужденно смеяться. Они смеялись, казалось, только, когда полагалось смеяться, и только, когда им приказывали.

Несомненно, некоторые из молодых коммунистов были умны и хорошо образованы на свой манер, но они никогда не высказывали оригинальных мнений. Это

всегда была одна и та же история о величии Китая и его замечательных достижениях. Даже в Синине, недалеко от места, где я родился, на границе Тибета, один из местных партийных лидеров прочел мне длинную лекцию, в точности такую, какие я часто слышал в Пекине. Но он все же сделал одно оригинальное замечание:

"Если не считать России, Китай - самая большая страна в мире. Это единственная страна, чтобы пересечь которую, надо на поезде ехать целый день и ночь".

Это было общее впечатление, которое осталось у меня после почти целого года в Китае. Эффективность, материальный прогресс и серый, без всякого юмора, туман однородности, в котором изредка, как неожиданная радость, проблескивали традиционное очарование и изысканность старого Китая.

Такая единоподобленность, конечно, придает коммунизму страшную силу, но я не мог поверить, что китайцы когда-нибудь преуспеют в сведении тибетцев к такому рабскому состоянию ума. Религия, юмор и индивидуальность - это дыхание жизни тибетцев, и ни один тибетец никогда не обменяет по доброй воле эти качества на простой материальный прогресс, даже если такой обмен и не будет предполагать подчинение чужой расе.

По мере того, как я готовился к обратному путешествию в Лхасу, у меня все еще были надежды спасти мой народ от наихудших последствий китайского руководства. Я думаю, что мой визит в Китай был позитивным в двух отношениях. Он, конечно, помог мне понять, чего именно мы не хотим, и, что было еще более важным, казалось, он убедил китайцев не торопиться с их начальным планом, который, как признал Мао Цзэдун, состоял в том, чтобы управлять нами непосредственно из Пекина через районные подготовительные

комитеты. Вместо этого, видимо, нам оставили какую-то часть власти над нашими внутренними делами и твердо обещали автономию.

Но затем я узнал детали о Подготовительном комитете Тибетского автономного района, который Мао Цзэдун предложил в качестве альтернативы. Предполагалось, что в нем будет 51 член, из которых все, за исключением пяти, должны быть тибетцами. Я должен был быть председателем, а Панчен-лама и китайские чиновники - вице-председателями. Нгабо должен быть генеральным секретарем. Задача комитета - подготовить региональную автономию в Тибете посредством организации комитетов по экономическим и религиозным вопросам, соответствующих, очевидно, нашим Цекхангу и Йигцангу, а также организовать обычную структуру правительства.

Правда, члены этого комитета были отобраны странным образом. Только 15 из них, включая меня, как предполагалось, должны были представлять "местное тибетское правительство", то есть наше настоящее правительство. 11 должны были быть избраны из важнейших монастырей и религиозных школ, общественных организаций и известных людей, а 10 должны были представлять две организации, созданные китайцами: так называемый "Комитет по освобождению Чамдо", который был организован в Восточном районе, захваченном при первом вторжении китайцев и так и не возвращенном нашему правительству; и "Комитет Панчен-ламы", который они создали в Западной части Тибета, стремясь предоставить Панчен-ламе светскую власть, которую его предшественники никогда не имели. Оставшиеся пять членов комитета были китайскими чиновниками в Лхасе. И все назначения, как предполагалось, должны получать одобрение китайского правительства.

Предоставление мест членам этих новых, только что изобретенных районных структур, уже само по себе было нарушением договоренности с китайцами, согласно которой предусматривалось не менять политическую систему в Тибете и статус Далай-ламы. А выбор членов уже нес в себе семена будущего провала. Но в отчаянных ситуациях люди цепляются за малейшую надежду, и я тоже надеялся, несмотря на мой мрачный опыт знакомства с китайскими политическими комитетами, что комитет, где будет 46 членов-тибетцев и только пять китайцев, можно заставить работать. Итак, я отправился домой, горя нетерпением увидеть, что там происходит, и надеясь, что мы сможем хорошо использовать эту последнюю степень свободы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ РЕПРЕССИИ И ВОЗМУЩЕНИЯ

Именно на обратном пути у меня появилась возможность вновь посетить Такцер, деревню, где я родился. Это был момент счастья в путешествии, исполненном дурных предчувствий. Я был горд и рад, что родился в скромной и истинно тибетской семье, и наслаждался, оживляя мои слабые воспоминания о местах, которые я оставил, когда мне было всего четыре года.

Но где бы и когда бы я ни начинал говорить с народом, меня резко возвращали к настоящему. Я спрашивал, счастливы ли они, и мне отвечали, что они "очень счастливы и процветают под руководством Китайской коммунистической партии и Председателя Мао Цзэ-дуна". Но даже когда они это говорили, я видел слезы на глазах, и как меня шокировало, что они боялись отвечать на этот вопрос иначе, кроме как повторяя эту китайскую коммунистическую формулу!

Но в одном из близлежащих монастырей у меня были длинные беседы с ламами, и, конечно, они доверяли мне и могли говорить более искренне. Я нашел, что они очень взволнованы и обеспокоены. Китайцы уже начали вводить коллективное земледелие, и крестьяне отчаянно сопротивлялись этому. Ламы предвидели, что китайцы будут применять все больше и больше насилия для того, чтобы принудить крестьян принять их схему. Я также разговаривал с некоторыми светскими народны-

ми вожаками, и они рассказали мне о других "коммунистических" реформах и сообщили, что напряжение растет и китайцы становятся все более настойчивыми и подозрительными.

Я назначил встречу также и с китайскими чиновниками и сказал им, что, хотя реформы и необходимы, они не должны быть такими же, как реформы в Китае. И вводиться должны не насильственно, а постепенно, с учетом местных обстоятельств, а также желаний и обычаев народа.

Но я был глубоко разочарован, когда увидел, что здесь, далеко от Пекина, китайцы были грубее и совершенно не испытывали никаких симпатий. Они нарочито игнорировали чувства населения. Один китайский генерал зашел даже настолько далеко, что заявил мне, что они введут в район дополнительные войска для того, чтобы подкрепить свои реформы, невзирая на мнение населения. Очевидно, будущее нашего тибетского народа на этой китайской территории было поистине черным.

Однако характер народа оставался совершенно тибетским. И по мере того, как я проезжал, останавливаясь то там, то здесь на 2-3 дня, иногда в домах китайских чиновников, иногда в монастырях, не менее чем по 100 тысяч человек собиралось со всего района, чтобы увидеть меня и выказать свое почтение. Когда я был в Пекине, ко мне пришла делегация с просьбой посетить по дороге домой целый ряд мест в Восточном Тибете. Поскольку я был задержан землетрясением, разрушившим дорогу впереди, у меня не хватило времени побывать везде, где я хотел, но я съездил во все монастыри, куда можно было добраться на машине, а в другие послал в качестве моих представителей трех высших лам, сопровождавших меня: Тричжанга Римпоче, моего младшего учителя, Чунга Римпоче и Кармапу - нынешнее вопло-

щение того Кармапы, который в своем четвертом воплощении основал монастырь на горе над моей деревней.

По всей дороге через эти пограничные районы я чувствовал ту же атмосферу мрачных ожиданий. Среди тибетцев я увидел рост горечи и ненависти к китайцам, а среди китайцев - рост безжалостности и жесткости, рожденной из страха и недопонимания.

Китайцев со всей силой, на которую я был способен, и пытался убедить в необходимости умеренности. А тибетцам, к которым я часто обращался на собраниях, я говорил, что они должны оставаться объединенными, должны пытаться улучшить положение мирными средствами и воспринимать все хорошее, что есть в китайских методах.

Этот совет, думал я ранее, был единственной надеждой избежать насилия. Но теперь, когда я увидел, как выросла взаимная враждебность, я должен был признать, что надежда на мир стала зыбкой.

Наконец я пересек реку под названием Дри-чу ("Река духов"), которая отмечала границу между Тибетом и Китаем, и въехал в район Чамдо, с которого началось вторжение. Я провел несколько дней в китайских кварталах города Чамдо и несколько дней в монастыре. Это был район, где китайцы создали Комитет освобождения Чамдо, с которым, как предполагалось, я должен был сотрудничать. В нем было несколько тибетских членов, но вскоре я увидел, что вся власть была в руках китайских чиновников и что район практически управлялся генералами, командовавшими армией. Здесь тоже кипела враждебность, и народ рассказывал мне о случаях насилия и несправедливости, о том, как у крестьян отбирали землю и давали обещания, которым сначала тибетцы верили, но которые китайцы никогда не исполняли.

И здесь была дополнительная опасность неожиданного насилия, потому что это был район, где жили *кхампа*, а наиболее ценным имуществом *кхампа*, как я уже говорил, была их винтовка. Здесь *кхампа* прослышали, что китайцы собираются потребовать, чтобы всё оружие было сдано. Но я знал *кхампа*, и мне не нужно было и говорить, что *кхампа* никогда не отдаст свою винтовку: сначала он ее использует.

Здесь также приходили люди, десятками тысяч, выказать свое почтение ко мне. И когда я приветствовал их, я говорил им, что счастлив чувствовать их патриотический настрой. Я говорил, что были ошибки, которые допускали тибетские чиновники тибетского правительства в прошлом, и что это была одна из причин, почему теперь приходится страдать, выносить тяготы вторжения. Здесь, сказал я, обязанность всех тибетцев - не терять единства, и затем, когда Подготовительный комитет начнет действовать, Чамдо снова станет неотъемлемой частью нашей страны.

Мое путешествие по приграничным областям напомнило мне два из моих наблюдений в Китае. Одно весьма печальное, а другое - дающее последний луч надежды. Первое впечатление было от китайских монастырей. Во всех отдаленных частях Китая я видел, что храмы и монастыри находятся в запустении и почти не населены, даже те из них, которые имели большое историческое прошлое. Несколько монахов, остающихся в них, были стары и жили в такой атмосфере подозрений, что только очень немногие осмеливались прийти в храмы помолиться или сделать подношение. Я не обнаружил большой учености у монахов, хотя мне говорили, что во Внутренней Монголии все еще есть ученые ламы. Действительно, когда я был в Пекине, несколько сотен людей прибыли из Внутренней Монголии просить моего

благословения, но вообще и там молодежь отговаривали идти в монастыри, а религиозные организации были настолько эффективно пронизаны коммунистами, что даже они использовались для распространения политической пропаганды.

Китайское правительство утверждало, что их народ имеет религиозную свободу. Но было очевидно, что для религиозных организаций не планируется никакого будущего. Им предназначалось умереть с голоду и кануть в вечность.

Такова была судьба, которая, как я мог видеть, нациста над тибетскими монахами и монастырями, уже находящимися в руках китайцев. Но другое мое наблюдение давало мне надежду, что это все можно предотвратить. Я увидел замечательное подтверждение тому, что тибетцы, как старые, так и молодые, были слишком стабильны в своем характере и вере, чтобы стать легкой добычей для китайской пропаганды.

Группу тибетских мальчиков забрали в так называемую Школу нацменьшинств в Пекине, вместе с мальчиками из Монголии, Восточного Туркестана, Кореи. Китайцы делали все возможное, чтобы заставить их забыть свои религиозные и культурные традиции и наполнить их новыми идеями о диктатуре государства. Я был рад отметить, что умы тибетских мальчиков не удалось заключить в тюрьму. Они все же продолжали исповедовать свои идеалы, и их национальный дух не был сломлен. В конце концов китайцы отказались от мысли обратить их в свою веру, и впоследствии этих мальчиков отправили домой. Некоторые из них погибли в восстании против китайского господства в Лхасе, а иные все еще в возрасте до 20 лет стали эмигрантами в Индии. После этой неудачи китайцы открыли еще несколько школ в приграничной зоне, но и там у них не было успеха. Тибетс-

кие дети просто не могли проглотить эти материалистические верования и оставались тибетцами и буддистами во всех своих глубочайших мыслях. Я думаю, что мальчики из Монголии и Восточного Туркестана столь же упрямо придерживались своей веры. Без сомнения, это и было причиной того, почему в последующие годы китайцы начали захватывать тибетских детей в возрасте всего лишь нескольких недель и забирать их в Китай, в надежде, что там они вырастят из них тибетских коммунистов. Но тогда я был в громадной степени воодушевлен глубиной веры этих юных тибетцев и чувствовал, что что бы китайцы ни делали с нами, они никогда не смогут нас полностью уничтожить.

Путешествие из Китая в Тибет по новой китайской военной дороге все еще было полно приключений и опасностей. Шли обильные дожди, реки разливались, и было много оползней и камнепадов. Я помню картину одной темной ночи под льющимся дождем, когда наш караван был остановлен из-за разрушенного моста именно на том месте, где с горы летели камни и разбивались об дорогу. Китайцы, крича, бежали туда и обратно в замешательстве. Тибетцы сидели в покрытых брезентом джипах и молились. Ранее, в тот же самый день, мы едва уцелели в еще худшей ситуации. Мы добрались до моста, который с одного конца сломался. Китайцы укрепили его и считали, что мы можем пересекать реку, но посоветовали нам облегчить нагрузку машин и перейти мост пешком, и там уже ожидать остальной части каравана. Так мы и сделали, и стояли, наблюдая, как наши джипы и грузовики начинают движение. Несколько перебрались благополучно, а затем, когда колеса одного из джипов въехали на мост, послышались громкий треск и звук ломающегося дерева, мост обломился и упал в несущийся внизу поток. К счастью, водитель ус-

лышал шум и, очень быстро дав задний ход, спасся, но более половины нашего каравана, со всеми нашими одеждами, спальными принадлежностями, остался на другой стороне реки. Мы кое-как уселись в машины, успевшие пересечь реку, и добрались до китайской гостиницы, где провели ночь в холоде и неудобствах.

Наконец, я добрался до Лхасы. Не могу даже сказать, как рад я был тому, что вновь оказался в Норбулинке. Рядом с её стенами нам так же угрожал китайский военный лагерь, но внутри было по-прежнему спокойно и прекрасно, и наши религиозные практики могли продолжаться почти без помех.

Я обнаружил, что Кашаг все еще ухитрялся поддерживать сносные дружественные отношения с китайцами. Враждебность населения, казалось, поутихла и уступила место чувству удовлетворения. Город был тих и мирен, народ не знал о драматических переменах, которые происходили в наших восточных пределах. Горькое недовольство, которое я видел там, еще не распространилось в полной мере в Центральном Тибете, и поэтому казалось, что Подготовительному комитету все еще возможно совершить какое-то усилие и предотвратить наихудшее.

Китайское правительство послало маршала Чен И, заместителя премьер-министра, известного своими семичасовыми речами, в качестве председателя на церемонии инаугурации Комитета.

Китайцы хотели, чтобы я принял его до его прибытия в Лхасу. Кашаг отказался санкционировать такое нарушение протокола, но я считал, что сейчас не время настаивать на сохранении достоинства. Если это доставило бы удовольствие маршалу, помогло бы Комитету лучше начать работу, я думал, что оно того стоит. И поэтому я поехал.

Инаугурация состоялась в апреле 1956 года. Я присутствовал на ней с чувством, что здесь, среди 51 делегата, находилась последняя надежда мирного развития ситуации в нашей стране, и она не казалась невозможной. Конституционная схема выглядела надежно и привлекательно. На бумаге не было ни одного из абсолютно неприемлемых аспектов коммунизма. И, имея в Комитете такую высокую пропорцию тибетцев, можно было думать, что он может превратиться в эффективную форму правительства, не слишком отличную от нашей собственной. Это могло дать тибетским чиновникам возможность, думал я, обучиться у китайских чиновников методам администрирования, ведь, если оставить коммунизм в стороне, их организация, несомненно, была лучше нашей.

Но надежды эти умерли достаточно быстро. Все худшее, что я видел на китайских политических собраниях, здесь повторилось. Я не принял во внимание один существенный момент: 20 делегатов, хотя и были тибетцами, представляли Комитет освобождения Чамдо и Комитет, созданный в западном районе Панчен-ламой. А оба эти комитета были чисто китайскими творениями: их представители имели свое положение в основном благодаря китайской поддержке и в благодарность они должны были поддерживать китайскую позицию, при этом представители Чамдо в действительности действовали более разумно, чем представители Панчен-ламы.

Имея такой серьезный блок контролируемых голосов, в дополнение к голосам пяти китайских членов, Комитет был бессилён. Он оказался простым фасадом тибетского представительства, за которым всю действительную силу имели китайцы. На самом деле вся основная политика определялась другим органом, который назывался Комитет КПК в Тибете, в котором тибетских

членов не было. Нам позволялось обсуждать разные мелочи, но мы никогда не могли сделать что-либо существенное. И, хотя номинально я был председателем, я тоже ничего не мог сделать. Иногда было просто смешно видеть, как управлялась текущая ситуация, когда планы, уже выработанные в другом комитете, проходили бессмысленное и пустое обсуждение, после чего принимались. Зачастую на этих собраниях я оказывался в затруднении - я видел, что китайцы сделали меня председателем исключительно для того, чтобы придать большую видимость тибетского авторитета своим схемам.

Как только Комитет начал устанавливать свои департаменты в правительстве, народ стал понимать, что происходит, и его реакция не была удивительной. Вся старая враждебность ко всему китайскому пробудилась. В Лхасе состоялось публичное собрание протеста против этой новой организации, и была принята резолюция, которую послали китайским начальникам. В ней говорилось, что на протяжении долгого времени Тибет имел свою собственную систему управления и поэтому новая организация не является необходимой и должна быть упразднена.

Разумеется, китайцы на это не ответили, хотя это было и народное требование. Они созвали Кашаг и сказали, что, если он не в состоянии запретить публичные митинги, они попросят меня сделать это. Поэтому Кашаг неохотно издал новый указ, который я неохотно подписал, прекрасно понимая, что подавление народных собраний не подавит народное мнение.

И, как и следовало ожидать, неудовольствие населения прорвалось тогда другим способом. Это произошло во время молитвенного фестиваля Монлам в начале 1956 года. Неудовольствие простых людей китайцами создало в Тибете совершенно новую ситуацию. Полити-

ческие лидеры спонтанно выбирались народом. Эти люди не были правительственными чиновниками, они вообще не имели никакой официальной позиции. Они происходили из самых обычных слоев населения. И когда я говорю о них как о политических лидерах, я не имею в виду, что они были "политическими" в каком-нибудь западном смысле этого слова, они были в оппозиции китайцам не потому, что те были коммунистами; они не имели ничего общего ни с какими политическими теориями, разделяющими мир, это были простые люди, которые разделяли нищету и ярость нашего необразованного бессловесного народа, но обладали естественной способностью выразить это в словах и в действиях. Поэтому они приобретали влияние. Это были люди, которые организовали и вели население Лхасы. В целом, гнев, который они испытывали и выражали от имени народа, был нормальной человеческой реакцией, они хотели дать сдачи, и это неизбежно приводило к конфликту с Кашагом, который понимал бессмысленность попытки дать сдачи китайской армии. Кашаг вынужден был удерживать их от действий, которые были патристическими, но самоубийственными.

Они, с другой стороны, естественно, считали, что я зашел слишком далеко, потакая захватчикам. Иногда я вынужден был вмешиваться и противостоять их неистовым порывам ради блага народа, который они представляли. Вероятно, им это не нравилось, но до самого конца они оставались страстно преданными мне. Я не льщу себе мыслью, что заслужил эту преданность своими личными качествами, их преданность определялась самим понятием Далай-ламы, как это было и остается со всеми тибетцами. Я был символом того, за что они боролись.

Со своей стороны, я восхищался ими, несмотря на то, что должен был им противостоять. Я был рад, что наше

несчастье выявило такие способности к лидерству среди тибетцев. Это были качества, которые всегда нужны. Действия этих лидеров во время праздника Монлам составляли странный контраст с праздничными церемониями, освященными временем. Впервые праздник получил политическое звучание, и никто не мог этого не заметить. В то время, когда двигались процессии и монахи ходили по улицам, весь город был обклеен листовками. Как и обычно, в них было требование, чтобы китайцы ушли и оставили Тибет тибетцам.

Как обычно, это разозлило китайских генералов, и, как обычно, они вызвали Кашаг и обвинили в этом министров. Но на этот раз, помимо своих повседневных обвинений, они также называли и троих народных лидеров, которые были среди тех, кто составлял резолюцию собрания против Подготовительного комитета.

Китайцы настаивали, что они же несли ответственность за листовки и плакаты, и потребовали, чтобы Кашаг распорядился арестовать их. Они не нарушили никакого из наших законов, но китайцы угрожали, что, если тибетцы откажутся их арестовать, они арестуют и допросят их сами. Поэтому, чтобы спасти их от этой гораздо худшей судьбы, Кашаг решил посадить их в тюрьму. Один из них там умер, другие вскоре были освобождены, после того, как три крупнейших монастыря Лхасы взяли на себя ответственность за их поведение. Один из этих людей сейчас живет в Индии.

В это время новости, которые приходили из Чамдо, восточного района, полностью находившегося под китайским военным правлением, демонстрировали, что дела становятся хуже и хуже. Во время праздника Монлам борьба в Литанге перехлестнула пределы.

Началось это так. Вскоре, после инаугурации Подготовительного комитета, китайский генерал, командую-

щий в Чамдо, созвал на собрание 350 наиболее уважаемых тибетцев. Он сказал им, что, по моим словам, Тибет не готов для коммунистических реформ и они должны проводиться постепенно, и не ранее того, как большинство тибетцев их одобрит. Панчен-лама, сказал он, потребовал, чтобы реформы были проведены сейчас же. И собрание было созвано для того, чтобы обсудить эти две альтернативы и выбрать ту из них, которую следовало проводить в Чамдо.

Дискуссии продолжались день за днем. В конце концов около сотни присутствующих проголосовали за то, чтобы реформы вводить тогда, когда я и остальная часть Тибета их примет. Около 40 человек хотели, чтобы они начались немедленно. А остальные, примерно 200 человек, проголосовали, чтобы вообще никогда не было никаких реформ, хотя такой альтернативы никто не предлагал. Генерал поблагодарил всех, объявил, что реформы будут вводиться по мере надобности, и одарил каждого из присутствовавших делегатов книгой с картинками, ручкой с чернилами, бумагой и некоторыми туалетными принадлежностями, что показалось весьма забавной подборкой, и отпустил их.

Лишь через месяц эти чиновники пограничных провинций снова были собраны, на этот раз в крепость под названием Чомдха дзонг в районе Чамдо. Там они были окружены китайскими войсками, и им сообщили, что "демократические" реформы будут начаты сразу же. Они протестовали, потому что они видели несчастье, которое эти "демократические реформы" вызвали в других провинциях, и не хотели, чтобы это же произошло и у них.

Китайцы держали их под постоянным давлением в крепости около двух недель. К этому времени чиновники на словах согласились с тем, что им предлагали. Им было сказано, что все они будут посланы назад в свои

районы для того, чтобы объяснять реформы народу, но сначала они сами должны пройти курс инструкций.

По этому соглашению китайская охрана вокруг крепости была ослаблена, и в ночь перед началом курса индоктринации все чиновники, а было их более двух сотен, прорвались из форта и убежали в горы.

Так, этим глупым действием китайцы перевели большую часть лидеров района в состояние партизанской жизни, в положение нелегалов, которые знали, что будут арестованы, как только вернутся домой.

Они сформировали ядро партизанского движения, которое росло и продолжало расти. Партизаны вынуждены были полагаться для самозащиты только на оружие и амуницию, которую могли захватить у китайцев, поэтому они вынуждены были драться, воевать, хотели они того или нет. Эти восточные тибетцы, в основном *кхампа*, люди упрямые и решительные. Они знали свои горы, а горы - идеальное место для партизанских действий. И уже в первой половине 1956 года стали появляться рассказы об их нападениях на китайские дороги и посты. Мне эта ситуация казалась отчаянной, не ведущей к какому-либо концу. В непроходимых горах партизаны смогут держаться годами. Китайцы никогда не смогут их выкурить. Однако и они никогда не смогут победить китайскую армию. И сколь долго это ни будет продолжаться, страдать-то будет тибетский народ, в особенности женщины и дети.

Я был крайне подавлен. Ситуация стала еще хуже, чем два года назад. Порочный круг диктаторских репрессий и народного недовольства, который, как мне казалось, я прорвал, когда позволил Лукхангве подать I отставку, снова сомкнулся. До сих пор все мои попытки привести к мирному решению наших проблем ничего не дали. А с этим Подготовительным комитетом, кото-

рый был простой карикатурой на ответственное правительство, я уже не мог связывать никакой надежды на успех в будущем. И, что было хуже всего, я чувствовал, что терял контроль над народом. На востоке нас уже ввергли в состояние варварства. В Центральном Тибете решимость населения перейти к насилию нарастала, и я чувствовал, что долго не смогу их удерживать, несмотря на то, что не мог одобрить насилие и не думал, что оно может нам помочь.

Моя позиция в качестве Далай-ламы - и духовного и светского главы страны, - которая позволяла счастливо управлять Тибетом на протяжении столетий, стала почти фиктивной. В обоих моих качествах - и как религиозный и как светский лидер - я должен был противостоять всякому насилию со стороны народа.

Я знал, что китайцы пытаются подорвать мой политический авторитет, а поскольку я противостоял призыванию народа к насилию, я играл на руку китайцам, стремившимся подорвать доверие народа ко мне.

Однако, даже если они теряли веру в меня как светского лидера, они не должны были терять веру в меня как в лидера религиозного, это было гораздо важнее. Я мог передать кому-то или отказаться от своей светской позиции, но Далай-лама никак не может отказаться от своей позиции как религиозного лидера. И у меня даже в мыслях этого не было. Таким образом, я начал раздумывать, не лучше ли будет для Тибета, если я откажусь от всякой политической активности, чтобы сохранить свой религиозный авторитет. Однако, находясь в Тибете, я не мог уйти от политики. Для этого я должен был бы покинуть страну, как бы отчаянно и горько я ни ненавидел эту идею.

И в этот момент глубокого отчаяния я получил приглашение посетить Индию.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ ПАЛОМНИЧЕСТВО В ИНДИЮ

Мой друг Махарадж Кумар из Сиккима специально прибыл в Лхасу, чтобы доставить мне приглашение, его визит был подобен лучу симпатии и здравомыслия внешнего мира. Я был приглашен индийским обществом Махабодхи - организацией, основанной 70 лет назад для распространения учения Будды и для того, чтобы бороться о паломниках в храмах Индии - посетить "Будда Джаянти" - празднование 2500 лет со дня рождения Будды.

По многим причинам, и политическим и религиозным, я очень хотел поехать. Само празднование Будда Джаянти было событием громадного значения для всех буддистов. Кроме того, всякий тибетец надеялся однажды совершить паломничество в Индию. Для нас это всегда была святая земля - место, где родился основатель буддийской культуры, и источник мудрости, которую на протяжении столетий приносили в наши горы индийские святые и провидцы. Религия и общество Тибета и Индии развивались по-разному, но, тем не менее, Тибет оставался порождением индийской цивилизации.

А со светской точки зрения визит в Индию предлагал мне как раз ту возможность, в которой я так нуждался, - чтобы, по крайней мере, на время отойти от тесных контактов и бесплодных споров с китайцами. И не только это. Я надеялся, что мне представится возможность по-

говорить с господином Неру и другими демократическими лидерами и последователями Махатмы Ганди и попросить их совета.

Мне трудно было бы преувеличить наше чувство политического одиночества в Тибете. Я знал, что все еще оставался неопытным в международной политике, но такими были все в нашей стране. Мы знали, что и в других странах бывали ситуации наподобие нашей и что в демократическом мире накоплена сокровищница политической мудрости и опыта. Но до сих пор ничто из этого не было нам доступно, и мы вынуждены были действовать, руководствуясь необразованным чувством. Мы отчаянно нуждались в дружественном мудром совете.

Была и еще одна причина, почему я хотел ехать. На протяжении долгого времени у нас были дружеские контакты с британским правительством в Индии. На самом деле это был наш единственный контакт с западным миром. Но после того, как власть в Индии была передана индийскому правительству, политические контакты с Британией ослабли, и я был уверен, что мы должны попытаться реанимировать их и сохранять сильными как жизненно важную связь с миром терпимости и свободы.

Это желание поехать было не только моим собственным. Народ Тибета прослышал об этом приглашении и через моих чиновников настаивал, чтобы я принял его - по всем упомянутым причинам, за исключением того, что им не приходило в голову, как мне, что я должен отойти от непосредственных политических проблем.

Но просто хотеть поехать было недостаточно. Если китайцы не позволили бы мне ехать, они легко могли остановить меня, и поэтому я должен был начать с того, чтобы испросить их одобрения. Я проконсультировался с генералом Фан Мином, который был в Лхасе

С самого начала, а сейчас действовал как старший представитель китайского правительства. Он начал с того, что мог дать мне только советы. Но он не оставил мне никаких сомнений, что это будут советы такого рода, которые должны быть приняты. И когда он начал говорить, сердце мое упало. "По причинам безопасности, - сказал он, - визит в Индию нежелателен". Он также думал, что Подготовительный комитет должен сделать так много работы под моим председательством, что я должен оставаться в Лхасе. "И кроме того, - добавил он, в качестве извинения, - приглашение было всего-навсего приглашением религиозной организации, а не правительства Индии", - поэтому мне не обязательно было его принимать лично, и я с легкостью мог послать какого-нибудь заместителя.

Я был очень разочарован, но не мог заставить себя полностью отказаться от надежды. Поэтому я отложил назначение заместителя и не сообщил обществу Махабодхи, что не могу приехать. Через четыре месяца, в середине октября 1956 года, генерал предложил, что мне следует назвать имя заместителя, так как имя его следовало послать в Индию заранее. Тогда я действительно распорядился подготовить делегацию под руководством моего младшего учителя, который действовал бы от моего имени.

Но первого или второго ноября генерал вновь пришел повидаться со мной и сообщил, что первого октября китайское правительство получило телеграмму от индийского правительства, приглашающего меня и Панчен-ламу в качестве гостей на этот праздник, и добавил, что китайское правительство рассмотрело все аспекты этой проблемы, и поэтому, если я хочу, то могу ехать.

Я был обрадован, как и всё лхасское население. Стала распространяться история, что индийский генераль-

ный консул в Лхасе рассказал о приглашении нескольким людям до того, как генерал сообщил об этом мне. И, конечно, все предполагали, что китайцы старались сохранить приглашение в тайне до тех пор, пока не стало бы слишком поздно его принять, и они вынуждены были передать его мне только потому, что об этом стало известно.

Итак, я приготовился ехать. Но перед тем, как я оставил Лхасу, мне, как школьнику, была преподана длинная лекция генералом Чжан Цзинь-у, который только что вернулся в качестве постоянного представителя Китая. Я нашел ее очень интересной, хотя, может быть, и не в том смысле, который вкладывался в нее самим генералом. Он рассказал, что недавно были небольшие волнения в Венгрии и Польше. Они были начаты небольшой группой лиц под влиянием иностранных империалистов, но советская Россия немедленно оказала венгерским и польским народам помощь по их просьбе и безо всякого труда прихлопнула реакционеров. Реакционеры всегда высматривают шанс создать трудности в социалистических странах, но солидарность социалистических держав настолько велика, что одна из них всегда может рассчитывать на помощь других. Он настолько долго говорил об этом, что я понял, что это был намек или предостережение, что никакой другой стране не будет дозволено вмешаться в тибетские дела. И затем он продолжил говорить о моем визите в Индию. Хотя праздник Будда Джаянти был чисто религиозным, но организация празднований каким-то образом была связана с ЮНЕСКО. Китайское правительство тоже посылает туда делегацию, но есть возможность, что Гоминьдан также попытается послать делегацию с Тайваня. Если это произойдет, китайцы покинут праздник и уже предупредили об этом индийское прави-

тельство, и я также должен буду отказаться принимать участие, если будет присутствовать кто-то с Тайваня. Китайский посол передаст мне последнюю информацию, как только я достигну Индии.

Далее он предостерег меня, что, если кто-то из индийских лидеров будет спрашивать меня об индо-тибетской границе, я должен сказать только, что эта проблема в компетенции министерства иностранных дел Пекина. Также могут спросить о ситуации в Тибете. Если спрашивать будут младшие журналисты или официальные лица, я должен говорить, что имели место небольшие трудности, но сейчас все нормально. Если это будет г-н Неру или кто-то из высших лиц индийского правительства, им можно сказать немного больше, - что в некоторых частях Тибета были мятежи.

Финальная часть этой лекции состояла в предложении, что, если я собираюсь во время празднования произносить речи, то лучше бы я их подготовил заранее в Лхасе. Я действительно собирался сказать речь во время Джаянти, - и перед моим отъездом генеральным секретарем Подготовительного комитета в консультации с китайцами для меня был написан проект речи. Прибыв в Индию, я полностью переписал её.

К тому времени дорога была достроена до самого Ятунга, и оттуда до границы оставалось только двухдневное путешествие. Это была часть сети стратегических дорог, которые китайцы лихорадочно строили для того, чтобы покрыть нашу страну своими военными постами. Но эта же дорога укоротила путешествие из Лхасы в Индию от нескольких недель до нескольких дней.

Мы добрались до Ятунга за два дня. По дороге, в Шигацзе, где китайцы устроили автомобильную переправу через Брахмапутру, к нам присоединился Панчен-лама. На четвертый день мы пересели на пони, ко-

которые пока еще оставались единственным средством пересечения Гималайских перевалов. Китайский генерал Цзин Мин-и, заместитель командира дивизии, двигался с нами вплоть до Чумбитханга, последнего тибетского поселения. Оставляя нас, он прочёл мне еще одну небольшую лекцию. Он с сожалением сказал, что в Индии много реакционеров и я должен быть очень осторожным, когда буду говорить с ними. Он напомнил мне, что в качестве вице-председателя Китайской Национальной ассамблеи я представляю и Китай, не только Тибет. Поэтому я должен всем рассказывать о великом прогрессе, который совершил Китай в развитии естественных ресурсов и подъеме жизненного уровня населения. И не должен оставлять никаких сомнений в умах людей, которых я буду встречать, что в Китае и Тибете имеется полная религиозная свобода и все другие виды свобод. А если кто-то мне не поверит, то я могу сказать им, что они могут посетить Китай, когда только пожелают.

Это была последняя инструкция, которую я получил до пересечения границы. Дорога из Тибета в Индию – путешествие драматическое. 50 миль по безлюдному тибетскому плато, где впереди виден только белый пик Чомолхари. В Пхари дорога проходит совсем рядом с горой, которую можно рассмотреть в ее в полном одиноком великолепии. Затем дорога резко обрывается вниз и спускается в сосновые и рододендровые леса долины Чхумби, где в изобилии растут дельфиниумы, аканиты и желтые маки. При этом возникало чувство, что, спускаясь, попадаешь в совершенно иной мир – мир обширных жарких долин Индии, простирающихся вдаль и вниз во все стороны, и в мир изобильных городов и океана, которые немногие из тибетцев когда-либо видели.

Но впереди все еще ждал перевал, на который нужно взбираться, Натху-ла. И дорога вновь идет над линией

лесов до границы перевала, возвращая нас снова к знакомым пустынным видам Тибета, перед тем, как окончательно спуститься в долины Сиккима.

Путь через долину Чхумби всегда был главными воротами между Индией и Тибетом. Это был маршрут, по которому проходила британская экспедиция 1903 года, и маршрут, который использовали купцы после соглашения 1904 года. Они шли только до Гьянцзе, по единственному маршруту, разрешенному иностранцам в Тибете. В долине находится город Ятунг, в который я переехал, когда в 1950 году началось китайское вторжение. Но с тех пор он изменился. Тогда я спускался в долину на пони, а теперь ехал вниз по китайской дороге в китайской машине.

Это было, конечно, в десять раз быстрее и гораздо удобнее. Но, подобно всем тибетцам, я предпочел бы, чтобы все оставалось, как раньше. И примечательно, что в высшей точке этой дороги, в Пхари, был пример того, как странно иногда китайцы могли выглядеть. Я думаю, что они читали о разреженной атмосфере высоких гор, и здесь, на дорогах, по которым люди путешествовали столетиями пешком и на лошадях, теперь можно было видеть, как китайцы едут, удобно усевшись в своих машинах и с кислородными масками на лицах!

За Ятунгом пейзаж был мне незнаком, и, выйдя из машины, освободившись от моих китайских наставников, я поднялся верхом до границы, проходящей по Натху-ла, с чувством приятных ожиданий и волнения, каких я не переживал с детских времен. Когда мы начали длительное восхождение, погода была солнечной и ясной. Но вскоре мы въехали в облако и последние несколько тысяч футов продвигались в холоде и влаге. Это только добавило удовольствия от теплоты приема, оказанного нам на вершине.

Первое, что я увидел на границе, был почетный караул, и затем меня приветствовали Махарадж Кумар и индийский политический представитель в Сиккиме, который передал мне приветствие от президента, вице-президента, премьер-министра и правительства Индии. Он подарил мне шарф, символ приветствия в Тибете, - и гирлянду из цветов, соответствующий традиционный символ в Индии. Мы спустились с перевала вместе и провели счастливую ночь в Цонго, на сиккимской стороне.

На следующий день мы выехали в Гангток, столицу Сиккима. По мере того, как мы продвигались через Сикким и Северную Индию, меня наш транспорт этап за этапом с архаического на современный, росла и безыскусная радость встречающих нас толп, и мне казалось, будто я совсем не в чужой стране, - я чувствовал себя дома.

Через десять миль мы оставили своих пони и пересели на джипы. Там к нашей партии присоединился китайский посол. Затем, недалеко перед городом, присоединились махараджа Сиккима и его министры. И я пересел из джипа в его машину.

С этой машиной произошел довольно забавный инцидент. На ней был с одной стороны сиккимский флаг, а с другой - тибетский. Но при въезде в город мы ненадолго остановились, и громадная толпа народа бросала шарфы и цветы в знак приветствия. В этот момент я с удивлением заметил одинокого китайского джентльмена, который оказался переводчиком посла. Он убрал тибетский флаг и торопливо привязывал вместо него китайский. Мои индийские друзья тоже его заметили, и я был доволен, что и они обнаружили забавную сторону этого инцидента.

Мы завершили путешествие на специальном самолете, и, когда приближались к Нью-Дели, открылся вели-

колепный вид столицы, которую построили британцы и затем оставили в наследие новой и свободной Индии.

В аэропорту меня ожидали вице-президент доктор Радхакришнан и премьер-министр г-н Неру. Китайский посол, который был с нами в самолете, настаивал на том, что именно он представит меня им, а затем членам дипломатического корпуса. Он провел меня вдоль линии встречающих, представляя официальным лицам многих стран. Мы подошли к представителям Британии, и я подумал, что же случится, когда мы дойдем до представителя Соединенных Штатов? Это было тонкое упражнение в дипломатических манерах. В критический момент китайский посол вдруг исчез, как маг, и я был оставлен лицом к лицу с американцами. Кто-то из индийского министерства иностранных дел тактично подошел и представил нас.

В город я ехал с д-ром Радхакришнаном. Он сказал, что очень рад познакомиться со мной, и сердечно говорил о древних связях между нашими странами. Большие толпы собрались по сторонам дороги меня приветствовать. В руках людей были флаги и украшения, подготовленные для Будда Джаянти. Мы направились в Раштрапати Бхаван, официальную президентскую резиденцию, и там, на пороге зала Дурбар, меня встретил президент, доктор Раджендра Прасад, со своей доброй улыбкой и мягким голосом. Оба эти лидера произвели на меня большое и хорошее впечатление. Я чувствовал, что они преданные и образованные люди, которые симболизировали вечный дух индийского народа.

Мой самый первый визит моего первого утра в Нью-Дели был в Раджгхат, место кремации Махатмы Ганди. Я был глубоко взволнован, когда молился там на зеленых газонах, убегающих вниз в реку Ямуну. Я чувствовал присутствие благородной души, души человека, ко-

торый по жизни своей, возможно, был величайшим в нашем веке человеком, который сумел вплоть до самой смерти сохранять дух Индии и человечности, - истинный ученик Будды, подлинно верующий в мир и согласие между людьми.

Пока я стоял там, я думал: какой мудрый совет дал бы мне Махатма, если бы был жив? Я был уверен, что он посвятил бы всю свою силу воли и характера мирной кампании за свободу народа Тибета.

Я горячо желал бы встретиться с ним в жизни, но, и стоя на этом месте, я ощущал, что вошел с ним в тесный контакт, и понял, что его совет состоял бы в том, чтобы всегда следовать пути мира. И тогда и теперь моя вера в доктрину ненасилия, которую он проповедовал и практиковал, остается непоколебимой. Теперь я еще более твердо решил следовать его пути, какие бы трудности мне на нем ни встретились. Я решил еще сильнее, чем когда-либо, никогда не опираться на насильственные действия.

После этого паломничества два или три дня я был занят в празднествах Будда Джаянти. Это дало мне возможность, о которой я так мечтал, поговорить толком с мудрыми людьми из различных частей мира, которые работали, не испытывая какого-либо непосредственного давления, для провозвестия учения Будды, для блага мира во всем мире. Мир между нациями был ведущей мыслью моего ума, и, когда на симпозиуме я произносил речь, я подчеркивал мирный характер буддийской веры. Я высказал надежду, что эти празднования помогут распространить знания о пути пробуждения не только в Азии, но и среди людей западного мира, ибо учение Будды может не только помочь отдельным людям вести осмысленную и мирную жизнь, но также и помочь прекратить вражду между нациями: в принципах буддизма может быть найдено спасение человечества.

Теперь могу добавить, что с удовольствием развил бы это высказывание. Спасение человечества находится в религиозном чувстве, которое присутствует во всех людях, какой бы веры они ни придерживались. И именно насильственное подавление этого чувства является врагом мира.

Только после этих празднований впервые мне удалось по-настоящему поговорить с г-ном Неру, и мое мнение о нем развилось и перешло на следующую стадию. Я уже объяснял, почему мне так хотелось приехать в Индию, и теперь я с колебаниями стал приходить к новому выводу. Я стал думать, что мне не следует возвращаться и что мне лучше было бы оставаться в Индии до той поры, пока не появятся знаки положительных изменений в китайской политике. Может быть, мое чувство близости Махатмы Ганди и встречи с таким множеством ученых, умных, симпатизирующих людей помогли прийти к такому печальному решению. Ведь почти впервые я встретил людей, которые, не будучи тибетцами, испытывали искренние симпатии к Тибету. Дома, думал я, я более не могу помочь своему народу, я не могу подавить их желание прибегнуть к насилию, и все мои мирные начинания до сей поры оказывались неудачными. Но из Индии я мог бы, по крайней мере, рассказать народам всего мира, что происходит в Тибете, и попытаться заручиться их моральной поддержкой, что, возможно, привело бы к каким-то изменениям в безжалостной политике Китая.

Я должен был объяснить это господину Неру. Мы разговаривали наедине, за исключением его тибетского переводчика. Вначале я сказал ему, насколько признателен за предоставленную мне возможность посетить Индию и побывать на Будда Джаянти, а затем объяснил, насколько отчаянным стало положение в Восточном Тибете и как мы все боимся, что еще худшие беды

распространятся в остальной части страны. Я сказал, что вынужден считать, что китайцы в действительности хотят навсегда разрушить наши обычаи и религию и таким образом оборвать наши исторические связи с Индией.

Все тибетцы, сказал я ему, сейчас связывают все свои остатки надежды с правительством и народом Индии. И затем я объяснил, почему хотел бы остаться в Индии до тех пор, пока мы не сможем получить свободу мирными средствами.

Он был очень добр и терпеливо слушал, но был твердо убежден, что в настоящий момент для Тибета ничего нельзя сделать. Он сказал, что никто никогда формально не признает независимость нашей страны. Он согласился, что бесполезно пытаться воевать с китайцами, - если бы мы попытались сделать это, они легко могли бы ввести большие силы, чтобы подавить нас полностью. Он рекомендовал мне вернуться в Тибет и попытаться мирным путем добиться исполнения соглашения из 17 пунктов. Я сказал, что делал для этого все, что было в моих силах, но, как я ни старался, китайцы отказывались соблюдать свою сторону соглашения, и я не видел никаких признаков перемены в их отношении. Относительно этого он пообещал поговорить с Чжоу Эн-лаем, который прибывал в Индию на следующий день, и наша встреча завершилась.

Я тоже поговорил с Чжоу Эн-лаем: я отправился в аэропорт встретить его и в этот же вечер имел с ним долгую беседу. Я рассказал, что в наших восточных провинциях ситуация становится все хуже и хуже. Что китайцы вводят перемены без какого-либо учёта местных условий, а также желаний и интересов народа. Чжоу Эн-лай казался симпатизирующим, и сказал, что, должно быть, местные китайские чиновники совершают ошибку. Он пообещал, что передаст то, что я ска-

зал, Мао Цзэ-дуну, но я не мог добиться от него какого-либо определенного обещания улучшить положение.

Но через несколько дней Чжоу Эн-лай пригласил моих старших братьев Тубтена Норбу и Гьело Тондупа на обед в китайское посольство, и беседа, которую они с ним имели, была значительно более обнадеживающей и конкретной. Мои братья не имели никакой официальной позиции в нашем правительстве и могли позволить себе говорить более откровенно без страха вызвать непосредственную реакцию в Тибете, и, когда они мне потом рассказали о своей беседе, казалось, что они полностью высказали свои критические соображения.

Они сказали Чжоу Эн-лаю, что многие столетия Тибет почитал Китай как важного и дружественного соседа, однако сейчас китайцы в Тибете обращаются с тибетцами, как будто они были смертельными врагами. Они выборочно используют худших из тибетцев - отбросы тибетского общества для того, чтобы внести раскол, и игнорируют многих патриотично настроенных тибетцев, которые могли бы быть способны улучшить отношения между тибетцами и китайцами. Они поддерживают Панчен-ламу в светских делах для того, чтобы возобновить старый раскол между моим и его предшественниками и таким образом подорвать авторитет нашего правительства. И они содержат в Тибете, особенно в Лхасе, такие громадные и ненужные армии, что наша экономика разрушена и цены поднялись до такого уровня, что тибетцы находятся на грани голода. Именно народные массы, а не правящий класс Тибета, наиболее жестко настроены против китайской оккупации. Именно они требуют, чтобы армии были выведены и подписаны новые соглашения между нами как между равными партнерами. Но китайцы в Лхасе не прислушиваются к народному мнению.

Чжоу Энь-лай, как казалось, не был доволен этими прямыми словами, но оставался, как всегда, вежливым и гостеприимным. Он заверил моих братьев, что китайское правительство не имело намерений использовать нежелательных тибетцев или Панчен-ламу для того, чтобы подорвать мой авторитет или внести раскол. Они и не собирались вмешиваться в дела Тибета или стать обузой для экономики. Он согласился, что, возможно, некоторые трудности были вызваны недостатком понимания со стороны местных китайских чиновников, и пообещал улучшить доставку продовольствия в Лхасу и начать постепенный вывод китайских войск, как только Тибет сможет сам управлять своими делами. Также он сказал, что передаст эти жалобы Мао Цзэ-дуну и постарается проследить, чтобы их причины были устранены. "Эти обещания, - сказал он, - не пустые слова", - и мои братья могут оставаться в Индии, если хотят убедиться, исполнились его обещания или нет. И если нет, - они имеют полную свободу критиковать китайское правительство.

Но в конце беседы он добавил, что у него тоже есть просьба. Он слышал, что я раздумываю, не остаться ли в Индии, и хотел бы, чтобы они убедили меня вернуться в Тибет. Если я не вернусь, это может принести только вред мне и моему народу.

После этих встреч с Чжоу Энь-лаем я отправился в путешествие по Индии. Мне показали несколько промышленных объектов, например громадную гидроэлектростанцию в Нангале, и я впервые увидел ту громадную разницу между тем, как подобные вещи организуются При коммунизме и в свободной демократической стране, всю разницу в атмосфере и духе между принудительным и свободным трудом.

Главная моя цель, однако, состояла в совершении паломничества в исторические и религиозные центры.

Итак, я отправился в Санчи, Аджанту, Бенарес, Бодх-Гаю. Я был в восторге от шедевров индийского религиозного искусства, сочетавшего творческий гений и пылкую веру. Я думал о том, как сектантство и межобщинная вражда повредили этому наследию в прошлом и как ненависть была заменена спокойствием и миром благодаря введению религиозных свобод в индийской Конституции. В Бенаресе и Бодх-Гае я нашел тысячи тибетских паломников, которые меня там ждали, и в обоих этих местах я говорил перед ними об учении Будды и внушал им, что они всегда должны следовать пути мира, который он для нас так ясно указал.

Визит в Бодх-Гаю стал для меня источником глубокого вдохновения. Любой верующий буддист всегда связывает Бодх-Гаю с тем, что в нашем религиозном и культурном наследию является наиболее возвышенным и почитаемым. С самого детства я думал и мечтал об этом визите и вот теперь я стоял на том священном месте, где святая душа, достигшая Махапаринирваны - высшей Нирваны, нашла путь к спасению для всех существ. Когда я стоял там, мое сердце переполнило чувство духовного воодушевления и оставило меня в задумчивости о том знании и воздействии божественной силы, которая есть в каждом из нас.

Когда я еще находился в паломничестве, по дороге в Сарнатх, ко мне прибыл посланник из китайского посольства в Дели. Он принес телеграмму от генерала Чжан Цзинь-у, китайского представителя в Лхасе, в которой говорилось, что ситуация дома обострилась. Шпионы и коллаборационисты планируют большое восстание, и я должен вернуться как можно скорее. И уже в Бодх-Гае один из моих китайских сопровождающих передал мне сообщение, что Чжоу Энь-лай возвращается в Дели и очень хочет меня увидеть. Поэтому уже

через несколько дней я должен был вернуться в мир политики, враждебности и недоверия.

В Дели Чжоу Энь-лай тоже сообщил мне, что ситуация в Тибете ухудшилась и мне следует возвращаться. Он не оставил у меня никаких сомнений в том, что, если народное восстание действительно поднимут, он готов использовать силу, чтобы подавить его. Я помню, он говорил о том, как склонны мы, тибетцы, живущие в Индии, создавать проблемы. И что я должен принять решение, какому курсу мне следовать.

Я ответил ему, что еще не готов ответить, что собираюсь делать, и повторил все, что говорил ему ранее о наших бедах в условиях китайской оккупации. Я сказал, что мы были бы готовы забыть все обиды, которые были причинены нам в прошлом, но бесчеловечное обращение и репрессии должны быть прекращены.

Он ответил, что Мао Цзэ-дун сказал совершенно ясно, что реформы "будут вводиться в Тибете исключительно в соответствии с пожеланиями народа". Он говорил так, как будто до сих пор не понимал, почему тибетцы не приветствуют китайцев. Он сказал мне, что, как он слышал, меня пригласили посетить Калимпонг на севере Индии у границ Тибета, где есть большая тибетская община, некоторые из членов которой уже стали беженцами от китайского правления. Он сказал, что мне не следует туда ехать, если эти люди создадут беспорядки.

Я ответил ему лишь, что обдумаю это. На этом он закончил нашу беседу, предупредив меня, что некоторые индийские официальные лица очень хороши, но иные весьма своеобразны, поэтому я должен быть внимательным. Этот разговор остался незавершённым, и я ушел, чувствуя беспокойство и неудовлетворенность.

На следующее утро пришел еще один старший член китайского правительства, маршал Хо Лунг, чтобы по-

вторить совет Чжоу Энь-лая, что я должен сейчас же возвращаться в Лхасу. Я помню, как он процитировал китайскую поговорку: "Снежный барс выглядит благородно, когда находится в своих горах, но, когда он спускается в долину, с ним обращаются, как с собакой".

Я не был расположен к дальнейшим спорам, но затем обдумал и совет господина Неру, а также уверение, которое Чжоу Энь-лай дал мне и моим братьям. Я сказал маршалу, что решил возвращаться, доверившись обещаниям, которые были даны мне и моим братьям, и надеясь, что они будут исполнены.

Перед тем, как оставить Дели, я последний раз встретился с Неру и хочу привести его собственное мнение о встречах с Чжоу Энь-лаем и со мной. Он представил его в нижней палате индийского парламента в 1959 году:

"Когда премьер Чжоу Энь-лай приезжал сюда 2 или 3 года назад, он был достаточно любезен, чтобы подробно обсудить со мной проблемы Тибета. У нас был искренний и достаточно содержательный разговор. Он сказал мне, что, хотя Тибет и был на протяжении долгого времени частью китайского государства, они не рассматривают Тибет как провинцию Китая. Народ там отличается от народа Китая, так же как отличается и население других автономных районов китайского государства, хотя они и составляют часть этого государства. Поэтому они рассматривают Тибет в качестве автономного района, который сохранит свою автономию. Далее он сообщил мне, что было бы абсурдным думать, что Китай собирается силой ввести коммунизм в Тибете. Коммунизм не может быть введен таким образом в очень отсталой стране, и они не будут делать это, даже если и хотели бы ускорить реформы. Даже и те реформы, которые они предполагают провести, они собираются отложить на длительное время".

Говоря же о встрече со мной, г-н Неру сказал:

"Примерно в это же время здесь был и Далай-лама, и у меня были с ним длительные беседы. Я сообщил ему о дружественном подходе премьера Чжоу Энь-лая и о его уверениях, что он будет уважать автономию Тибета. Я предложил ему принять эти уверения с верой и сотрудничать в сохранении автономии и введении некоторых реформ в Тибете. Далай-лама согласился, что, хотя его страна, по его мнению, и достаточно развита духовно, социально и экономически она была отсталой и реформы необходимы".

Я помню, что во время нашей последней встречи сказал г-ну Неру, что решил возвращаться в Тибет по двум причинам: во-первых, потому что он посоветовал мне сделать это, и, во-вторых, потому что Чжоу Энь-лай дал определенные обещания мне и моим братьям. Личность господина Неру произвела на меня большое впечатление. Хотя он и принял дело Махатмы Ганди, я не заметил в нем какого-либо признака религиозного рвения, но увидел в нем блестящего государственного деятеля, мастерски владеющего международной политикой, глубоко любящего свою страну и верящего в свой народ. Он был тверд в своих поисках мира ради их блага и прогресса.

Я также помню, что в той беседе мы говорили о моем желании посетить Калимпонг. Господин Неру знал, что Чжоу Энь-лай не советовал мне делать это, и был склонен согласиться, что публика там могла создать беспорядки и попытаться убедить меня не возвращаться в Тибет. "Но Индия свободная страна, - сказал он, - и никто не может остановить людей в Калимпонге от выражения своего мнения". И он добавил, что, если я действительно хочу туда отправиться, его правительство орга-

низует все необходимое и позаботится обо мне. Я решил, что должен побывать там, несмотря на совет Чжоу Энь-лая.

Это была не совсем политическая проблема. У меня была духовная обязанность посетить моих соотечественников, и здесь, конечно, Чжоу Энь-лай не мог давать мне указания. Итак, я отправился в Калимпонг и встретился не только с тибетцами, которые там жили, но также и с депутацией, которая была послана моим правительством в Лхасе для сопровождения меня домой.

На самом деле, они единодушно предложили, чтобы я остался в Индии, поскольку ситуация в Тибете стала совершенно отчаянной и опасной. Но я уже решил дать китайцам еще один шанс исполнить обещание своего правительства и сделать еще одну попытку двинуться к свободе мирным путем.

Я устал от политики. Политические разговоры занимали большую часть моего времени в Дели и заставили меня сократить паломничество. У меня возникло отвращение к ним, и я с удовольствием бы удалился от политики совсем, если бы не мои обязанности перед народом Тибета. Поэтому я был счастлив найти в Калимпонге и Гангтоке время для медитации и передачи религиозного учения народу, который собирался меня слушать.

В горах начинались снегопады, и мне пришлось ждать почти месяц, прежде чем путь в Тибет через Натху-ла открылся.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ ВОССТАНИЕ

Наконец погода улучшилась, и дорога была открыта. На вершине Натху-ла я попрощался с последними из моих индийских и сиккимских друзей. Когда я пешком шел через горный перевал в Тибет, я увидел, что среди молитвенных флажков, которые тибетцы всегда ставят в высоких местах, были установлены громадные красные флаги Китая и портреты Мао Цзе-дуна. Без сомнения, этим подразумевалось приветствие, но это было печальным приветствием при входе в мою родную страну. Меня ждал китайский генерал, но, к счастью, это был генерал Цзин Жао-жень, заместитель командира дивизии, - один из китайских офицеров, которые мне действительно нравились. Он был искренним, прямым человеком, - разумеется, не единственным, я встречал и других, которые были такими же честными и симпатичными. Я совершенно уверен, что многие из них хотели бы помочь нам, но все они были обязаны подчиняться жесткой коммунистической дисциплине и почти ничего не могли сделать. Однако один из них испытывал столь сильные чувства, что в 1958 году присоединился к нашим партизанским отрядам и воевал вместе с ними девять месяцев, а сейчас он в эмиграции в Индии.

Я решил, что по дороге в Лхасу в городах, через которые мы будем проезжать, - Ятунге, Гьянцзе и Шигацзе буду говорить свободно. После обещаний, которые

были даны в Дели моим братьям и мне, я хотел посмотреть, какова будет китайская реакция на небольшую порцию откровенных слов в Тибете. Поэтому в моих речах во всех этих трех местах, также и в Лхасе, я повторял то, что я всегда говорил моему народу, а также китайским и тибетским чиновникам, начиная с моего возвращения из Китая в 1955 году: - что китайцы не являются нашими правителями, а мы не являемся их подданными; что нам обещали автономное правительство и все должны стараться помочь ему по-настоящему заработать. Наша постоянная обязанность - исправлять ошибки, неважно, кем они сделаны - китайцами или тибетцами. Руководители Китая уверили меня, говорил я, что китайцы прибыли в Тибет только для того, чтобы помочь тибетцам, поэтому любой китаец, который не хочет помогать нам, нарушает указание своего центрального правительства.

Я пытался действовать согласно этой политике, стараясь, чтобы любое действие нашего правительства строго соответствовало соглашению из 17 пунктов, и всеми возможными способами стремясь к автономии. Поначалу я не заметил никакой реакции со стороны китайцев, но постепенно начал понимать, что они просто решили, что я действую под влиянием иностранцев.

Вскоре я узнал, что все время, пока я был в Индии, гнев народа против китайцев постепенно рос как в Лхасе, так и в окружающих районах. Главной причиной этого, я думаю, было то, что *кхампа* и другие беглецы из восточных провинций просочились на запад. И тысячи их установили лагеря вокруг Лхасы для защиты правительства. От них все узнали, какие жестокие методы использовали китайцы на востоке для внедрения своих доктрин, и все боялись, что те же методы вскоре будут использованы и в остальной части Тибета.

Но по мере того, как настроение народа постепенно склонялось в сторону восстания, отношение китайских властей менялось самым необычным и несогласованным образом. Прямо перед моим возвращением был период, когда они были настолько любезны с моими министрами, как могут быть любезны только китайцы. В это время они провели собрание и сообщили Кашагу, что китайское правительство понимает, как народ волнуется из-за предполагаемых в Тибете реформ. Они ни в коей мере не хотят пренебрегать желаниями народа, и поэтому реформы будут задержаны на шесть лет.

Я не знаю, был ли это результат моих протестов Чжоу Эн-лаю в Дели, но, как бы то ни было, слова эти были сказаны слишком поздно, чтобы существенно повлиять на враждебность народа.

В этот же период этого лицемерного дружелюбия, однако, китайцы объявили на публичном митинге, не предупредив об этом Кашаг, что на востоке разразилось восстание против их правления и что они готовы сделать все необходимое, чтобы подавить его.

Для министров это был шок. Они знали, конечно, что *кхампа* воюют, но не знали, что восстание настолько серьезно, что китайцы решились публично признать его существование.

Затем вдруг, без всякой видимой причины, этот дружелюбный период закончился, и мы вновь попали в старую атмосферу угроз, требований и слегка прикрытых оскорблений. После моего визита в Индию я пригласил господина Неру посетить Лхасу. Я сделал это не столько потому, что хотел развлечь его здесь и высказать мою благодарность за его гостеприимство в Индии, сколько потому, что хотел, чтобы он получил собственное непосредственное впечатление о том, что происходит в Тибете. Он принял это приглашение, и китайцы

поначалу не возражали. Но мне, конечно, следовало знать, что случится далее. Я должен был понимать, что они не осмелятся позволить государственному деятелю из внешнего мира увидеть, что они делают. Незадолго до того, как визит должен был состояться, они объяснили, что не могут гарантировать его безопасность в Тибете, предполагая, что тибетцы могут нанести ему вред, вместо того, чтобы приветствовать его, как спасителя, что они, конечно, сделали бы. Поэтому, к сожалению, мое приглашение должно было быть отозвано.

Так я вновь был отрезан от всяких симпатий и советов. Постепенно из сообщений беженцев начало складываться более ясное впечатление об ужасных событиях, происходивших на востоке и северо-востоке, хотя точная история происшедшего не известна и по сей день и, возможно, никогда не станет известной. Там, в районе, который был полностью под китайским правлением со времен начала вторжения, число *кхампа*, которые ушли в горы и начали партизанскую войну, выросло с нескольких сотен до десятков тысяч. Они уже имели крупные столкновения с китайской армией. Китайцы использовали артиллерию и авиацию. Не только против партизан, когда им удавалось их обнаружить, но также и против деревень и монастырей, которые, как они верно или неверно предполагали, симпатизировали партизанам или поддерживали их. Эти деревни и монастыри были полностью разрушены. Монахи и светские народные лидеры были подвергнуты избиениям и заключению, их убивали и даже пытали. Земли конфисковывались, священные изображения, книги и другие религиозные предметы, имевшие для нас огромное значение, были испорчены или просто украдены. На плакатах и в газетах пестрели антирелигиозные лозунги, а в школах преподавалось, что религия - просто средство эксплуа-

тации народа, а Будда был реакционером. Несколько экземпляров этих газет, опубликованных на китайской территории, достигли Лхасы, и стали читаться среди тибетских и китайских чиновников.

Китайцы, увидев резкую реакцию тибетцев и сообразив, что они зашли слишком далеко, предлагали по пять долларов за экземпляр, стараясь изъять их из обращения до того, как вся Лхаса их прочитает.

Если китайцы когда-либо и пытались завоевать расположение тибетцев как добровольных граждан их "матери-родины", очевидно, что эти попытки они оставили, по крайней мере в восточных провинциях. Тибетцев никогда нельзя было запугать до молчания, и атаковать нашу религию, самое драгоценное, что у нас есть, было безумной политикой. Результатом этих действий стало просто распространение и усиление восстания.

Через короткое время после моего возвращения в Лхасу население на всем востоке, а также северо-востоке и юго-востоке Тибета взялось за оружие. Лишь западная и центральная части страны оставались сравнительно мирными.

Конечно, я выражал энергичный протест китайским генералам в Лхасе против их возмутительных действий. Но, когда я протестовал, например, против бомбардировок деревень и монастырей, они обещали сейчас же прекратить их, но продолжалось ровно то же самое. В Лхасе количество прибывших *кхампа*, жителей Амдо или населения других восточных регионов выросло, по крайней мере, до 10 тысяч. Некоторые из них были постоянными жителями, но большинство - беженцами.

Поскольку именно восточное население начало восстание, эти люди в Лхасе стали бояться, что китайцы захотят отомстить им, и послали прошение в Кашаг с просьбой о защите. Китайские командующие уверили

Кашаг, что не собираются применять какие-то карательные действия ко всем восточным народам в целом. Кашаг вызвал местных лидеров *кхампа* и постарался сделать все возможное, чтобы убедить их не бояться. Но те успокоились только на короткое время.

Вскоре они вернулись и попросили Кашаг представить формальное свидетельство от китайцев, что жители из Кхама и Амдо не будут наказаны. Китайцы отказались дать его под тем забавным предлогом, что, "если такое заверение станет публично известно, оно достигнет Индии, и Китай потеряет лицо".

Больше ничего Кашаг сделать не мог, за исключением повторения устных обещаний, которые дали китайцы, и предоставления этих обещаний в письменной форме со стороны Кашага. Но вскоре появились признаки того, что и эти обещания могут оказаться такими же пустыми, как многие другие. Через несколько недель китайские офицеры начали обходить палатки *кхампа*, делая перепись и записывая всякого рода детали личной биографии каждого, кого они там находили. Ничего подобного они ранее не делали, и в умах *кхампа* это вызвало новую волну опасений. Они думали, что это была подготовка к массовым арестам, и решили, что оставаться в Лхасе уже небезопасно.

Тогда начался великий исход. Группа за группой беженцы по ночам уходили в горы. Некоторые брали с собой семьи и присоединялись к партизанским отрядам в горах, и вскоре почти никого из беженцев не осталось в Лхасе.

Конечно, китайцев это разгневало, и их жалобы посыпались в наш Кашаг. Я также был очень несчастлив, что события развивались таким образом. Это еще более заострило мою дилемму, потому что часть моего существа восхищалась бойцами-партизанами. Это были храбрые люди, мужчины и женщины, которые жертво-

вали свои жизни и жизни своих детей во имя спасения нашей религии и страны. Спасения единственным путем, который они могли видеть.

Если кто-то услышал бы об ужасающих деяниях китайцев на востоке, то сразу понял бы, что стремление к возмездию было естественной человеческой реакцией. Более того, я знал, что они воюют, оставаясь лояльными ко мне как Далай-ламе. Далай-лама оставался сердцем того, что они пытались защитить.

Однако я был вынужден вернуться к своему старому аргументу. Я часто вспоминал свое посещение Раджгхата. И снова думал, какой совет Махатма Ганди дал бы мне в этих изменившихся обстоятельствах. Предложил бы он вновь ненасилие?

Я мог только верить, что он сделал бы это. Насколько громадным ни было бы насилие, примененное к нам, никогда не могло быть правильным использовать насилие в ответ. Кроме того, с практической стороны, я рассматривал зверства на востоке как ужасный пример того, что китайцы с легкостью могли бы осуществить по всему Тибету, если бы мы начали воевать с ними. Я должен, думал я, вновь попытаться убедить мой народ не использовать оружие и не провоцировать такие же или еще худшие жестокости по всей нашей стране.

Я попросил Кашаг послать письмо лидерам *кхампа*, где выразил эти свои пожелания. Они назначили миссию из двух или трех монахов для того, чтобы найти руководителей партизан и передать им письмо. Та же миссия взяла обещание с китайцев, что, если партизаны сложат оружие, никакие акции не будут предприняты против них. Такого рода обещание содержало в себе намек, что, если они откажутся, акции будут жестокими. Китайцы пытались требовать взамен на свои обещания, чтобы *кхампа* действительно сдали оружие, но Ка-

шаг убедил их не настаивать на этом требовании, потому что понимал, что *кхампа* никогда этого не сделают.

В это время у меня было несколько бесед с тремя главными генералами Чжан Цзинь-у, Тан Гэ-ва, и Тан Куан-сэнь. То, что они говорили, казалось совершенно не связанным с происходящим в действительности. Всякий раз, когда я встречался с ними, они повторяли заверения, которые Чжоу Эн-лай дал мне в Индии. Что никакие серьезные изменения не будут производиться в Тибете, по крайней мере шесть лет. И далее после этого они не будут производиться вопреки воле народа. Однако фактически они уже вводили их, вопреки очень эмоционально выраженным протестам населения восточных районов.

Может быть, себя они и могли убедить в оправдание своих действий, что эти районы были частью самого Китая, а не Тибета, но для нас это звучало нелепо. Однако эти многократные обещания давали мне последнюю соломинку надежды, за которую я хватался, на что они и рассчитывали.

Затем вдруг их политика неожиданно переменялась. До сих пор именно китайская армия предпринимала карательные экспедиции против партизан на востоке и преследовала их во всех остальных местах. Теперь они потребовали, чтобы действия против партизан предприняло наше собственное правительство. Мы должны послать тибетскую армию для подавления восстания, а они обеспечат нас подкреплениями и припасами.

Но это Кашаг отверг с порога. Он считал, что тибетская армия слишком мала, недостаточно обучена, слабо оснащена, чтобы сделать это, и, кроме того, она требовалась для поддержания порядка в Лхасе. Кроме всего прочего, Кашаг не мог гарантировать, что тибетская армия просто не перейдет на сторону партизан.

У меня не было никаких сомнений, что именно это и произошло бы. Было немыслимо посылать нашу тибетскую армию воевать против тибетцев, которые не совершили никакого иного преступления, кроме того, что принялись защищать Тибет. Таким образом, Кашаг вынужден был резко отклонить это важное китайское распоряжение.

У китайцев был чрезвычайно своеобразный способ смешивать обыденные требования с чрезвычайно важными. Посреди всех этих отчаянных дел они вдруг стали настаивать, чтобы по отношению к *кхампа* всегда использовалось слово "реакционеры".

Это слово для коммунистов имело особое эмоциональное значение, но, конечно же, не для нас. Разумеется, все в правительстве и вне его начали использовать его как синоним слова "партизаны". Для коммунистов, без сомнений, это слово подразумевало обозначение высшего коварства. Но мы использовали его в целом с восхищением. Нам, как и *кхампа*, не казалось важным, как их называют братья-тибетцы, но впоследствии, когда я по наивности использовал это слово в письме, оно, действительно, вызвало недоумение у наших зарубежных друзей.

Китайцы демонстрировали то же самое отсутствие логики и сбалансированности и в более серьезных делах. Восстание разразилось в районе, который они контролировали сами в течение семи лет. Однако они с яростью обвиняли в нем наше правительство. Их жалобы и обвинения были бесконечны, день за днем: Кашаг не пытался подавить "реакционеров", он оставлял тибетские арсеналы без охраны, так что "реакционеры" могли воровать снаряжение и амуницию, следовательно, сотни китайцев будут терять свои жизни и мстить за кровь, и так далее. Как все завоеватели, они совершенно упуска-

ли из виду единственную причину восстания против них, которая состояла в том, что наш народ не хотел, чтобы они оставались в нашей стране, и готов был жертвовать жизни, чтобы от них избавиться.

Кроме того, в то время как китайцы обвиняли наше правительство, они все еще продолжали охотиться за какими-то несуществующими империалистами. К этому времени они уже должны были знать, что в Тибете нет и никогда не было "империалистических сил". Но сейчас они утверждали, что некие тибетцы в Индии присоединились к империалистам и именно они создают беспорядки в Тибете. Они назвали девять имен, включая моего предыдущего премьер-министра Лукхангву и моих братьев Тубтен Норбу и Гьело Тондупа, и потребовали лишить их тибетского гражданства.

Это указание не показалось ни мне, ни Кашагу заслуживающим возражения. Обвинение было глупостью, но эти девять человек вполне могли посчитать за честь, а не наказание быть выделенными таким образом. И наказание это, насколько я слышал, никогда не вызывало у них никаких неудобств.

Но в Лхасе мы приблизились к переломному моменту. Пропасть между китайцами и Кашагом уже начала расширяться. Китайцы вооружили свое гражданское население и укрепляли баррикады в городе. Они объявили, что по всей стране они будут защищать только своих сограждан и свои коммуникации, а все остальное было нашей ответственностью. Они стали собирать больше митингов в школах и других местах и говорить народу, что Кашаг пошел на соглашение с реакционерами и с его членами нужно поступать соответствующим образом. Не просто расстреливать, а иногда, они объясняли, нужно казнить медленно и публично. Генерал Тан Куан-сэнь, выступая на женском митинге в Лхасе, ска-

зал, что "там, где есть гнилое мясо, собираются мухи, но, если вы избавитесь от мяса, мухи не будут вас беспокоить".

"Мухи", насколько я понимаю, были партизаны, а "гнилое мясо" - либо Кашаг, либо я сам. Однако, когда китайцы заявляли, что Кашаг сотрудничает с партизанами *кхампа*, у меня не было сомнений, что *кхампа* полагали, что Кашаг более или менее сотрудничает с китайцами. Миссия, которую Кашаг послал лидерам *кхампа*, назад не вернулась. Пять ее членов присоединились к партизанам сами, и было бы очень трудно обвинять их. Пожелания, которые я передал с ними, произвели заминку в военных действиях, но они были высказаны слишком поздно. Большинство партизан не согласились возвращаться домой, потому что не верили обещаниям, что против них не будет предпринято никаких действий, и, кроме того, к этому времени большинство из них уже не имели домов, куда можно было вернуться.

Должен признаться, что я был близок к отчаянию. И тогда, то ли случайно, то ли умышленно, китайцы инициировали окончательный кризис.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ КРИЗИС В ЛХАСЕ

Первого марта 1959 года я был в Чжокханге, главном храме Лхасы, на праздновании Монлама. Именно во время этого празднования я сдавал последние экзамены на докторскую степень по философии. Конечно, несмотря на все политические неурядицы, мое религиозное образование продолжалось. В этом все еще состоял мой самый большой интерес. Все мои личные устремления состояли в том, чтобы мирно продолжить религиозные штудии, если бы это было возможным. Экзамен в форме диспута перед обширной аудиторией монахов и лам, который я уже описывал, был для меня чрезвычайно важным событием, как и для всего Тибета, и в этот момент я был полностью занят религиозными вопросами.

В самый разгар всех церемоний и приготовлений к моему окончательному экзамену мне сообщили, что меня хотят видеть два китайских офицера. Их привели ко мне. Это были два младших офицера, посланных, как они сказали, генералом Тан Куан-сэном. Они хотели, чтобы я сообщил генералу дату, когда смогу посетить театральное представление, которое они решили поставить в китайском военном лагере. Я уже слышал об этом плане и пообещал приехать, но я действительно не мог в данный момент сконцентрироваться на чем-то еще и ответил офицерам, что назначу дату, как только закончится церемония, продолжающаяся в течение 10

дней. Они этим не были удовлетворены, и продолжали настаивать, чтобы я тут же назначил дату. Я повторил, что смогу назначить дату, только когда закончится церемония. В конце концов они согласились передать генералу этот ответ.

Этот визит был забавен, любопытен. Обычно, если генерал не приходил ко мне сам, послания от него доставлялись через кого-то из моих официальных лиц. Приглашения на общественные мероприятия обычно шли через *донгьер ченмо* Пхалу, моего старшего церемониймейстера, или *чикьяп кхенно*, главного настоятеля и моего представителя в Кашаге. Поэтому необычная процедура послания младших офицеров для того, чтобы лично встретиться со мной, причем послание их в храм, немедленно вызвала подозрения у всех, кто об этом слышал.

Помимо недовольства, которое это по понятным причинам вызвало у моих чиновников, все опять ощутили, что генерал вновь пытается принизить Далай-ламу в глазах его народа. При китайском режиме я болезненно ощущал, что даже не имел возможности отказаться от приглашения на публичное предприятие, если оно меня не устраивало, не вызвав неудовольствия китайцев, которое могло привести к неприятным последствиям.

Их назойливая настойчивость в таком случае всегда находила выход в каком-то другом направлении, и поэтому мы думали, что мудрее в интересах страны подвергнуться небольшим унижениям в тишине, чем рисковать дальнейшим ухудшением генеральной политики китайцев, направленной на подчинение меня и моего правительства.

Об этом странном приглашении ничего больше не было слышно, пока 5 марта я не выехал из храма в Норбулинку. Мой переезд в Норбулинку всегда был большим событием, и в прошлые годы китайцы принимали в

нем участие. Но в этом году все заметили, что никто из китайцев не присутствовал. Двумя днями позже, 7 марта, я получил новое послание от генерала. Его переводчик, которого звали Ли, позвонил по телефону главному настоятелю и спросил о точной дате, когда я мог бы посетить спектакль в китайском лагере. Настоятель проконсультировался со мной и по моему предложению сказал Ли, что было бы удобно это сделать 10 марта. Приготовления, которые должны были быть сделаны для моего визита, не обсуждались вплоть до 9 марта. За день до того, как это было намечено, в 8 утра в дом начальника моей личной охраны, которого звали Кусунг Депон, прибыли два китайских офицера и сообщили ему, что они были посланы, чтобы отвезти его в китайскую ставку к бригадиру Фу, носившему титул военного советника. Кусунг Депон еще не завтракал и ответил им, что он придет в десять часов. Они ушли, но вернулись через час сказать ему, что он должен прибыть немедленно, так как бригадир ждет его срочно. Позже этим утром Кусунг Депон вернулся назад в Норбулинку в состоянии отчаяния. Он переговорил с моим главным настоятелем и старшим церемониймейстером, и они привели его ко мне, чтобы он мне лично рассказал о том, что произошло.

"Бригадир выглядел сердитым, - сказал он мне, - когда я прибыл в его офис". "Далай-лама прибывает сюда, - сказал он резко, - для того, чтобы посмотреть спектакль. Нужно обсудить кое-какие вещи, поэтому я послал за вами". "Была ли назначена дата?", - спросил Кусунг Депон. "А вы и не знаете!?" - воскликнул бригадир. - Далай-лама принял приглашение генерала и прибывает сюда десятого. Я хотел бы, чтобы вы уяснили себе: здесь не будет никаких церемоний, которые у вас обычно проводятся, никто из ваших вооруженных лиц

не должен прибыть с ним, как это бывает, когда он прибывает в Подготовительный комитет. Ни один тибетский солдат не должен пересечь каменный мост. Если вы настаиваете, мы допустим одного-двух телохранителей, но совершенно определенно, что никто из них не должен быть вооружен".

Эти необычные приказы были для моего начальника охраны самым неприятным шоком. Каменный мост обозначал границу обширного армейского лагеря, где находилась ставка китайцев. Существование этого лагеря всего в двух милях от Норбулинки всегда было соринкой в глазу для всякого патриотически настроенного тибетца. Но до тех пор, пока китайцы сидели там сами, население Лхасы терпело. Однако сама идея, что Далай-лама войдет туда для какой бы то ни было цели, была из ряда вон выходящей, и Кусунг Дефон знал, что народу это не понравится. Если же я должен буду войти без охраны, это будет еще более экстраординарно. Согласно обычаю, эскорт из 25 вооруженных телохранителей сопровождал Далай-ламу, куда бы он ни пошел, и вдоль дороги всегда выставались войска.

Кусунг Дефон понимал, что, если этот обычай неожиданно будет нарушен, народу необходимо дать объяснение. Поэтому он спросил бригадира о причине такого приказа.

Вопрос был невинным, но он раздражил бригадира еще более. "А Вы будете отвечать, если кто-то нажмет курок!? - вскричал он. - Мы не хотим беспорядков. Наши собственные солдаты разоружатся, когда придет Далай-лама. Вы можете поставить своих людей на дороге, вплоть до каменного моста, если хотите. Но никто из них ни при каких обстоятельствах не должен идти дальше. И все приготовления должны держаться в строгой тайне".

Среди моих чиновников разгорелись споры, когда Кусунг Дефон вернулся и передал нам эти приказания. Казалось, что нет альтернативы, кроме как согласиться с ними, и планы моего визита были сделаны соответствующим образом. Но никто не мог избавиться от чувства, что всё это китайское приглашение было подозрительным. И их желание сохранять этот визит в тайне подкрепляло эти подозрения.

Было совершенно невозможно держать в секрете какое-либо мое путешествие за пределы Норбулинки, если только не ввести комендантский час по всему городу, потому что, как только я собирался выехать, весть об этом сразу же распространялась, и вся Лхаса выбежала и выстраивалась по дороге, чтобы увидеть меня. Кроме того, в городе было много людей со стороны, которые также, несомненно, пришли бы. Большая часть монахов, которые присутствовали на праздновании Мон-лама, уже уехали, но несколько тысяч все еще оставалось, и было, кроме того, несколько тысяч беженцев. По самым грубым оценкам, в Лхасе могло находиться около ста тысяч человек. Возможно, это было самое большое население, когда-либо бывшее в городе.

Поэтому для того, чтобы сохранять порядок вдоль маршрута на следующий день, мои чиновники решили выставить обычную тибетскую охрану вплоть до каменного моста, ведущего в китайский лагерь, так, чтобы она могла обеспечить непроникновение толпы за мост. В середине дня 9 марта они передали приказ тибетской полиции вдоль дороги предупредить народ, что на следующий день будут особые ограничения на передвижения и никому не будет разрешено пересекать мост.

Это было сделано из лучших побуждений, поскольку пересечение моста обычно не запрещалось, и они подумали, что могут быть трагические последствия, если

кто-то по неведению пересечет его, чтобы посмотреть, как я пойду, а китайские солдаты погонят их обратно.

Но результат оказался обратным. По городу сейчас же разнесся слух, что китайцы составили план похитить меня. Весь вечер и ночь 9 марта волнения и возбуждение росли, и к утру большая часть народа Лхасы спонтанно решила любой ценой воспрепятствовать моему визиту в китайский лагерь.

Был еще один факт, который еще более уверил народ, что для меня расставлена ловушка. В следующем месяце должна была состояться сессия Китайской Национальной ассамблеи, и китайцы настаивали, чтобы я отправился туда. Понимая настроения народа, я искал способ отказаться от этого приглашения и пока не дал китайскому правительству никакого определенного ответа. Но, несмотря на это, как раз неделю назад они объявили в Пекине, что я прибуду. Это объявление без моего согласия уже рассердило народ в Лхасе, и, естественно, люди сделали вывод, что странное новое приглашение было просто заговором для того, чтобы увести меня против моей воли в Китай.

Были и еще худшие подозрения. В Тибете было широко известно, что в четырех разных местах в восточных провинциях высокие ламы приглашались на торжества китайскими командующими, после чего безвозвратно исчезали. Трое из них были убиты, а один заключен в тюрьму.

Казалось, что этот метод расправляться с людьми, когда никто не мог попытаться защитить их, был китайским обычаем. Благодаря еще одному необычному поступку китайских начальников это подозрение просто-напросто в Лхасе распространилось также и среди чиновников моего правительства.

Обычно, когда китайцы приглашали меня на какое-то

публичное событие, они приглашали также и всех высших тибетских официальных лиц. Но в этом случае вплоть до вечера 9 марта никто из официальных лиц, за исключением моего личного сопровождения, не был приглашен. Позже в этот вечер два китайских офицера прибыли в Норбулинку с пригласительными билетами, но только для шести членов моего Кашага. И устно они передали необычную просьбу, чтобы члены Кашага не брали с собой более одного слуги. Согласно обычаю, мой главный церемонимейстер всегда сопровождал меня, куда бы я ни шел, и китайцы прекрасно это знали. Но ни он, ни какие-либо другие официальные лица не были включены в число приглашенных. Несмотря на свои подозрения, мои чиновники не пытались убедить меня не идти туда. Но члены Кашага решили сопровождать меня, вместо того, чтобы ехать туда самостоятельно, как обычно они делали, на случай, что, если произойдет что-то неприятное, они, по крайней мере, будут довольны, что не оставили меня одного.

Следующий день оказался наиболее судьбоносным из всех, которые когда-либо видела Лхаса. К полудню я должен был предпринять беспрецедентный шаг - войти в китайский лагерь без эскорта. Но, когда я наутро проснулся, я и представления не имел, чем этот день в действительности закончится. Спал я плохо, потому что беспокоился обо всем этом. В пять проснулся и, как обычно, отправился в свою комнату для медитаций. Все было в порядке, совершенно мирно и знакомо, масляные лампы горели перед алтарями, и небольшие золотые и серебряные чаши были наполнены сладко пахнущей шафраном водой, похожей на жидкое золото. Запах благовоний насыщал воздух. Я читал молитвы и медитировал, затем отправился вниз, в сад, где всегда любил прогуливаться ранним утром. Вначале я был за-

нят своими заботами, но вскоре забыл их перед лицом красоты весеннего утра. Небо было безоблачно, лучи солнца только касались пиков далеких гор над монастырем Дрепунг и начинали освещать дворец и храмы, стоящие в моем "Драгоценном парке". Все было свежим и веселым, радуясь приближению весны. Появились побеги новой зеленой травы, и тонкие нежные почки стали распускаться на тополях и ивах. Лотосовые листья в озере поднимались к поверхности и раскрывались к солнцу, все было зеленым. Поскольку я родился в год дерева-свиньи, а дерево зеленое, астрологи говорили, что зеленый цвет - это цвет моей удачи. Именно по этой причине мои личные молитвенные флаги были зелеными и они развевались на крыше моего дома легким утренним ветерком. Это был последний короткий момент мира, который я знал.

Он был прерван неожиданными беспорядочными криками за стеной парка. Я прислушался, но не мог различить слов. Я поспешил в дом, нашел кого-то из чиновников и послал их узнать, что происходит. Вскоре они вернулись и сообщили, что жители Лхасы, кажется, выходят из города и окружают Норбулинку. Они кричат, что пришли защитить меня и не дать китайцам забрать меня в свой лагерь.

Вскоре все дворцы Норбулинки заполнились взволнованными людьми, посланцы возвращались ко мне со все новыми вестями. Толпа была громадной, некоторые говорили, что там было около 30 тысяч людей. Все они находились в состоянии крайнего возбуждения, и раздавались гневные антикитайские выкрики. Час за часом напряжение нарастало. Я отправился молиться в небольшой храм, который был построен 7-м Далай-ламой и посвящен воинствующей ипостаси Ченрезе, Авалоки-тешвары, Махакале, который был наделен мощью за-

щищать от зла. Восемь монахов уже были там, постоянно молясь в течение нескольких дней.

Двое членов Кашага, Нэушар и Шэсур, прибыли к дворцу около 9 часов в китайских армейских джипах с китайскими шоферами, как они обычно и делали. Люди еще более возбудились, когда увидели китайских шоферов, но министры прошли сквозь толпу во дворец без особых трудностей. Однако немного позже еще один министр, Самдуб Пходранг, прибыл в собственной машине, эскортируемый китайским офицером. И тогда на какое-то время толпа вышла из-под контроля. Самдуб Пходранг в Кашаг был назначен недавно, и лишь несколько человек в Лхасе знали его в лицо. Он носил тибетскую одежду из желтого шелка и, возможно, смог бы пройти в ворота без особого труда, если бы был один. Но толпа отметила, что машина была китайской, и тут же решила, что китайский офицер прибыл за мной. Кто-то швырнул в него камень, паника стала распространяться, и машина была забросана камнями. Один из камней ударил Самдуб Пходранга в голову, и он упал без чувств. Даже когда он лежал без сознания, народ не узнал его. Но, думая, что они по ошибке ранили одного из моих чиновников, люди подобрали его и доставили в госпиталь индийского консульства.

Немного позже на своем джипе прибыл ко дворцу еще один член Кашага, Суркхангва, но не смог доехать до ворот, потому что к этому времени толпа полностью заблокировала дорогу. Он вышел из джипа на некотором расстоянии и прошел через толпу, войдя в ворота с помощью тибетского чиновника, который там находился. Эти три министра, побывав в толпе сами, поняли, что необходимо сделать что-то быстро для того, чтобы предотвратить кризис. Они опасались, что толпа может попытаться атаковать китайскую ставку.

Некоторое время они ждали Нгабо, который также был членом Кашага, но он не приехал. Впоследствии мы узнали, что он отправился в китайский лагерь, очевидно думая, что я буду там, а затем понял, что появляться ему небезопасно, - так оно и было, поскольку китайцы послали бы с ним охрану, а ее закидали бы камнями, как эскорт Самдуб Пходранга.

В конце концов члены Кашага решили, что не могут больше ждать и устроили совещание втроем, пригласив также *чикьяп кхенпо*, главного настоятеля, тоже имевшего министерский ранг. Затем они пришли поговорить со мной. Они сообщили, что народ решил, что я не должен отправляться в китайский лагерь, из боязни, что я буду похищен и увезен в Китай. Толпа уже избрала своего рода комитет из 60 или 70 вожаков и объявила, что, если китайцы будут настаивать, что я должен ехать, они забаррикадируют дворец и сделают невозможным для меня покинуть его. Кашаг сообщил мне, что толпа настолько встревожена и решительно настроена, что мне действительно небезопасно выходить.

К тому времени, когда члены Кашага прибыли увидеться со мной, я мог слышать крики: "Китайцы должны уйти, оставьте Тибет тибетцам". Все лозунги требовали прекратить китайскую оккупацию и вмешательство китайцев в действия правительства Далай-ламы. Слушая эти крики, я ощущал напряжение этих людей. По рождению я был одним из них и понимал, что они чувствуют, знал, что в их нынешнем состоянии ума их уже невозможно контролировать. Это понимание было подтверждено позже утром, когда я услышал с болью и горем, что монах-чиновник по имени Пхакпала Кхечунг был избит разъяренной толпой и забросан камнями до смерти.

Этот человек вызывал в Лхасе много отрицательных эмоций из-за его тесного сотрудничества с китайскими

оккупационными силами. Еще раньше этим утром он присутствовал на ежедневном собрании официальных лиц-монахов, именуемом *трунгча*, и по какой-то неизвестной причине около 11 часов он направился в Норбулинку на велосипеде, будучи одетым в полукитайскую одежду, темные очки и мотоциклетную маску от пыли. Также он открыто носил на поясе пистолет. Некоторые из толпы приняли его за переодетого китайца, другие решили, что он везет послание из китайской ставки. Их гнев и отвращение ко всему китайскому вдруг обратились в ярость, трагическим результатом которой стало убийство.

Начало насилия принесло мне громадную боль. Я поручил Кашагу объяснить китайскому генералу, что не могу посетить представление и что было бы неразумным кому-либо из его ставки в настоящий момент прибыть в Норбулинку, потому что это могло бы разозлить толпу еще больше. Старший церемонимейстер позвонил переводчику генерала и передал ему это послание вместе с моими извинениями и сожалением. Переводчик согласился, что решение было правильным, и сказал, что передаст послание генералу.

В то же самое время я попросил Кашаг передать народу, окружившему дворец, что, раз они не хотят, чтобы я отправился в китайский лагерь, я туда не пойду. Министр Суркхангва связался с избранными народом лидерами и объявил им, что я отменил свой визит, и около полудня громкоговорители сделали соответствующее объявление толпе. Оно было встречено приветственными возгласами за воротами.

Душевное напряжение, которое я испытал этим утром, было таким, какое я еще не испытывал за время моего краткого руководства народом Тибета. Я чувствовал, что нахожусь между двумя вулканами, каждый из

которых в любой момент может начать извергаться. С одной стороны был тревожный искренний единодушный протест моего народа против китайского режима. С другой стояла вооруженная мощь могущественных и агрессивных оккупационных сил. Если бы эти две силы сошлись, результат можно было бы легко предсказать. Народ Лхасы был бы безжалостно убит тысячами, и Лхаса и остальная часть Тибета увидели бы полномасштабное военное правление со всей его системой подавления и тираний.

Непосредственным поводом взрывоопасной ситуации был вопрос о том, должен ли я идти в китайский лагерь или нет. Но в то же время я был единственным, кто мог бы вернуть мир. Я знал, что ради спасения народа я должен любой ценой попытаться утихомирить гнев людей и успокоить китайцев, которые, без сомнения, стали еще злее. Я надеялся, что объявление, которое я сделал о том, что я не поеду, прекратит демонстрацию, и удовлетворенный народ разойдется по домам.

Но не тут-то было. Их лидеры сказали, что не разойдутся, пока я не обещаю им, что не только отменю свой визит в этот день, но и в будущем не буду принимать какие-либо приглашения посетить китайский лагерь. Ничто не казалось в этот момент слишком высокой ценой для того, чтобы отвратить несчастье, и я дал обещание, о котором они просили. Тогда большинство избранных лидеров ушли. Но большая часть остальной толпы все еще стояла вокруг дворца и не уходила.

Около часу дня я велел моим трем министрам отправиться к генералу Тан Куан-сэню и объяснить ему лично всю ситуацию. У ворот все еще стояла обширная толпа, решительно настроенная не дать никому выйти из дворца. Появление министров у ворот вызвало у народа подозрение, что я могу отправиться за ними. Министры

объяснили толпе с некоторыми трудностями, что я повелел им отправиться в китайский лагерь и объяснить генералу, что не могу прибыть на его театральное представление. Тогда толпа настояла на том, чтобы обыскать машины министров и убедиться, что я не спрятан в одной из них. Только после этого они позволили министрам проехать. Во время этой дискуссии у ворот представитель, выступающий от имени толпы, сказал, что они решили избрать из своего числа телохранителей и расставить посты вокруг всего дворца, чтобы воспрепятствовать китайцам каким-либо образом забрать меня отсюда. Министры попытались убедить их не делать этого, но этот совет толпа не приняла.

Когда министры вернулись после обеда, они рассказали мне, что произошло в китайской ставке. Генерал Тан Куан-сэнь не был там, когда они прибыли, но их ожидали десять других офицеров, очевидно занятых серьезным совещанием. С ними был Нгабо, еще один министр моего Кашага, одетый в тибетские одежды вместо китайской генеральской формы, которую он еще недавно должен был носить, посещая китайские офисы. Нгабо сидел с офицерами, но, как казалось, не принимал участия в их дискуссии. Он не встал с места, чтобы присоединиться к министрам, когда они вошли.

Некоторое время ни одна из сторон не говорила ни слова о событиях дня. Китайские офицеры казались незаинтересованными, и вежливо осведомились о здоровье министров. Но атмосфера резко изменилась, когда вошел генерал Тан Куан-сэнь и стал руководить происходящим.

Министры рассказали, что генерал казался крайне разгневанным, когда входил в комнату. Его внешность была угрожающей, и министры нервно поднялись со своих мест, дабы выказать ему уважение. Несколько

минут он казался онемевшим от ярости и не приветствовал министров. Суркхангва начал беседу, сказав ему, что я послал их, чтобы объяснить, что именно произошло и помешало мне посетить театральное представление. Он сказал, что я, разумеется, собирался прийти, но возмущения народа были настолько сильны, что я вынужден был оставить эту мысль. Остальные два министра также добавили свои объяснения.

К тому времени, когда переводчик кончил переводить, генерал заметно покраснел лицом. Он поднялся со своего места и стал ходить взад и вперед по комнате, очевидно вне себя от гнева. С видимым усилием он сумел овладеть собой и вновь сел. Затем с нарочитой непринужденностью он медленно начал речь против министров и "тибетских реакционеров". И хотя он, казалось, пытался контролировать свой гнев, его голос часто поднимался до визга, и он взрывался грубыми и оскорбительными словами. Он использовал китайские слова, которые никогда не произносятся в сколько-нибудь приличном китайском обществе. Главное положение его речи состояло в том, что правительство Тибета втайне организовало агитацию среди народа против китайских властей и для того, чтобы помогать *кхампа* в их восстании. Тибетские руководители игнорировали приказы китайцев и отказались разоружить *кхампа*, живущих в Лхасе, - поэтому теперь для сокрушения оппозиции китайскому правлению придется предпринимать крайние меры.

Два других генерала сделали подобные же тирады. Один из них заявил: "Пришло время уничтожить всех этих реакционеров. Наше правительство до сих пор было слишком терпеливым, сегодняшнее восстание - это поворотная точка. Сейчас мы начнем действовать, поэтому будьте готовы".

Мои встревоженные министры поняли эти речи как ультиматум о начале военных действий, если народное возмущение немедленно не прекратится. Они были убеждены, что результаты будут опасны и угрожают также и безопасности лично Далай-ламы. Они считали, что, если что-то со мной произойдет, от Тибета ничего не останется. Они пытались как-то разрядить обстановку.

Шэсур сказал генералу, что китайцы должны попытаться понять простых тибетцев и проявить спокойствие и терпеливость. Они не должны ухудшить и без того серьезную ситуацию, пытаясь расквитаться. Он уверил их, что Кашаг делает все возможное для того, чтобы предотвратить беззаконие среди *кхампа* и любых других тибетцев, которые могли бы по глупости пытаться спровоцировать вооруженное столкновение с китайскими силами. Но китайские генералы не хотели принимать его уверения или слушать его советы.

Глубоко встревоженные, министры вернулись назад в Норбулинку около пяти часов. К этому времени часть толпы разошлась, хотя оставалось все еще множество людей, окружающих главные ворота. Те, что ушли, как мы узнали впоследствии, отправились в город организовывать народное собрание и массовые демонстрации против китайцев. На этих собраниях они низвергали "Соглашение из 17 пунктов" на том основании, что китайцы нарушили его, и вновь требовали, чтобы китайцы ушли.

В шесть часов того же дня около 70 членов правительства, в основном младшие чиновники, вместе с лидерами, избранными толпой, и членами отряда Кусунг (телохранители Далай-ламы) провели митинг внутри Норбулинки и утвердили декларацию, которая была принята на митингах в городе. Они, кроме того, составили декларацию о том, что Тибет более не признает

китайский авторитет, и вскоре после этого отряд Кусунг объявил, что более не будет принимать приказы от китайских офицеров. Они выбросили китайскую форму, которую их заставляли носить, и вновь явились в своих тибетских одеждах.

Как только я услышал об этих решениях, я послал инструкцию лидерам, где говорилось, что их обязанностью является уменьшить возникшее напряжение, а не усиливать его. Быть спокойными и терпеливыми. Но к этому времени негодование народа было таким яростным и их подозрительность к китайцам такой сильной, что мои советы, казалось, не произвели на них никакого впечатления вообще.

Позже вечером того же дня мне было доставлено письмо от генерала Тан Куан-сэня. Это было первое из трех писем, которые он послал мне на протяжении ближайших нескольких дней, и я ответил на каждое из них. Эти письма были опубликованы китайцами после того, как все события в Лхасе кончились, для того, чтобы подкрепить свою пропаганду. Они использовали их как доказательство того, что я хотел искать убежища в китайской ставке, но был задержан под арестом в Норбулинке теми, кого они называли "кликлой реакционеров", и в конце концов вывезен в Индию против моей воли. Эта история повторялась в некоторых зарубежных газетах, дружелюбно настроенных к коммунистическому Китаю, и я был поражен, услышав через год, что эти известия цитировались членом британской палаты лордов. Поскольку это была прямая противоположность истине, я хочу описать обстоятельства, в которых были написаны эти письма, и почему я писал их, и объяснить раз и навсегда, что, когда я оставил Лхасу, я сделал это по своей собственной воле, это решение было исключительно моим, сделанным в условиях отчаянной ситуа-

ции. Я не был похищен своей свитой, я не подвергся какому-либо давлению с чьей-либо стороны за исключением того, какое мог видеть каждый тибетец в Лхасе: что китайцы собираются обстреливать мой дворец из орудий и что моя жизнь будет в опасности, если я там останусь. Письма генерала ко мне были написаны в дружественном тоне, который казался бы искренним, если бы я не слышал уже от министров о его ярости. Он сообщал, что беспокоится о моей безопасности, и приглашал меня искать убежища в его лагере.

Я отвечал на все его письма для того, чтобы выиграть время. Время для того, чтобы гнев с обеих сторон утих, и время для меня, чтобы попытаться урезонить население Лхасы.

По этой причине я полагал, что было бы глупо спорить с генералом или указывать, что защита меня китайцами от моего собственного народа была наименее необходимой вещью. Напротив, я стремился ответить таким образом, чтобы, как я надеялся, успокоить его. А этой цели я мог добиться, только принимая его сочувствие и одобряя его советы.

В моем первом письме я писал, как огорчен был действиями моего народа, которые помешали мне посетить представление. Во втором письме я сообщил, что приказал, чтобы народ, окружающий Норбулинку, разошелся, и согласился с его мнением о том, что эти люди, претендующие на то, что защищают меня, на самом деле только стремятся подорвать отношения между китайцами и нашим правительством. В третьем письме я также добавил, что прежде, чем отправлюсь в его ставку, я должен отделить людей, которые поддерживали новые идеи, от тех, кто им противился. Даже если бы я знал в то время, что эти письма впоследствии будут цитироваться в неприятном для меня смысле, я бы все равно

их написал, потому что моей наиболее настоящей нравственной обязанностью в этот момент было предотвратить совершенно разрушительное столкновение между моим невооруженным народом и китайской армией.

Может быть, я повторяюсь, но еще раз хочу сказать, что я не мог одобрить насилие и поэтому не одобрял те насильственные действия, которые совершались лхасским населением. Я мог оценить и ценил их преданность мне как символу Тибета, отношение, которое явилось непосредственной причиной их гнева к китайцам в этот судьбоносный день. Я не мог обвинять их за беспокойство о моей безопасности, поскольку Далай-лама представлял сущность того, ради чего они жили и трудились. Но я был уверен, что то, что они делают, если это будет продолжено, может привести только к трагедии. И как глава государства я должен был попытаться любыми способами утихомирить их чувства и не дать им довести дело до гибели под ударами китайской армии. Поэтому совет, который я давал им, был в высшей степени искренен, и, хотя мои письма китайскому генералу были написаны с целью замаскировать мои истинные намерения, я верил и продолжаю верить, что это было оправдано.

Но на следующий день, 11 марта, стало ясно, что контролировать население Лхасы становится еще труднее. В этот день они выставили шесть часовых около офиса Кашага внутри Норбулинки и предупредили министров, что им не будет дозволено покинуть помещение. Вероятно, они подозревали, что Кашаг разработает какого-либо рода компромисс с китайцами для того, чтобы обмануть народное требование, чтобы китайцы покинули Тибет.

Кашаг собрал срочное совещание. Только четверо из шести министров на нем присутствовали, поскольку

Самдуб Пходранг все еще плохо себя чувствовал после травмы, а Нгабо отказывался покидать китайский лагерь. Но эти четверо решили сделать еще одну попытку убедить народ отозвать свою демонстрацию и послали за лидерами толпы.

На этом собрании лидеры оказались более спокойными и обещали Кашагу, что попросят народ разойтись. Также они сказали, что сожалеют о том, что Самдуб Пходранг был ранен, и попросили Кашаг передать ему некоторые подарки от них в знак извинения. В этом несколько более умеренном настроении народ, вероятно, и разошелся бы через некоторое время, и усилия, которые предпринимали я и Кашаг для того, чтобы привести демонстрацию к мирному концу, может быть, и достигли бы успеха, но прибыли еще два письма от генерала: одно мне и одно Кашагу.

Письмо Кашагу полностью разрушило наши усилия. В нем говорилось, что мятежники установили баррикады в северной стороне Лхасы на дороге к Китаю. Кашагу предписывалось добиться, чтобы они сейчас же были убраны. Генерал предупреждал, что, если это не будет сделано, могут последовать самые серьезные последствия, ответственность за которые будет лежать на Суркхангве, Нэушаре, Шэсуре и *донгер ченмо*.

Кашаг вновь призвал народных лидеров и предложил им убрать баррикады, чтобы китайцы не имели повода для дальнейших репрессий. Но совет этот произвел прямо обратный эффект. Вожаки наотрез отказались демонтировать баррикады. Они сказали, что установили их там, чтобы защитить Норбулинку, удерживая китайские подкрепления от входа в город. Если китайцы хотели, чтобы они были убраны, единственный вывод, который можно было из этого сделать, состоял в том, что они действительно собирались атаковать дво-

рец и захватить Далай-ламу. Также они сказали, что китайцы сами построили баррикады перед храмом и приняли подобные предосторожности, чтобы защитить тибетцев, которые их поддерживали, таких как Нгабо.

И, если китайцы могут использовать баррикады, чтобы защитить Нгабо, рассуждали лидеры, почему они возражают, когда народ Лхасы защищает дворец?

Логика эта была неудачной, но вожаков оказалось невозможно убедить рассматривать китайские предложения каким-либо другим образом. Печальным результатом этого обсуждения стало то, что они стали больше беспокоиться о моей безопасности и отказались распустить толпу. Народ стал менее склонен к компромиссу, выделил шесть командиров для усиления защиты дворца и объявил, что не оставит дворец без охраны, что бы там ни было.

Такого рода развитие событий меня крайне встревожило. Я чувствовал, что до трагедии оставался один шаг, и решил поговорить с народными вожаками сам. Я послал за ними, и явились все семьдесят. Тогда, в присутствии министров Кашага и других старших чиновников я сделал все, что мог, чтобы отговорить их от их действий. Я сказал им, что китайский генерал не вынуждал меня принять свое приглашение. Что я консультировался и согласился поехать туда до того, как было написано это приглашение. Я сказал, что не боюсь какой-либо личной опасности, исходящей от китайцев. И что они не должны создавать ситуацию, которая приведет к серьезным последствиям для народа. Я знал, что это оскорбит их чувства, но должен был сказать им, что я надеюсь искреннейшим образом, что мир в Лхасе может быть восстановлен хоть в какой-то степени.

Лидеры не задавали каких-либо вопросов относительно моего совета и не спорили со мной. Они тихо

оставили собрание и провели совещание за воротами дворца. Они согласились, что для них невозможно не выполнить мои распоряжения, но была долгая дискуссия о том, что может произойти со мной, если их защита будет убрана. В конце концов они исполнили мои пожелания в том, чтобы не проводить больше митингов внутри Норбулинки. Вместо этого они собрались в деревне Шоу у подножия дворца Поталы и посылали сообщения о своих решениях мне и Кашагу после каждого собрания. Эти решения были, по существу, повторениями их предыдущих деклараций. Они будут продолжать защищать меня, а китайцы должны оставить Лхасу и Тибет, дать тибетцам самим управлять своими делами. Так прошли два следующих дня. Ситуация, казалось, застыла, и проблемы были неразрешимыми. Но очевидно, что долго так продолжаться не могло, что-то должно было вскоре произойти, изменив ситуацию к лучшему или к худшему.

Третье и последнее письмо от генерала Тан Куан-сэня пришло утром 16 марта, и я ответил на него в тот же день. Впоследствии китайцы опубликовали оба эти письма, но не сообщили при этом, что в том же конверте, в котором лежало письмо генерала, было еще одно письмо, посланное мне Нгабо. Он не присутствовал ни на одном из совещаний Кашага с начала кризиса и теперь хотел предупредить меня, что, по его мнению, не осталось никаких шансов на мирный исход. Он посоветовал мне попытаться разрушить враждебные планы "реакционеров" и прекратить все контакты с народными вожаками. Он полагал, что у народа есть "дурной план" увести меня из Норбулинки. Если это правда, это было бы для меня очень опасно, поскольку китайцы предпримут строжайшие меры, чтобы предотвратить мое исчезновение. Даже если я ускользну, предупредил

он, в нынешней международной ситуации я никогда не смогу вернуться в Лхасу.

И затем он добавил: "Если, Ваше Святейшество, с несколькими из своих чиновников, которым вы доверяете, с несколькими доверенными офицерами и телохранителями Вы будете оставаться за внутренней стеной и не выходить оттуда и проинформируете генерала Тан Куан-сэня о том, какое именно здание вы занимаете, они, конечно, примут все меры, чтобы это здание не было разрушено".

Таким образом, Нгабо знал то, о чем мы только догадывались: что китайцы в действительности собираются уничтожить дворец и толпу. Но все еще хотят сделать это, по возможности не убивая меня.

Он также написал и Кашагу, более или менее повторяя то, что он написал мне, и уговаривая их отвлечь народ от дворца или, по крайней мере, позаботиться о том, чтобы они оставались за стенами. Он писал, что понимает трудности и, если невозможно заставить народ разойтись, то следует попытаться ради моей же безопасности увести меня из дворца и привести в китайский лагерь. А пока надо послать эскиз дворца, где было бы указано, в каком месте я нахожусь.

Я ответил на письмо генерала примерно в том же тоне, что и ранее. Мне все еще казалось, что единственным шансом убедить его не атаковать толпу и дворец было последовать его желанию. Я не сообщил ему, в каком здании я нахожусь. Я чувствовал, что до той поры, пока китайцы не знают точно, где я нахожусь, есть еще какой-то шанс, что они не станут использовать артиллерию. Если бы мы сказали им об этом, казалось несомненным, что остальная часть Норбулинки будет лежать в руинах. Я вновь заверил его, что намереваюсь прибыть в китайский лагерь, как только окажется возможным.

На самом деле я туда не собирался, но надеялся, что §то обещание вынудит его отложить отдачу приказа об атаке и даст нам возможность вовремя увести людей. ,)то было последнее из писем, которые я ему написал. Вся атмосфера вокруг дворца к этому времени стала чрезвычайно напряженной. За внутренней стеной скопилось множество взволнованных, разгневанных людей. Большинство из них вооружилось палками, копьями, ножами или тем оружием, которое они смогли найти. Среди них были *кхампа* с винтовками и сколько-то солдат с несколькими пулеметами и даже 14 или 15 минометами.

Лицом к лицу, на кулаках или мечях, один тибетец стоил бы дюжины китайцев. Последние события в восточных провинциях подтвердили эту старую пословицу. Но было очевидно, что их сила бесполезна против тяжелого вооружения, при помощи которого китайцы могли стереть их в порошок. Практически, у них не было ничего, за исключением решимости защитить меня.

При этом с внутренней стороны стены в непосредственной близости от дворца все сохраняло видимость мира и покоя. Не было никаких признаков чего-либо нежелательного, сад был тих, как обычно, павлины гуляли, высоко подняв хвосты и не заботясь о человеческих волнениях. Певчие птицы перелетали с дерева на дерево, смешивая своё пение с музыкой фонтанов в скалистой части сада, а прирученные олени, рыбы, утки, а также белые журавли были столь же изящны, как всегда. Сотрудники моей личной охраны без униформы даже поливали газоны и клумбы. Атмосфера была все еще типичной для Тибета, где на протяжении столетий народ стремился к умиротворению, покою ума, и посвящал свою жизнь поискам духовного пути к свободе от бед и страданий. 16 марта пришли сведения о китайских

приготовлениях уничтожить это мирное место. Народ сообщил Кашагу, а затем мне, что подтянута вся артиллерия из района и расставлена на позициях вокруг города, а особенно вокруг Норбулинки.

Один человек, который работал на гидроэлектростанции, строящейся в восьми милях к востоку от Лхасы, сообщил, что четыре горных орудия и 28 тяжелых пулеметов, которые там обычно стояли, были втайне увезены в Лхасу в ночь на 14-е, с эскортом нескольких грузовиков китайских солдат. Глава районной администрации из Бомту, что в 15 милях к востоку от Лхасы, сообщил, что к городу подтянули 20 тяжелых орудий. Вечером 13-го и затем 15-го два громадных китайских военных грузовика с тремя солдатами в каждом были замечены около северных ворот дворца с механическими инструментами, очевидно для производства измерений. Когда они увидели, что за ними наблюдают, они торопливо уехали, и часовые из народа сразу же решили, что измерения эти предназначались для наведения тяжелых орудий на дворец. Ночью около сотни новых китайских грузовиков медленно подтянулись к Потале, и оттуда - к китайскому лагерю.

Следующим утром 15 или 20 китайцев в гражданской одежде были замечены на телеграфных столбах, - очевидно, ремонтировали провода. Но народ решил, что они продолжают рекогносцировку для уточнения дистанции. Наш народ не слишком много знал относительно артиллерии и, возможно, ошибался, но именно так они думали. Помимо всех этих наблюдений прошли слухи о дополнительных войсках, прибывающих из Китая по воздуху.

Ночью 16 марта тибетцы были уверены, что китайцы собираются начать обстрел дворца и что это может осуществиться без предупреждения в любой момент. Их

чувства взвинтились до уровня паники, но все равно они не хотели покидать дворец и оставить меня. Все, кто имел какой-то авторитет, пытались утихомирить людей, но их гнев на китайцев успокоить было невозможно. Для толпы и для моих министров, как и для меня, это была очень тревожная ночь, и никто не мог спать. Когда пришло утро, слухи все еще распространялись, и крушение казалось неминуемым.

Мне и Кашагу показалось, что ситуация стала совершенно отчаянной. Мы провели совещание. Обсуждать оставалось только один вопрос: как можем мы предупредить разрушение дворца и убийство окружающих его тысяч людей. Мы смогли только решить направить еще один призыв китайскому генералу не использовать силу для разгона толпы, но подождать, пока Кашаг еще раз попытается их увести с миром.

Кашаг торопливо написал письмо Нгабо с этой целью. Министры писали, что народ действует глупо и под влиянием стресса, но все еще есть надежда, что их удастся в конце концов заставить уйти от дворца. Они также просили, чтобы Нгабо помог увести меня в китайский лагерь. Они указывали, что это будет очень трудно, потому что вся площадь вокруг дворца контролировалась народом, но пообещали сделать все, что в их силах.

Они послали с этим письмом особый код и попросили Нгабо использовать его в ответе, поскольку народное ополчение вокруг дворца начало проверять все письма, которые попадали в их руки. Единственной целью этого письма, конечно, было умиротворить китайского генерала. Фактически, мне было совершенно невозможно отправиться в китайский лагерь. Я действительно хотел бы туда отправиться и отдать себя на милость китайцев, если бы это предотвратило массовое убийство народа, но тибетцы никогда не позволили бы мне это сделать.

Послать это письмо было очень трудно, поскольку народное ополчение бдило и не позволяло чиновникам покидать дворец. Но один из помощников министра Шэсура сумел выскользнуть под предлогом, что он отправляется за покупками в город. Он сумел доставить письмо Нгабо и вернуться с ответом.

Ответ состоял в кратком вежливом уведомлении о получении письма. Нгабо писал, что очень доволен предложениями Кашага и тем, что я намереваюсь перебраться в китайский лагерь, и пообещал послать более подробное письмо позже.

Но этот ответ так и не пришел до самого конца. Около четырех часов в этот день, пока мы с министрами обсуждали ответ Нгабо, мы услышали выстрелы двух тяжелых орудий из ближайшего китайского лагеря и разрывы снарядов в болоте у северных ворот. При звуке этих двух выстрелов напряжение и гнев достигли вершины. Никаких объяснений этим выстрелам не было дано. Те, кто их слышал, могли только понять, что атака началась и целью ее был дворец.

А во дворце все решили, что пришел конец и надо незамедлительно предпринять что-то решительное. Но никто не мог решить, что же делать. Я должен был найти ответ и принять решение. Но с моей неопытностью в мирских делах это было нелегко.

Я не боюсь смерти, и мне не страшно было стать одной из жертв китайского нападения. Ведь причины смерти заложены в самом рождении, и великий смысл Учения не дает развиваться нежеланию смерти. Не счесть, сколько рождений и смертей мы переживаем в этом океане сансары. Упуская, по недостатку и омрачению ума, это высокое понимание и веря в исключительность смерти, незрелые люди переживают трагедию, когда возникает потребность отдать жизнь ради роди-

ны, - это небуддийское отношение. Но, если правильно понять закон кармы-плода, или причинно-следственной связи, и оставить не соответствующую Дхарме нечистую гордыню, - усвоив доктрину о двух способах взаимозависимости*, сознаешь, что нечего горевать о смерти.

Однако я понимал, что ни народ, ни чиновники правительства не могут разделять моего чувства. Для них персона Далай-ламы была высшей ценностью, - Далай-лама символизировал Тибет, тибетский образ жизни, нечто наиболее дорогое для них. Они были убеждены, что, если это тело прекратит существование в руках китайцев, жизнь Тибета также придет к концу.

Поэтому, когда китайские орудия сделали предупреждение о смерти, первая мысль в умах каждого - начиная с чиновников во дворце и кончая самым последним человеком в громадной толпе вокруг него - была о том, что моя жизнь должна быть спасена и я должен немедленно оставить дворец и город.

Такое решение не могло быть легким, ставки были высоки, - от него зависело все будущее Тибета. Не было никакой уверенности, что побег вообще физически возможен. Нгабо уверял, что невозможен. Если бы я и ускользнул из Лхасы, куда я мог отправиться и где найти прибежище? И, прежде всего, разрушат ли китайцы наш священный город, уничтожив массы народа, если я уеду, или же народ рассеется из дворца, когда узнает, что меня там нет, и, может быть, спасется?

Наши умы были захвачены этими вопросами, ответов на которые не находилось. Ни в чем не было уверенно-

* Его Святейшество, видимо, имеет в виду доктрину *взаимозависимого возникновения*, о которой медитируют двумя способами: в прямом порядке, осознавая процесс погружения в сансару, и в обратном порядке ~ осваивая процесс освобождения из сансары. Подробнее см., напр.: Чже Цонкапа. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения. СПб.: "Нартанг", 1995. Т. 2. С.75-89.

сти, за исключением растущего страстного желания всего народа увести меня прочь до того, как китайцы начнут бойню и погром.

Это была единственная здравая мысль, на которую я полагался, принимая решение. Если бы я решил остаться, я еще ухудшил бы беды народа и моих ближайших друзей - и я решил уйти.

Можно упомянуть, что я помолился об указании маршрута для ухода - и получил его - маршрут, на первый взгляд, невероятный, но который волшебным образом оказалось возможным осуществить.

Мы не могли сказать, куда поведет наше путешествие и чем оно закончится. Но все ближайшие ко мне люди хотели отправиться со мной. Четыре министра, которые там присутствовали, мои учителя, чиновники, телохранители и, конечно же, ближайшие члены мрей семьи. Мать моя прибыла в Норбулинку, как только волнения начались, и принесла с собой моего младшего брата, - того, который переродился после того, как умер в двухлетнем возрасте. Моя старшая сестра, которая вышла замуж за *кусрунг депона*, начальника моей личной охраны, тоже была здесь. Двое моих братьев были в Америке, один в Индии, а младшая сестра училась в школе в Дарджилинге.

Таким образом, получалась довольно большая команда, и нам требовалась помощь еще большего числа людей. Однако мы должны были хранить свой план в секрете не только от китайцев, но и от толпы, шумевшей снаружи. Все подозревали, что в толпе могли быть китайские шпионы. Кроме того, если бы толпа узнала, что я ухожу, тысячи из них последовали бы за мной, чтобы защищать меня. Китайцы их, несомненно, увидели бы, и тогда побоище началось бы сразу.

Я и мои министры посовещались с народными вожаками, и те сразу поняли, что это следует сделать, не

раскрывая тайны массам, которые их выбрали. Они предложили максимум своего сотрудничества. Я написал им письмо и оставил его в Норбулинке с инструкциями, которые должны были быть им переданы на следующий день. В письме я еще раз просил их не открывать огня, если они не будут атакованы, и пообещал, что передам более подробные распоряжения, как только буду вне непосредственной опасности.

Не было времени взять с собой что-либо важное или ценное. Мы должны были оказаться подальше от Лхасы до рассвета. Министры взяли мою печать, печать Кашага и несколько бумаг, которые оказались в Норбулинке. Большая часть государственного архива и бумаг Кашага была в Потале, поэтому их пришлось оставить. Это же относилось и к нашим личным вещам. Все, что я мог взять с собой, - это одна или две смены монашеских одежд. Мы не могли сходить в казну за деньгами, или в Поталу, чтобы захватить что-то из бесценного собрания драгоценных камней и сокровищ, которые я унаследовал.

Уходить мы решили небольшими группами. Первая проблема была в том, чтобы пересечь реку. Норбулинка и китайский лагерь оба были на северном берегу. Но какой-то шанс ускользнуть был только в том случае, если бы мы перебрались на южный берег. С нами был эконо́м одного из монастырей. Его послали за реку позаботиться о лошадях и эскорте на другом берегу. Дордже Дадул, командующий вторым батальоном тибетской армии, вышел примерно с сотней солдат для того, чтобы защитить место к юго-востоку от Норбулинки, где река сужалась и ее было сравнительно легко пересечь. На этом этапе весь план едва не рухнул. Наши люди прошли всего лишь полмили, когда увидели китайский патруль, очевидно направляющийся в то же место. Они тут же подняли винтовки и выстрелили пять раз. Это было

моментальным решением, которое спасло ситуацию. Китайцы поняли, что у реки находятся вооруженные *кхампа*, но в темноте не могли оценить силу и размер тибетской группы. Поэтому они ретировались в безопасное место своего лагеря, который был совсем близко.

Когда все было готово, я отправился в часовню Махакалы. Я всегда приходил в этот маленький храм попрощаться, когда отправлялся в длительное путешествие. Монахи все еще сидели там, продолжая непрерывно читать молитвы, и не знали, что должно произойти. Но я положил на алтарь *кхата*, белый шарф, - как символ прощания. Я знал, что они удивились этому. Но также я знал, что они никак не выкажут свое удивление.

Когда я вышел из храма, я встретил своего старшего церемонимейстера и главного настоятеля, а также *кусрунг депона*. Церемонимейстер и настоятель уже были одеты в обычные одежды мирян. Они уже несколько дней носили их, когда куда-то выходили, но я еще не видел их в этой одежде. Мы договорились встретиться у ворот внутренней стены в десять часов и сверили часы. Затем я зашел еще в несколько храмов и благословил их, а затем - в свои собственные комнаты.

Там я ждал в одиночестве. Когда я дождался условленного времени, я узнал, что моя мать, сестра и младший брат уже уходят. Мы договорились, что они пойдут первыми. Им было легче, чем кому-либо из нас выйти из дворца, поскольку они жили за пределами его внутренней желтой стены. Моя мать и сестра были одеты как мужчины *кхампа*. Я должен был идти вслед за ними, а министры Кашага, мои учителя и несколько других составляли третью и последнюю партию. Для меня была подготовлена одежда солдата и меховая шапка, и около половины десятого я снял свое обычное монашеское одеяние и переоделся. Затем в этом непривычном платье я зашел последний

раз в свою молитвенную комнату. Я сел на свой трон и открыл книгу со Словом Будды - Аштасахасрика Праджияпарамиту, которая лежала на столике, и стал читать про себя, пока не дошел до слов "...так должны все великодушные бодхисаттвы удостоверяться в запредельной мудрости. Вот так и ты наберись мужества..." Тогда я закрыл книгу, благословил комнату и выключил свет.

Когда я выходил, мой ум был пуст от каких-либо эмоций. Я слышал свои собственные гулкие шаги и тиканье часов. У внутренней двери дома меня ждал солдат, и другой - у внешних дверей. Я взял винтовку у одного из них и повесил ее на плечо, чтобы завершить спую маскировку. Солдаты пошли за мной, и я прошел через темную зелень, которая хранила так много счастливейших воспоминаний моей жизни.

У ворот сада и ворот внутренней стены *кусрунг депон* приказал телохранителям рассредоточиться. Он встретил меня у первых ворот, а моих двух сопровождающих - у вторых. Когда мы проходили мимо библиотеки священных текстов около храма Махакалы, мы обнажили головы в почтении и прощании. Парк мы пересекли вместе по направлению к воротам во внешней стене. Настоятель и церемонимейстер, а также начальник личной охраны шли впереди, а я и два солдата - за ними. Я снял очки, полагая, что без них меня вряд ли узнают. Ворота были закрыты. Церемонимейстер вышел вперед и сказал охраняющим, что он собирается проверить охрану. Они отдали ему честь и открыли массивный замок.

Только однажды в моей жизни, когда меня привезли В Ятунг девять лет назад, я покидал ворота Норбулинки без церемониальной процессии. Когда мы дошли до этих ворот, я смутно видел в темноте группы людей, которые смотрели на них, но никто из них не заметил скромного солдата, и я прошел вперед по темной дороге.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

БЕГСТВО

По пути к реке мы прошли через большую толпу людей, и мой церемонимейстер остановился поговорить с руководителями. Некоторые из них были предупреждены, что этой ночью я уйду, но, в общем, конечно, толпа об этом не знала. Пока они говорили, я стоял и ждал, пытаясь выглядеть как солдат. Было не так уж темно, но без очков я не мог ничего разглядеть и не знаю, смотрели ли люди на меня с любопытством или нет. Я был рад, когда эта беседа завершилась.

Мы дошли до берега реки у места переправы и стали спускаться по белым пескам, на которых темнели кусты. Настоятель был крупным мужчиной, он нес громадный меч, причем я был уверен, что он при необходимости готов использовать его. По крайней мере, у каждого куста он принимал угрожающую позу, но ни в одном из кустов врагов не обнаружилось.

Мы переплыли через реку на рыбацких лодках и на другом берегу встретили мою семью. Мои министры и учителя, которые выбирались из Норбулинки замаскированными в кузове грузовика, также нас там настигли. Около тридцати бойцов *кхампа* ожидали нас вместе с тремя своими вожаками Кунга Самтенем, Тенба Таргье и одним очень храбрым парнем лет двадцати по имени Ванчуг Церинг. Там же был и юноша по имени Лобзан Ешей. Он был одним из мальчиков, которых забрали в

школу в Пекине, но, поскольку он все пять лет сопротивлялся китайскому воспитанию, его отправили обратно. Он погиб в бою двумя днями позже.

Мы обменялись шарфами с этими вожаками, и они организовали все, как только могли в этих обстоятельствах. Настоятель монастыря приготовил для нас пони, хотя и не сумел добыть хороших седел. После торопливых приветствий пониженными голосами мы забрались в седла и, не медля, отправились. Первые несколько миль, вероятно, были наиболее опасны. Дороги там не было, только узкая каменная тропа, которая вилась по холму над рекой. С правой стороны мы могли видеть огни китайского лагеря. Мы были в пределах досягаемости, и неизвестно было, какие патрули они расставили по берегам реки под нами. Еще ближе к нашему маршруту был остров, куда китайцы постоянно ездили на грузовиках даже по ночам за камнем из каменоломни. Если бы кто-то из них появился, нас бы осветили фары. Но грузовик был едва виден, когда мы проезжали мимо.

Цокот копыт по камням казался очень громким. Мы беспокоились, что патрули могут его услышать, но нам надо было спешить. Однажды я потерял тропу и вынужден был повернуть своего пони назад. Затем мы увидели позади мигающие факелы, и какое-то время казалось, что китайцы идут по нашему следу. Но это были тибетские солдаты, пытавшиеся указать путь отставшим в нашей партии, кто потерял правильную дорогу, - чтобы они нас догнали. Наконец, мы все успешно прошли это опасное место и встретились вновь на берегу реки через три мили. Ниже этого места река становилась столь мелкой, что грузовики могли бы через нее переехать, и, если бы китайцы были подняты по тревоге, они могли бы проехать по другому берегу и отрезать

нас здесь. Поэтому один из офицеров и несколько солдат были оставлены здесь в качестве арьергарда. Мы же проскакали вперед, в тихую пустынную местность, подальше от города.

Долгое время мы вообще не видели никаких признаков жизни, но около трех часов утра послышался лай собаки, и впереди показался дом. Я послал церемониймейстера вперед - узнать, где мы находимся и кто хозяин дома. Он узнал, что место это называется Намгьял-ганг, а владелец - простой человек. Двое солдат эскорта уже прибыли заранее предупредить его об очень важном госте. К этому времени я уже устал и немного отдохнул там. Это был первый из немногих скромных тибетских домов, владельцы которых предложили мне убежище без каких-либо мыслей о риске. Некоторые из них понимали, некоторые не знали, кем я был. Далее Ванчуг Церинг, великолепный двадцатилетний лидер *кхампа*, оставил нас, чтобы возглавить 400 своих бойцов и прикрыть нас от возможной атаки со стороны реки. Он уже дал детальные указания двум или трем сотням других *кхампа*, которые должны были защищать нас далее по маршруту.

Когда я оставлял Норбулинку, и на протяжении этой первой опасной части нашего путешествия я и не думал о том, чтобы отправиться прямо в Индию, я все еще надеялся обосноваться где-то в Тибете. Во всяком случае, направиться в Индию по любому из обычных маршрутов, которые вели на юго-запад из Лхасы, было совершенно невозможно, поскольку они тщательно охранялись китайцами. Вместо этого мы направились на юг и юго-восток из Лхасы. В этом направлении была обширная площадь, занятая горами, без дорог, куда китайская армия с большим трудом могла бы продвинуться с какими-то силами.

Эта почти непроходимая область была одной из главных твердынь *кхампа* и других тибетцев, которые присоединились к ним в партизанской борьбе. Из глубины этих гор несколько дорог через главный хребет Гималаев вели к Бутану и, таким образом, к Индии. Они использовались на протяжении столетий тибетскими и бутанскими торговцами, поэтому, если случилось бы наихудшее, у нас всегда оставался путь к отступлению. Но, чтобы достичь это безопасное убежище в горах, мы должны были пересечь широкую Брахмапутру, именуемую в Тибете Цангпо, а для того, чтобы достичь реки, нам нужно было перейти через высокий горный перевал Чхе-ла.

Сохранялась опасность, что, если китайцы откроют, что я исчез, они выставят патрули вдоль Цангпо, поэтому нужно было двигаться вперед, чтобы пересечь ее как можно быстрее. Мы достигли подножия Чхе-ла около восьми утра и остановились там попить чаю. Солнце только поднималось над пиками и золотило долину за нашей спиной, но мы все еще оставались в тени гор, когда начали свое долгое восхождение на крутой перевал. Дорога была трудной и утомительной, и мы вышли высоко за линию снегов. Некоторые из пони и мулов начали садиться. Но мы были воодушевлены стариком по имени Таши Норбу, который присоединился к нам, когда мы взбирались на перевал, и подарил мне грациозную совершенно белую лошадь. Я с благодарностью принял этот подарок. И вся наша партия стала счастливее, поскольку тибетцы считают такого рода дар за очень благое предзнаменование.

"Чхе-ла" означает "песчаный проход", и за вершиной мы обнаружили крутые склоны песка, по которым могли сбегать, заставляя наших пони идти по нашим следам. Но все же пересечение перевала заняло у нас три или четыре часа. Когда мы наконец спустились до уров-

ня долины Цангпо, разразилась сильная песчаная буря, которая почти ослепила нас. Но нас утешала мысль, что, если китайцы патрулировали долину, то и они были ослеплены. У начала перевала мы не нашли никаких следов человеческого жилья, но мы знали, что около десяти миль к востоку вниз по реке была переправа.

Это было единственное место для пересечения реки, поэтому нам нужно было постараться прийти к ней первыми. Но все прошло хорошо. На другом берегу реки у перевала расположена маленькая деревенька, называемая Кьшонг, что означает "Счастливая долина". Когда лодка нашего перевозчика достигла другого берега, мы увидели большую толпу, которая собралась, чтобы встретить нас. Подойдя к ней, мы увидели солдат *кхампа* и деревенских ополченцев с белыми и желтыми знаками на рукавах. Это были отличительные знаки добровольческой армии, присоединившейся к *кхампа*.

Когда мы причалили, мы увидели, что они глубоко подавлены тем, что услышали о событиях в Лхасе, и я увидел, что многие из них плачут. Кьшонг был первой деревней, которую мы прошли на нашем пути, и, возможно, этот факт и имя этой деревни повергли меня в еще большую печаль, когда мы поскакали дальше. Там, думал я, остались тибетцы, которые жили в своей Счастливой долине столетие за столетием, в совершенном мире и гармонии. А теперь мрачный страх захватил их и угрожает всему, чем они жили.

Однако дух их оставался высоким, и мужество неколебимым. Я знал, что, попрошу я их об этом или нет, они будут защищать меня ценой своих жизней. Имея за своей спиной реку и этих отважных людей, мы чувствовали себя на какое-то время в безопасности. Доскакав до монастыря, именуемого Рамэ, мы решили остановиться там на ночь.

Мы достигли его около половины пятого и до этого ехали верхом почти восемнадцать часов с самыми короткими остановками. Теперь уже ни мы, ни наши пони не могли двигаться дальше. Пока мы отдыхали, мы беспокоились все больше и больше о той части нашей партии, которая оставалась позади. Но к девяти часам вечера последние из них уже подошли.

Мои министры в этот вечер написали два письма. Одно Нгабо, а другое Самдуб Пходрангу, двум министрам, которые оставались в Лхасе, призывая их сделать все, что в их силах, для того, чтобы помочь Тибету, и повторяя, что у нас не было сомнений, что все они разделяли наши надежды на свободу нашей родины.

К этому времени наш караван возрос человек до ста, и нас сопровождали около 350 тибетских солдат и 50 партизан. Из Рамэ был послан отряд около 100 человек на юго-запад, чтобы защитить нас в том случае, если китайцы продвинулись в направлении главной дороги, ведущей в Индию. Остальные вместе с нами двигались верхом на протяжении следующих пяти дней в глубь гор по узким каменистым тропам, типичным для старого Тибета. Днем мы делились на несколько групп, а каждую ночь останавливались в деревне или монастыре. Иногда около нас не было партизан. Они приходили и уходили, сообщаясь с другими отрядами, которые жили в горах, и мы знали, что окружены отважными и надежными людьми, которых мы никогда не видели. Никто из них не знал, кого они защищают.

Первую ночь после остановки в Рамэ мы заночевали в большой деревне Допху Чойкхор, где партизаны продолжают отчаянную борьбу с китайскими захватчиками и по сей день. Вся деревня вышла встречать нас, но большинство из них не узнали меня в незнакомых одеждах, которые были на мне. Не узнали меня и монахи

соседнего монастыря.

За время этого пятидневного марша наши планы определились, и мы решили остановиться на денек в месте, которое называлось Чхенье, для более подробного их обсуждения и для того, чтобы послать инструкции чиновникам в Лхасе, а также *кхампа* и другим партизанам.

Наш план состоял в том, чтобы дойти до места, которое называлось Лхунцзе Дзонг, это недалеко от границы. Там находилась одна из самых больших крепостей в округе и было хорошее сообщение с остальной частью Южного Тибета. Там, мы подумали, я могу остановиться и попытаться возобновить мирные переговоры с китайцами. Мы надеялись, что, пока я остаюсь в Тибете, китайцы могут усмотреть некоторые преимущества в том, чтобы оставаться в рамках переговоров, и, может быть, это удержит их от артобстрела Лхасы.

Чхенье мы достигли благополучно, а на день или два раньше я взял в нашу группу своего младшего брата, полагая, что мать и сестра смогут путешествовать без него быстрее. Так и получилось. Вскоре они оказались на целый переход впереди нас всех с небольшой охраной из *кхампа*, и мы не видели их большую часть нашего дальнейшего путешествия. Когда я убедился, что они в сравнительной безопасности, одной из тяжестей на моей душе стало меньше.

У нас с собой был батарейный радиоприемник, и мы слушали все новости, на которые могли настроиться, в надежде узнать что-то о происходящем в Лхасе. Мне кажется, именно в Чхенье мы услышали первое упоминание о Лхасе. Это был "Голос Америки", но в передаче сообщалось лишь о беспорядках в городе и указывалось, что мое местонахождение неизвестно.

Мы остановились в небольшом монастыре Чхенье, но все советовали нам сделать еще один переход к другому

монастырю, именуемому Чонге Риудечен, поскольку **это** был более крупный населенный пункт и нам легче было бы там встретиться со всеми партизанскими командирами. Поэтому мы отправились еще в один восьмичасовой переход. Но прежде, чем мы его закончили, наши планы опять были поставлены под сомнение, поскольку до нас стали доходить вести о том, что же, в действительности, произошло в Лхасе.

Вскоре после того, как мы оставили Чхенье, мы увидели группу приближающихся к нам всадников. Когда **они** подсккали, мы узнали среди них *цепона* Намселинга, одного из чиновников, которого семь месяцев назад Кашаг послал убедить *кхампа* прекратить вооруженное сопротивление и который присоединился к партизанам и не вернулся в Лхасу. Мы остановились, и я имел с ним длительную беседу. Он дал мне подробную информацию о расположении китайских войск и о столкновениях, которые *кхампа* уже имели с ними. Но самое сокрушительное известие, которое он принес, состояло в том, что Лхаса уже подверглась артобстрелу. Он слышал это не сам, но вскоре мы получили письмо от моего личного секретаря Кенчунг Тары, которого я последний раз видел в Лхасе. Письмо, однако, было написано в монастыре Рамэ.

Он не покидал Лхасу до тех пор, пока не начался артобстрел, во время которого он был ранен осколком, когда находился еще в Норбулинке. По его рассказу, а также со слов других свидетелей, в ближайшие дни мы смогли воссоздать всю историю того кровопролития, которое я так пытался предотвратить.

Обстрел начался в два часа ночи 20 марта, примерно через 48 часов после того, как я ушел, и до того, как китайцы обнаружили мое исчезновение. Весь этот день **они** обстреливали Норбулинку, а затем обратили свою

артиллерию к городу, Потале, храму и ближайшим монастырям. Никто не знает, сколько жителей Лхасы было убито, но тысячи тел можно было видеть как внутри, так и снаружи Норбулинки. Некоторые из главных зданий Норбулинки были, практически, полностью разрушены и все остальные серьёзно повреждены, за исключением храма Махакалы, который чудесным образом уцелел.

Многие дома в городе были разрушены или сожжены. Золотые крыши главного храма продырявлены, и многие часовни вокруг превращены в руины. Западное крыло Поталы было серьезно повреждено, и часть комнат, которые я использовал, разрушены, так же, как и правительственная школа. В развалины обратились главные ворота, помещение главного штаба и другие дома деревни Шол.

Один из снарядов попал в комнату, где был золотой мавзолей 13-го Далай-ламы. Чакпори, один из тибетских медицинских колледжей, был почти сравнен с землей. В великом монастыре Сера произведены те же бессмысленные разрушения. К концу первого дня, когда Норбулинка превратилась в дымящуюся пустыню развалин, китайцы вошли в нее. Те несколько тибетцев, которые, как Нгабо, находились в китайском лагере, отчаянно беспокоились о моей судьбе. В этот вечер китайцы переходили от трупа к трупу, рассматривая мертвые лица, особенно лица монахов, и ночью в лагерь было доложено, что я исчез.

Почему китайцы сделали это? Они разрушили Норбулинку, полагая, что я еще нахожусь там. Поэтому они, очевидно, более не беспокоились о том, убивать меня или нет. После того, как они обнаружили, что меня там не было, ни живого, ни мертвого, они продолжили обстрел города и монастырей. То есть они вполне

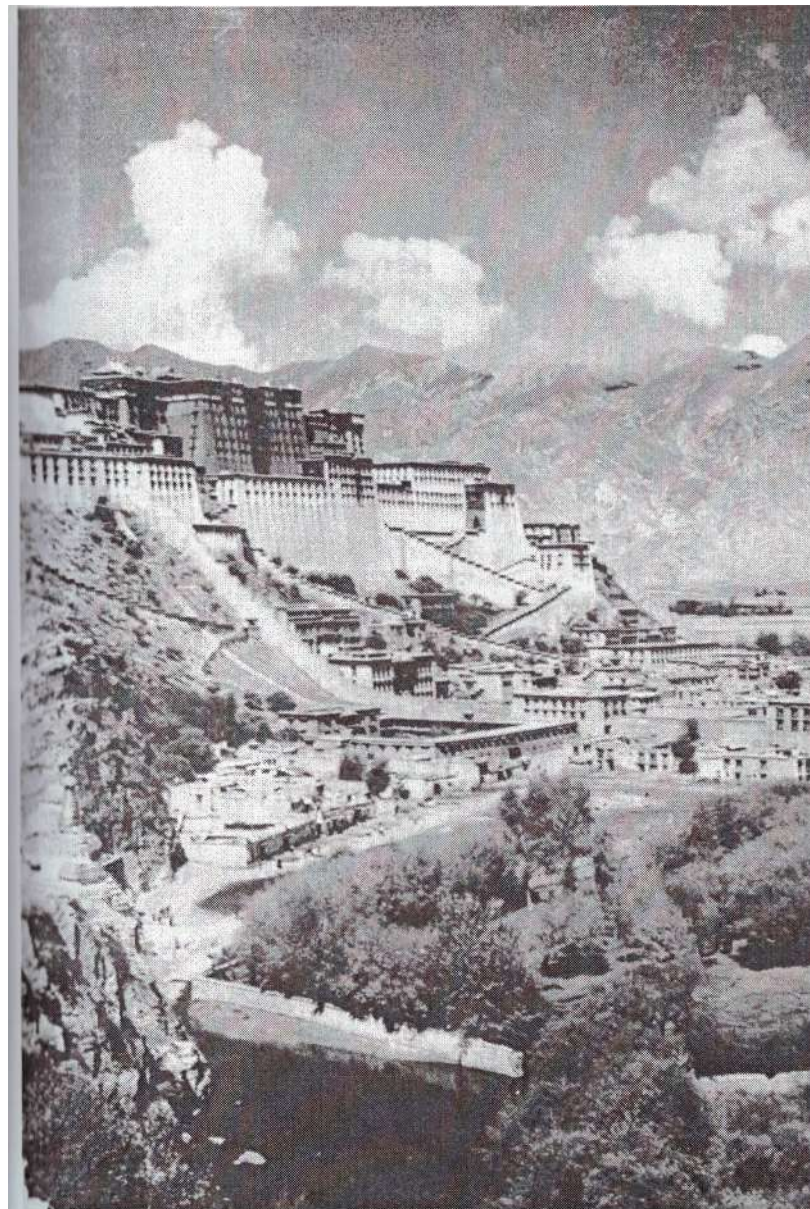

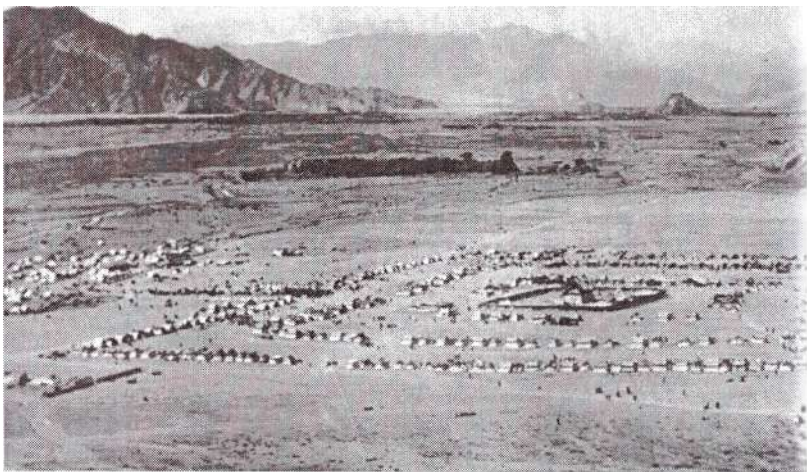
2 Во время неформальной аудиенции. 1942.

3. Монастырь Радэнг, лежащий на пути из Такцера в Лхасу. 1939.

5. Правительство и народ, собравшиеся на торжественную церемонию на равнине близ Лхасы.

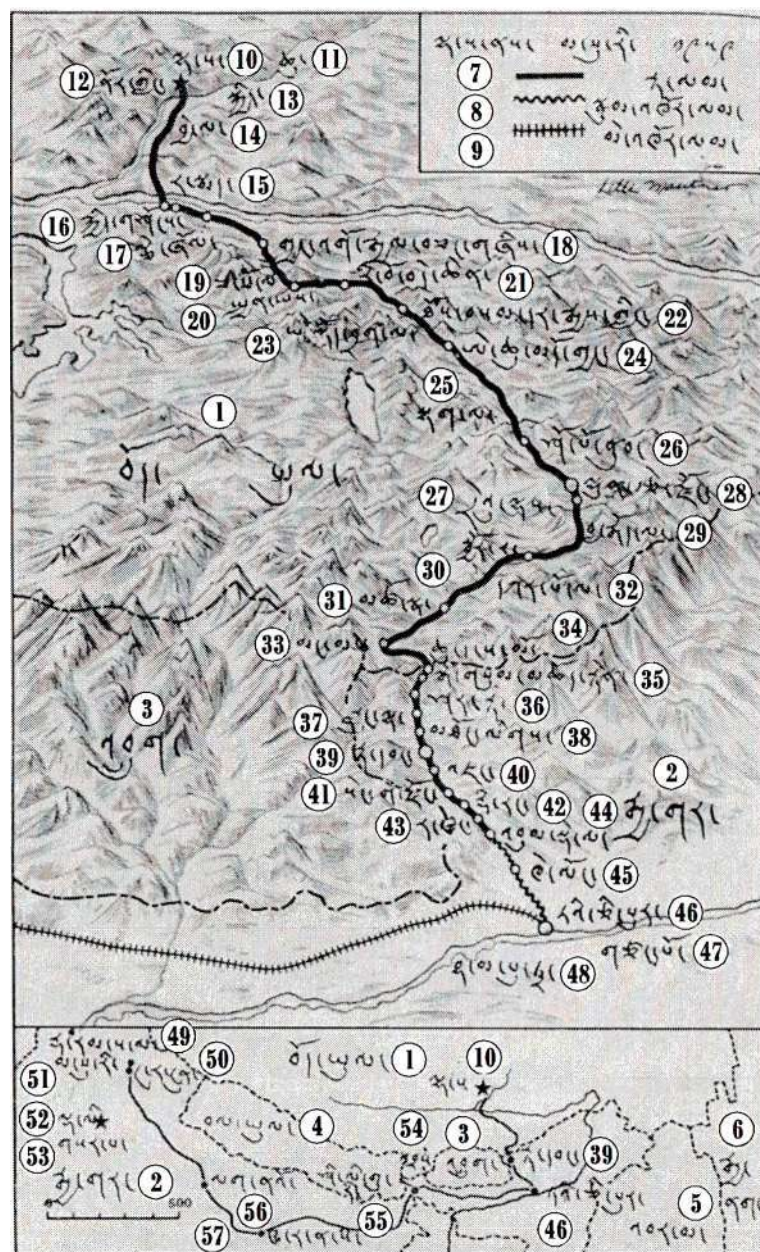
6. Его Святейшество Далай-лама и Панчен-лама во время торжественной встречи на вокзале по прибытии в Пекин. 1954.

7. Во время встречи с Мао Цзе-дуном в Пекине. 1954.

МАРШРУТ ИЗ ЛХАСЫ В МАСУРИ. 1959.

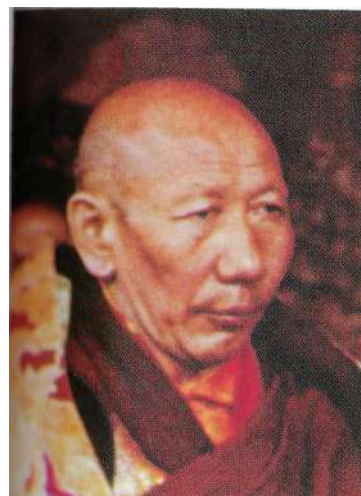

Тибет	30. Чжора
Индия	31. Цона
Бутан	32. Карпо-ла
Непал	33. Манг-Манг
Бирма	34. Чунгэймо
Китай	35. Госум-чортэн
конные тропы	36. Шарнья
автомобильные дороги	37. Нунг-лха
железные дороги	38. Тонлег
Лхаса	39. Таванг
Чу	40. Чжанг
Норлинг	41. Сенге-Чжонг
Кьи	42. Деранг
Чела	43. Равэнг
Рамэ	44. Бумдола
Кьишонг	45. Келонг
Чешол	46. Тэчипур
Гьянго-Гьелсанший	47. Цангпо
Сапола	48. Брахмапутра
Чэнъей	49. Дхарамсала
Риудечен	50. Дарадун
Тойсам-Даргъей-линг	51. Масури
Ято-Дагла	52. Талэ
Очу-Дочжанг	53. Сарпа
Тагла	54. Дэт
Шопонуб	55. Силигури
Деу-Лхэй	56. Лагнао
Лхунцзе Дзонг	57. Варанаси
Чагола	

8. Во время встречи с премьер-министром Индии Джавахарлалом Неру. 1959.

- 9. Линг Ринпоче, старший учитель Его Святейшества.
- 10. Тричжанг Ринпоче, младший учитель Его Святейшества.
- 11. Его Святейшество Далай-лама пересекает границу Индии на спине дзо. 1959.
- 12. По дороге из Лхасы в Индию. 1959.

и

сознательно убили несколько тысяч тибетцев, которые были вооружены только палками и ножами и несколькими орудиями небольшого радиуса действия и которые ничего не могли сделать и как-то защитить себя против артиллерии или как-то физически повредить китайской армии.

Когда мы услышали эти ужасающие новости, мы поняли, что для этих деяний мог быть только один резон. Наш народ - не богатые или правящие классы, - а простые обычные люди - в конце концов, после восьми лет, прошедших с китайского вторжения, убедил китайцев, что никогда по своей воле не примет чужеземное господство. Поэтому теперь китайцы попытались утратить его безжалостным убийством, чтобы это правление он принял против своей воли.

И сейчас, имея возможность спокойно об этом вспоминать, я понимаю, что с этого момента у меня не было иного выбора, кроме оставления страны. Я больше ничего не мог сделать для своего народа. Если бы я оставался, китайцы в конце концов, несомненно, захватили бы меня. Все, что мне оставалось делать, - это идти в Индию и просить индийское правительство о политическом убежище. И посвятить себя тому, чтобы сохранять надежду живой для моего народа. Но эта мысль была настолько для меня тяжелой, что я все еще не мог решиться ее принять. Поэтому мы двигались по направлению к Лхунцзе Дзонгу все еще с надеждой, которая лишь постепенно умирала, с надеждой, что мы сможем разместить там свое правительство.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ В ЭМИГРАЦИИ

Итак, мы двигались, и наше путешествие стало еще печальнее. Я был молод и силен, но некоторые из моих старших компаньонов начали чувствовать последствия долгого путешествия, которое мы предприняли столь поспешно и большая часть которого все еще была впереди. Но до того, как мы оставили Чонге, у меня возник самый благоприятный случай встретиться еще с несколькими лидерами *кхампа* и поговорить с ними искренне.

Несмотря на свои верования, я в большой степени восхищался их мужественностью и решительностью продолжать мрачную битву, которую они начали за нашу свободу, культуру и религию. Я благодарил их за силу и храбрость, а также, уже лично, за ту защиту, которую они мне предоставили. Я попросил их не обижаться на государственные прокламации, в которых их называли "реакционерами и бандитами", и объяснил им в точности, как китайцы диктовали тексты этих деклараций и почему мы вынуждены были издавать их.

В то время я не мог им честно советовать избегать насилия. Для того, чтобы сражаться, они пожертвовали своими домами и всеми удобствами и преимуществами мирной жизни. Теперь они не видели иной альтернативы, кроме продолжения борьбы, и мне нечего было им предложить. Я вынужден был ограничиться тем, чтобы попросить их не использовать насилие более, чем необ-

ходимо для защиты их позиций в горах. И я смог предупредить их, что мы имеем сообщение из Лхасы, что китайцы намереваются атаковать ту часть гор, где были их лагеря. Поэтому, как только они смогут оставить меня, им стоило бы вернуться для того, чтобы защищать свои лагеря.

Множество монахов и светских чиновников также ждали меня там, но мы вынуждены были сократить время, потому что оставалась опасность, что китайцы обойдут нас по другому пути и отрежут от Индии до того, как мы подойдем достаточно близко к границе.

Следующую неделю мы пробирались через самое сердце высоких гор. Каждый день этой недели мы должны были пересечь какой-либо перевал. Снег таял в долинах и на низких перевалах, и путь часто оказывался скользким и грязным, но иногда дорога выводила нас к высотам выше 19 тыс. футов, где все еще были снег и лед. Маршрут этот был создан древними торговыми караванами, и его переходы были трудными и долгими для людей, которые больше привыкли к удобной жизни в Лхасе. Первую ночь после Чонге мы остановились в монастыре, одним из почетных лам которого был мой старший учитель. Следующий день мы должны были пересечь Ярто Таг-ла, особенно высокий и крутой и трудный перевал. Некоторые пони не смогли взобраться по дороге и поэтому я и большинство других членов нашей партии вынуждены были сойти и вести их в поводу.

Но на вершине, к нашему удивлению, мы обнаружили плодородное плато, где паслись яки и было озеро, покрытое тонким льдом, с очень высокими снежными горами на севере. В эту ночь, после 11 часов трудной езды и восхождения, мы, будучи очень усталыми и потертыми нашими седлами, достигли местечка, именуемого Э-Чхудхогьянг. Это место очень хорошо известно

в Тибете и о нем существует пословица: "Лучше родиться животным в месте, где есть трава и вода, чем человеком в Э-Чхудхогьянге".

Это уединенное место с населением всего лишь 400 или 500 человек. Оно всегда охвачено грозами и бурями, и земля его состоит из песка цвета пепла. Поэтому здесь вообще не было земледелия, а также не было никакой травы или дров. Люди были почти голодными, но счастливыми, поскольку они знали, как смотреть бедности в глаза. Они приветствовали нас с расprostертыми объятиями, мы были очень им признательны и с благодарностью разделили их скромные дома. Некоторые из моих компаньонов, которые не смогли поместиться в домах, были рады и укрытию в сарае для скота. К этому времени мы путешествовали уже целую неделю.

Конечно, я понимал, что мои зарубежные друзья очень обеспокоены беспорядками в Лхасе и хотят знать, что случилось со мной. Но никто из нас не имел представления о том, что сведения о нашем побеге были на первых страницах газет по всему миру и что и в далекой Европе и в Америке люди с интересом ожидали, и я надеюсь, что с симпатией, - когда станет известно, спасся ли я. Но если бы мы это и знали, мы ничего не могли сделать, поскольку у нас, конечно, не было никаких средств коммуникации.

Но на этой стадии нашего путешествия мы услышали, как китайцы объявили, что распустили наше правительство, а это было действием, на которое мы уже могли отреагировать. Конечно, у них не было на это никакого права, юридического или иного. В действительности, сделав это заявление, они нарушили то единственное из их обязательств по соглашению из 17 пунктов, которое до сих пор номинально оставалось не нарушенным, обещание не изменять мой статус. Но теперь, ког-

да это заявление было сделано, мы подумали, что сохраняется опасность, что тибетцы в изолированных районах могут счесть, что это было сделано по согласованию со мной. Нам показалось, что наилучшим выходом было бы не просто отрицать это, но создать новое временное правительство, и мы решили так и сделать, как только прибудем в Лхунцзе Дзонг. Он был еще в двух переходах.

Мы оставили Э-Чхудхогьянг в пять утра, чтобы успеть пройти еще один высокий перевал - Таг-ла, который вновь поднял нас, ведущих в поводу своих пони, выше линии вечных снегов. Это был еще один тяжелый день - десять часов скользкой каменной тропы, перед тем как мы добрались до места, именуемого Шопануп. Но там мы с радостью нашли более удобные условия, чем в предыдущую ночь в монастыре.

На следующий день мы достигли Лхунцзе Дзонга. "Дзонг" по-тибетски значит крепость. Лхунцзе Дзонг оказался большим зданием на скале, довольно похожим на Поталу, только поменьше. Официальные лица и старейшины этого населенного пункта вышли, чтобы встретить нас на пути, и когда мы подошли ближе, нас приветствовал монашеский оркестр, играющий религиозную музыку с террасы Дзонга. Более тысячи людей с курениями в руках стояли по обеим сторонам дороги.

Мы вошли в Дзонг совершить церемонию благодарения за наше спасение от опасностей. После этого мы провели религиозный ритуал для освящения основания нового временного правительства. Монахи, чиновники-миряне и деревенские старосты, а также много других людей присоединились к нам на втором этаже Дзонга, неся священные книги и соответствующие символы.

Я получил от монахов традиционные эмблемы власти, а присутствовавшие ламы, включая моих учителей,

прочитали молитвы возведения на трон. Когда религиозная церемония завершилась, мы спустились на этаж ниже, где собрались мои министры и местные руководители. Этому собранию была зачитана декларация об основании нового временного правительства, и я формально подписал копии этого воззвания для того, чтобы они были посланы в различные места по всему Тибету. Церемонии закончились исполнением танца Дрошей, это танец для благословения будущего.

Мы провели три часа в этих приятных церемониях и совершенно забыли нынешние тревоги и трагедии. Мы ощущали, что делали что-то позитивное для будущего Тибета. Отсюда мы также послали письмо Панчен-ламе и подношение его монастырю Ташилунпо. Согласно обычаю, я должен был послать эти подношения во время моего последнего экзамена, происшедшего месяцем раньше, но тогда я не имел возможности это сделать.

Однако до нас все еще доходили рассказы о передвижениях китайцев, которые выглядели так, как будто они готовятся нас атаковать. Поэтому мы переехали из Дзонга, где мы были на виду, в монастырь, находившийся в некотором отдалении. Там мы провели митинг. К этому времени все мы осознали неприятную истину, состоящую в том, что, где бы мы в горах ни остановились, китайцы могут нас изловить и что мое присутствие в этом месте может вести только к новым боям и к новым смертям храбрецов, которые будут пытаться меня защитить.

Поэтому в конце концов мы приняли решение послать предварительно официальных лиц на границу с посланием, в котором будет содержаться просьба к индийскому правительству о политическом убежище. Мы не хотели пересекать границу до того, как получим такое разрешение. Мы поручили им пройти на индийскую

территорию и найти ближайших индийских официальных лиц, которые могли бы принять это послание и переслать его в Дели. После этого им следовало дожидаться ответа и принести его назад к границе.

Эта группа оставила нас в полночь, чтобы скакать к границе со всей возможной скоростью. По прямой до точки, где мы могли пересечь границу, было около 60 миль, а поскольку дорога кружила, то, вероятно, дистанция удваивалась. Мы последовали за ними в пять часов утра.

Чем более мы приближались к границе, тем труднее становилось наше путешествие. В течение нескольких дней мы были захвачены необычной чередой снежных бурь, были поражены снежной слепотой и попали под проливные дожди. В этот день дорога разделялась, и нам нужно было выбрать один из трех возможных маршрутов к следующему пункту, а именно - к деревне Джхора. Я выбрал маршрут, который включал еще один высокий перевал, Лаго-ла.

На его вершине мы попали в буран, было очень холодно. Наши руки замерзли, брови заиндевели. Мой младший брат особенно страдал, а те, у кого за время путешествия выросли усы, обнаружили, что они превратились в ледышки. Но, поскольку у нас не было запасных одежд, единственным способом сохранить тепло было идти. Поэтому мы вновь повели своих пони в поводу. На протяжении всего путешествия мы старались сохранить силу наших пони, насколько могли, не только потому, что тибетцы всегда так делали, но и в особенности потому, что им пришлось идти так далеко, а корма было так мало. Это была одна из причин того, что наше путешествие заняло так много времени и наши друзья в других странах долго должны были гадать, где мы находимся.

Около 11 часов утра мы прошли перевал и остановились отдохнуть. У нас было немного хлеба, горячей воды и сгущенного молока. Все казалось очень вкусным.

Три моих министра и два учителя отправились другим путем, несколько более долгим, но через более низкий перевал. А часть солдат была послана по третьему маршруту. Тем не менее, почти все, за исключением двух учителей, сумели достичь Джхора почти одновременно, в три часа пополудни. Учителя прибыли немножко позднее.

Здесь мы наконец догнали мою мать и сестру. Они выбрали другой маршрут значительно раньше и двигались так быстро, что смогли провести пару дней в деревенском поместье, которое было даровано моей семье в честь моего возведения на трон. Население Джхора нас тепло приветствовало, а на следующее утро, в 4 часа, мы двинулись дальше - теперь уже длинной вереницей из двух или трех сотен человек, включая солдат и *кхампа*.

Какое-то время дорога вела по дну долины, а затем снова начала карабкаться по склону Карпо-ла. Погода была прекрасной, небо ясное и снега вокруг было больше, чем мы когда-либо видели. Лицо нам обдувал сильный ветер. Очень немногие из нас имели очки для защиты глаз от сверкания снега. Остальные для того, чтобы избежать снежной слепоты, должны были закрывать глаза кусками цветной ткани или же прядями длинных волос, которые носили многие тибетцы.

У самой вершины перевала мы слышали звук, который в таком отдаленном и уединенном месте был неожиданным, не соответствовал обстановке и встревожил нас. Это был самолет. Неожиданно появился двухмоторный самолет, который летел по нашему маршруту. Он вызвал самые неприятные подозрения. А мы были ясно видны. Сотни людей и лошадей на блестящем сне-

гу. Все слезли с лошадей и рассыпались. Большинство путников спрятались за камнями. Солдаты достали свои винтовки и были готовы открыть огонь, если что-то произойдет. Я стоял на темном островке, где снег стаял. Самолет пролетел прямо над нами, но не изменил курса и исчез так быстро, что мы не успели разглядеть его опознавательные знаки.

Впоследствии у нас были долгие споры по поводу этого самолета, как обычно и случается после возникновения неожиданной опасности, которая благополучно проходит. Мы сочли, что он должен быть китайским, поскольку никакое другое государство не послало бы самолет над этой территорией, и подумали, что он, должно быть, ищет нас, поскольку даже у китайцев вряд ли в этих местах могла быть какая-то иная цель.

Самолет не подал знака, что мы были замечены, и все же мы не могли поверить, что нас не увидели. Мы остались с довольно нелегким чувством, что китайцы теперь точно знают, где мы находимся и куда идем. Но все, что мы могли сделать, это разделить на более мелкие партии, что было бы безопаснее в случае, если еще прилетят самолеты и, возможно, атакуют нас. Это было подтверждением того, что я должен был уйти в эмиграцию, ибо любое место в Тибете, где я мог бы остановиться, легко могло бы подвергнуться бомбардировке или осаде.

Около полудня мы остановились для отдыха и еды, и почти сразу, как только мы уселись, разразилась песчаная буря. Выдерживая ее натиск, мы двинулись дальше и вскоре попали на широкую равнину, где лежал толстый слой снега. Там вновь ярко засветило солнце, и тем, у кого не было очков, пришлось нелегко из-за снежного блеска.

Еще два дня этого довольно трудного путешествия привели нас к последнему тибетскому поселению. Оно

называлось Ман-манг. Там мы обнаружили одного из чиновников, которых послали вперед, с доброй вестью, что индийское правительство готово предоставить нам политическое убежище и что он даже видел приготовления, которые делаются для того, чтобы принять нас в Чутангмо, первом поселении, где находятся индийские официальные лица.

Этой ночью в Ман-манге мы чувствовали себя в безопасности. Большую часть времени до этого момента мы спали совершенно одетыми, сняв только верхнюю одежду. Но Ман-манг находится в углу Тибета, и есть только одна дорога, ведущая к нему, которая надежно охранялась, поскольку мы оставили несколько сотен *кхампа* и солдат в последней точке, где боковые дороги сливались с нашим маршрутом. Теперь, если только они не начали бы бомбить нас с воздуха, китайцы не могли захватить нас врасплох.

Но тут на нас ополчилась погода. Впервые мы спали в палатках, и начался сильный дождь. Моя палатка начала протекать. Я проснулся около трех часов утра и попытался передвинуть постель в более сухое место. Но это не решило проблемы, и поэтому остаток ночи мне пришлось сидеть. Большинство остальных в других палатках столкнулись с этой же проблемой.

Наутро я чувствовал себя совершенно больным. Мы не пытались двигаться дальше. Я слишком плохо себя чувствовал для того, чтобы ехать верхом, а днем мне стало еще хуже. Мои спутники перевели меня в небольшой домик, но он был очень грязен и черен от дыма. Всю следующую ночь животные на первом этаже дома мычали, а петухи кукарекали под крышей, поэтому мне опять удалось поспать очень мало, и на следующее утро я едва был способен двигаться. Пребывая в этом меланхолическом состоянии, я по нашему приемнику услы-

шал сообщение из Индии, что я упал с лошади и серьезно ранен. Если не считать мысли, что это сообщение, вероятно, огорчит моих друзей, оно меня довольно развеселило. По крайней мере, этой беды до сих пор мне удавалось избежать.

Если бы даже я чувствовал себя лучше, нам, вероятно, пришлось бы весь день пробыть в Ман-манге, потому что я должен был решить, кто отправится со мной в Индию, а кто останется. В целом было решено, что религиозные и политические деятели отправятся со мной, а военные в основном останутся.

Первые еще до того, как мы оставили Лхасу, решились следовать за мной, куда бы я ни направился. Но последние шли только для того, чтобы меня защитить, и большинство из них хотело бы вернуться в Тибет для того, чтобы продолжать борьбу. На второе утро я был все еще слишком слаб для того, чтобы скакать. Однако мы подумали, что необходимо двигаться для того, чтобы освободить арьергард из *кхампа* и солдат. Поэтому мои помощники помогли мне забраться в широкое седло дзо - это смесь яка и коровы, - покладистого животного с легким нравом. На этом примитивном тибетском транспорте я и покинул мою страну. При пересечении границы ничего особенного не произошло, местность была одинаково дикой и ненаселенной и с той и с другой стороны. Я увидел границу сквозь дымку болезни, усталости и несчастья, состояния более горестного, чем я могу описать.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Однако никто не смог бы остаться совсем унылым, встретившись с той симпатией, которую мне выразили уже в первых деревнях и городах Индии. Нам все еще нужно было путешествовать целую неделю и одолеть несколько горных перевалов, чтобы достичь шоссе или железной дороги.

Но на пути я с радостью встретился с одним чиновником, которого знал еще по первому посещению Индии. Затем меня встретили специальный офицер связи и переводчик, которые были со мной во время моего прошлого визита, после чего мне была доставлена очень сердечная телеграмма от господина Неру:

"Мои коллеги и я приветствуем Вас и посылаем наши поздравления по случаю Вашего благополучного прибытия в Индию. Мы будем счастливы предоставить необходимые средства и удобства для Вас, Вашей семьи и свиты, необходимые для пребывания в Индии. Народ Индии, который Вас так почитает, без сомнения, сохранит традиционное уважение к Вашей личности. Добро пожаловать".

Когда мы добрались до железной дороги в Тезпуре, я был удивлен и даже поражен, когда обнаружил тысячи телеграмм с добрыми пожеланиями и около ста журналистов и фотографов, представлявших газеты всего мира, которые прибыли в это отдаленное место, чтобы

встретить меня и услышать то, что они называли "историей года". Я был очень тронут, обнаружив такой большой интерес к моей судьбе, но в тот момент я просто не мог говорить с ними без напряжения. Мой ум не был готов для этого, тем более в такое время, когда всякое слово должно было быть тщательно обдумано, чтобы не нанести вред моему народу в Тибете.

Поэтому я ограничился тем, что распространил заявление, в котором кратко изложил - прямо, но в очень сдержанных выражениях - последние события той истории, которую я рассказывал в этой книге.

В заявлении я выражал искреннюю признательность за доброжелательные послания, которыми меня осыпали, и за гостеприимство индийского правительства. Далее, в нем добавлялось (и это было написано в третьем лице), что Далай-лама желал бы в данный момент выразить свое глубокое сожаление о трагедии, которая охватила Тибет, и что он от всей души надеется, что эти беспорядки вскоре прекратятся без дальнейшего кровопролития.

Двумя днями позже в Пекине было сделано заявление, которое начиналось следующими словами: «Так называемое "Заявление Далай-ламы" является грубой фальшивкой, неаргументированной, полной лжи и петляний». После описания событий глазами китайских Коммунистов и настоящего повторения, что я был Похищен мятежниками из Лхасы, в нем говорилось, что I просто выражаю волю империалистических агрессоров, И предполагалось, что не я сам сделал это заявление.

В эти дни китайцы также яростно ополчились против "империалистов и индийских экспансионистов". Ведь так- легко ранить словами и так легко на поверхности Показать убедительным, если не заботишься об истине. Некоторые резкие ответы были высказаны спикером

индийского парламента. Но я не мог себе позволить вступать в споры, в которых китайцы выражались просто оскорбительно. Относительно искажения истины, которое ими совершалось, я лишь ограничился вторым кратким заявлением для прессы несколькими днями позже, в котором подтверждалось, что я действительно издал первое заявление и не меняю своей позиции.

Опять-таки меня поражало то, как китайцы обвиняют в нашем восстании всякого, кого только можно к этому делу привязать, подобно тому, как раненая собака бросается на каждого. В разные времена они пытались возложить вину за происходящее на воображаемых несуществующих "империалистов", на тибетцев, живущих в Индии, на индийское правительство, на "правлящую клику" Тибета, как теперь обозначали мое правительство. Они не могли позволить себе признать истину, что восстание поднял сам народ, который китайцы, как они утверждали, пытались освободить, и народ самостоятельно поднял это восстание против их "освобождения", и что правящий класс Тибета гораздо больше, чем народ, хотел бы достичь соглашения.

Вскоре после того, как я достиг Тезпура, индийское правительство послало специальный поезд, который доставил нас в Мисор, у подножия Гималаев к северу от Дели, где для меня было подготовлено временное жилище. Это было путешествие, занявшее несколько дней и подарившее незабываемые переживания, поскольку, где бы только поезд ни останавливался, приветствовать нас собирались громадные толпы народа. Я помню гостеприимство индийского народа во время моего предыдущего визита. Но теперь в нем были новые черты - сердечного сочувствия.

Это согрело мое сердце и заставило вспомнить тибетскую пословицу: "Боль существует как мера удо-

вольствия". Понятно было, что они пришли не просто посмотреть на меня, а выразить свои симпатии Тибету.

Тем не менее, я был очень рад, когда мы добрались до Мисора и я смог наконец отдохнуть от целого месяца путешествий и напряжений и спокойно поразмыслить над нашими проблемами.

Я прожил в Мисоре год, до той поры, пока индийское правительство не предложило мне дом, который я мог использовать столько, сколько необходимо, в месте, именуемом Дхарамсала. Это на крайнем северо-западе Индии, где я живу и сейчас.

Вскоре после того, как я достиг Мисора, меня навестил господин Неру, и я был счастлив вновь побеседовать с ним. В июне я сделал еще одно заявление для прессы. До этого времени я публично не делал никаких резких заявлений о китайских коммунистах, поскольку знал, что в Китае так много хорошего, и не хотел допустить мысли, что Китай откажется от разумных переговоров. Но беженцы из Тибета полились рекой, и я был приведен в ужас их рассказами. Меня заставили увидеть, что китайцы вознамерились подавить Тибет простым зверством.

Я вынужден был начать высказываться значительно резче. Я заявил, что, возможно, пекинское правительство не знает точно, что делают его представители. И в действительности я не мог поверить, что Мао Цзэ-дун одобрил все это. Я предложил, что, если бы они предоставили возможность международной комиссии расследовать факты, то я и мое правительство с удовольствием Приняли бы заключение такой комиссии. Мы все еще Надеялись на разумное соглашение и на самом деле даже сейчас продолжаем желать его. Но китайцы никогда не принимали этого предложения. На пресс-конференции я также формально отказался от "Соглашения

из 17 пунктов". Я сделал это по своей собственной инициативе, но когда в Мисоре мне впервые в жизни выдался случай встретиться с экспертами по международным отношениям, они подтвердили, что это было сделано правильно.

До сих пор справедливость нашей позиции казалась мне самоочевидной. Но теперь мне представилось, что, если все остальное не даст результата, мы можем попросить ООН рассмотреть наш вопрос. Я твердо решил не торопиться в этом деле, так как здесь становились важными чисто внутренние проблемы юриспруденции. Я знал, что китайцы заявят, что Тибет всегда был частью Китая, несмотря на 38 лет полной свободы, и, если они смогут обосновать это свое притязание, они также смогут заявить, что их вторжение в Тибет было чисто внутренним делом, в которое ООН не сможет вмешаться.

Но во время моего пребывания в Мисоре Международная комиссия юристов изучила договоры, подписанные в начале столетия, и, как я уже объяснял, пришла к выводу, что мы были полностью суверенным государством, фактически и юридически независимым от Китая. Согласно этому заключению комиссия продолжила рассмотрение "Соглашения из 17 пунктов". Поскольку мы этот документ подписали, мы отказались от своего суверенитета. Можно было спорить, что наши представители, подписавшие его, находились под угрозой физической расправы и дальнейших военных действий против Тибета, но нам могли выдвинуть встречный аргумент, что подписание договора под давлением не всегда делает договор недействительным. Например, договоры, подписанные при окончании войн, все проигравшие подписывают под давлением.

Но, если договор нарушается одной из сторон, то он по закону может быть расторгнут другой стороной, и

тогда более не имеет юридической силы. Китайцы, несомненно, преступили "Соглашение из 17 пунктов", и мы были готовы доказать это. Теперь я отказался от "Соглашения", и оно перестало связывать нас руки, поэтому наше требование суверенитета осталось таким же, каким было и до того, как соглашение было подписано.

Была еще одна очевидная трудность, препятствующая представлению нашего вопроса на рассмотрение Организации Объединенных Наций. Ни та, ни другая сторона спора не была членом ООН. Мы не вошли в ООН, поскольку всегда лелеяли свою изоляцию, а китайцы - потому, что Китай был представлен режимом Чан Кай-ши на Тайване. Тем не менее, я начал пытаться привлечь внимание к нашему вопросу некоторых наций - членов ООН.

Международная комиссия юристов не действовала ради меня или Тибета, она не работает на правительства или страны. Это независимая ассоциация судей, адвокатов и ученых юристов, в которую входит около 30 тысяч юристов из 50 стран. Она существует для того, чтобы утвердить господство закона и мобилизовывать мировое юридическое мнение в тех случаях, когда имеет место систематическое нарушение юридических законов. К моему удовольствию, комиссия начала энергичное объективное расследование тибетских событий просто потому, что она ощущала, что это входит в ее обязанности. В этом расследовании комиссия изучила каждое заявление китайцев и тибетцев и послала специально обученных людей для допроса тибетских беженцев. При этом на свет выплыло значительно больше ужасов, чем я когда-либо слышал. Я не думаю, что многие захотят читать о крайних жестокостях, и я не хотел бы писать об этом, но ради справедливости по отношению к моему народу я должен суммировать те вещи, о которых

было известно только частично*. Десятки тысяч тибетцев были убиты и не только в военных действиях, но индивидуально и произвольно. Они были убиты без суда, по подозрению в противодействии коммунизму, или из-за требования денег, или просто из-за их положения, без всякой причины. Но в основном и прежде всего они убивались, поскольку не хотели отказаться от своей религии.

Их не только расстреливали, но избивали до смерти, распинали, сжигали заживо, топили, заживо разрезали на куски, морили голодом, удушали, вешали, варили в кипятке, закапывали заживо, вырезали кишки и обезглавливали.

Эти убийства производились публично. Односельчан, друзей и соседей жертвы принуждали смотреть на это, и те, кто лично это видел, описали происходившее Комиссии. Мужчин и женщин медленно убивали, в то время как их собственные семьи должны были наблюдать за этим, а маленьких детей даже заставляли расстреливать родителей.

Монахов убивали особыми способами. Китайцы заявили, что они ничего не производят и живут на народные деньги. Перед тем как пытаться, их стремились всячески унижить, особенно старых и наиболее уважаемых. Они запрягали их в плуги, скакали на них как на лошадях, избивая кнутом, и использовали и другие способы, слишком жестокие, чтобы писать о них здесь. И в то время, когда их так медленно убивали, они дразнили их религией, предлагая совершить чудеса, чтобы спасти себя от боли и смерти.

* Полный набор материалов, принятых комиссией, а также анализ этих материалов и выводы опубликованы в ее докладах "The Question of Tibet and the Rule of Law" и "Tibet and the Chinese People's Republic". International Commission of Jurists. Geneva, 1959-1960.

Помимо этих публичных убийств, большое число тибетцев было брошено в тюрьмы или схвачено и увезено в неизвестном направлении. Многие умерли от бесчеловечного обращения и тягот насильственного труда, многие в горе и отчаянии совершили самоубийство.

В то время как мужчины вынуждены были уйти в горы к партизанам, женщин и детей, оставшихся в их деревнях, убивали пулеметным огнем. Многие сотни детей, от пятнадцатилетних и до грудных младенцев, забирались от родителей и их больше никогда не видели. Родителей же, которые протестовали, бросали в тюрьмы или расстреливали. Китайцы либо объявляли, что родителям лучше работать без детей, либо, что детей посылают в Китай, чтобы дать им подходящее образование.

Многие тибетские мужчины и женщины думают, что китайцы их стерилизовали. Независимо друг от друга они описывали болезненную операцию, о которой расспрашивали их работники Международной комиссии юристов. Комиссия не сочла их свидетельства окончательными, поскольку эта операция не соответствовала ни одному из известных в Индии методов стерилизации. Но, с другой стороны, не было найдено и какое-либо другое объяснение этому. А после того, как доклад комиссии был завершен, появились новые данные, убедившие меня в том, что китайцы стерилизовали всех мужчин и женщин в нескольких деревнях.

Помимо этих преступлений против людей, китайцы разрушили сотни наших монастырей, либо физически, ибо убивая монахов и посылая их в трудовые лагеря, ли заставляя их под страхом смерти нарушать обеты безбрачия. После этого опустевшие монастырские здания и храмы использовались как армейские казармы и конюшни. Собрав все эти свидетельства, Международ-

ная комиссия сочла, что китайцы виновны в "наихудшем преступлении, в котором может быть обвинен человек или нация", то есть в геноциде - "намерении целиком или частично уничтожить национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую".

Они полагают, что китайцы стремятся уничтожить буддистов Тибета. Ретроспективно я думаю, что можно понять причины, которые толкнули китайцев на это преступление. Поначалу было три причины, по которым они стремились в Тибет.

Во-первых, наша территория велика, и на ней было только семь или восемь миллионов тибетцев, а китайцев более 600 миллионов, и их население увеличивается на много миллионов каждый год. Они часто страдают от голода и хотели захватить Тибет как дополнительное жизненное пространство. В действительности они уже поселили множество китайских крестьян в Тибете, и я не сомневаюсь, что они ожидают времени, когда тибетцы превратятся в незначительное меньшинство. При этом тибетским крестьянам создаются условия худшие, чем условия для крестьян победившей расы. В письменных источниках по истории Тибета никогда не упоминалось о голоде. Но сейчас голод уже начался.

Во-вторых, наша страна, конечно же, богата природными ископаемыми. Мы никогда не занимались их исследованием, поскольку у нас не было стремления к мирским достижениям. Китайцы утверждают, что в Тибете происходит колоссальное развитие. Я сказал бы, что это их утверждение справедливо, однако это развитие не для пользы Тибета, а исключительно для обогащения Китая.

В-третьих, Китай стремится доминировать в Азии, если не во всем мире, как многие из китайцев откровенно и говорят, и завоевание Тибета - первый шаг в этом

направлении. Я, разумеется, совсем не военный эксперт, но здравый смысл подсказывает, что никакая другая страна в Азии не имеет такого стратегического значения, как Тибет. Его горы могут превратиться в твердыни, практически неуязвимые для современного оружия. Оттуда же могут быть начаты агрессии против Индии, Бирмы, Пакистана, стран Юго-Восточной Азии, которые могут иметь целью установить господство над этими странами, разрушить их религию, как разрушается наша, и далее распространить доктрину атеизма. Говорят, что китайцы уже построили 18 аэродромов в Тибете и сеть военных дорог по всей стране. Поскольку они прекрасно знают, что Индия не намеревается на них нападать, единственно возможное объяснение этих приготовлений - создание базы для дальнейшего продвижения.

Я полагаю, что все эти идеи более или менее ясно осознавались китайцами, когда они захватили Тибет 10 Лет назад*. Тогда они думали, что могут завоевать Тибет, имея в запасе лишь претензию на юридическое оправдание и угрозу применения силы. Но упоминавшиеся три цели, особенно последняя, заставили их продолжить агрессию даже после того, как они поняли, сколько жизней, материальных затрат и морального урона им будет это стоить.

Перед угрозой полного уничтожения моего народа и всего, ради чего он жил, я посвящаю себя единственному способу действий, который мне остался в эмиграции: напомнить миру через ООН, а теперь и через эту книгу о том, что произошло и продолжает твориться в Тибете, ваботиться о тибетцах, которым удалось вместе со мной вырваться на свободу, и составлять планы на будущее.

* Эта книга была написана в 1960 году и впервые опубликована в 1962. - *Прим. пер.*

После того, как я оставил страну, около 60 тысяч тибетцев последовали за мной в эмиграцию, несмотря на трудности, которые ожидали их при пересечении Гималаев, и опасность попасть в руки китайской охраны. Они были из разных классов, представители всего нашего народа. Среди них есть ламы, пользующиеся в нашей стране всеобщей известностью, ученые эрудиты, около пяти тысяч монахов, некоторые правительственные чиновники, купцы и солдаты и громадное большинство простых крестьян, кочевников и ремесленников.

Многие из них ускользнули маршрутами, гораздо более трудными и опасными, чем мой. Некоторые ухитрились провести свои семьи. Дети иных умерли от трудностей при пересечении гор. Но большое число мужчин среди беженцев разлучились со своими семьями во время борьбы и переживают теперь дополнительное горе, зная, что их жены и дети оставлены китайцам.

Эти беженцы разбросаны сейчас по общинам, находящимся в Индии, Бутане, Сиккиме и Непале. Некоторые известные граждане Индии разных политических ориентаций создали Центральный комитет помощи тибетским беженцам. Они работают совместно с правительством Индии для того, чтобы помочь тибетцам Добровольческие благотворительные организации или многих других стран помогли нам деньгами, пищей, одеждой или медикаментами. Правительства Британии, Америки, Австралии, Новой Зеландии послали дары, чтобы помочь нам дать образование нашим детям. Л правительство Южного Вьетнама подарило нам рис.

Мы действительно благодарны за всю эту доброту, она была бесценной в то время, когда нам нужно было начинать все сначала. Но, конечно же, мы не собираемся жить на подаяние более, чем это необходимо. Мы хотим встать на свои собственные ноги как можно быст

рее. Для этой цели правительство Индии помогло найти работу большинству наших здоровых мужчин. В настоящее время многие из них, включая большое число монахов, работают на строительстве дорог. Но для горных людей это очень нездоровая работа, проходящая на жарких равнинах Индии, и мы старательно пытаемся, опираясь на симпатии правительства Индии, переместить наших беженцев в районы, где климат не очень бы отличался от нашего собственного. Для этого мы смогли организовать центры обучения ремеслам в Дарджилинге и Дельхаузи, которые находятся у подножия Гималаев, и теперь около 600 человек обучаются там полезным профессиям. Около 4 тысяч уже живут в сельских общинах Мисора и Ассама, подыскиваются и другие подходящие места. Оставшиеся из старших постепенно находят крестьянскую работу, на лесоповале и в молочной промышленности. Мы стараемся обучить побольше молодых людей в возрасте от 16 до 25 лет техническим профессиям, чего нам так не доставало в старину.

О детях у меня особая забота, поскольку здесь больше пяти тысяч тех, кому нет 16. Детям еще труднее, чем взрослым, оказаться вырванными из родной почвы и помещенными в совершенно иную среду. Многие дети умерли в первые же дни просто от перемены еды и климата. Нам нужно предпринять нечто решительное для сохранения их здоровья, а также для их образования. Это вопрос большой важности. Мы знаем, что наших детей в Тибете забирают от родителей и воспитывают как китайских коммунистов, а не как тибетских буддистов. Я уже рассказывал, как тибетские дети отказывались принять китайскую веру, но было бы странным думать, что дети, забранные из дома в младенчестве, не вырастут коммунистами (если китайский коммунизм продержится до тех пор). Поэтому в будущем поколе-

нии тибетские дети, выросшие в Индии, могут стать очень важными людьми - ядром той мирной религиозной жизни, которую мы хотели бы сохранить и вернуть.

Пока что нам удалось устроить школы у подножия гор примерно для тысячи детей, и мы готовим достаточно школ для остальных. Все родители беженцев очень хотят послать своих детей в эти школы, где они могут вырасти здоровыми и настоящими тибетцами. Там их учат тибетскому языку, основам религии и истории Тибета в качестве главных предметов. А также их обучают английскому, хинди, математике, географии, всемирной истории и естествознанию.

Дети дошкольного возраста - это другая проблема. Они больше всех пострадали от климата Индии и инфекций, которых в Тибете почти не бывало. Их родители прекрасно понимали, что не могут о них как следует позаботиться. Поэтому я предоставил всем им моё личное покровительство. Я решил устроить детский сад и поручил это дело моей старшей сестре. Тогда правительство Индии одолжило нам для этой цели два пустовавших бунгало вблизи моего нынешнего дома в Дхарамсале.

Результат оказался поразительным. Почти раньше того, как мы узнали, где будем располагаться, нам уже привезли 800 хрупких детишек. Моя сестра и добровольные помощники вынуждены были выискивать насущнейшие предметы жизни для этой громадной семьи. Мы и сейчас не можем предоставить этим детишкам ни малейшей роскоши, но уверены, что их любят и содержат здоровыми и счастливыми, насколько счастливыми могут быть дети беженцев. Правительство Индии выделяет средства на их содержание, а также разными способами помогают отдельные люди и благотворительные организации. Постепенно мы смогли послать наших

старших детей в школы, и теперь в Дхарамсале у нас осталось около 300 дошкольников, все младше семи лет.

Именно для такого рода деятельности, а также для поддержания маленького правительственного ядра и использовался золотой песок и серебряные слитки, которые я разместил в Сиккиме в 1950 году. Мы продали их за наличные, и этого оказалось почти достаточно для всей той работы, которую я и мое правительство хотели и должны были сделать для наших беженцев и будущего Тибета.

Для меня и для всех беженцев продолжение исповедания нашей религии остается таким же важным, как и наша борьба за выживание в этом незнакомом мире. Мы соблюдаем свои церемонии точно так же, как делали в Тибете, за исключением того, конечно, что не можем придать им древнюю яркость и роскошь. Но, с другой стороны, в старину они были слишком уж украшены, и, может быть, неплохо исполнять их более аскетично.

Я продолжаю свои религиозные штудии помимо того, что учу английский и читаю как можно больше для того, чтобы войти в лучшее соприкосновение с современным миром. Я повторил паломничество по священным местам Индии, которое было прервано политическими событиями во время моего предыдущего визита, а также смог посетить некоторые из священных мест христиан, индуистов и джайнов и обсудить некоторые вещи с представителями этих религий. Я был рад обнаружить, как много у нас общего. Во время моих паломничеств в Бодх-Гаю и Бенарес я принял обеты у 162 тибетских монахов - обеты *бхикшу*, то есть полноправных членов Монашеского ордена. Впервые я выполнял церемонию Монашеского посвящения и подумал, насколько удачлив и был, имея возможность совершить эту церемонию именно в тех местах, где учил Будда, в то время когда •го Учение уничтожалось в Тибете.

В эти дни, благодаря помощи многих друзей, жизнь тех, кто вместе со мной ускользнул из Тибета, становится терпимой. Но, конечно же, громадное большинство тибетцев вовремя не сумели уйти, и теперь это стало невозможным.

За Гималаями Тибет напоминает гигантский концлагерь. Единственное, что я могу сделать для тибетцев, - это позаботиться о том, чтобы о них не забыли. Тибет далеко, у других стран есть свои собственные страхи и беды. Мы хорошо понимаем, что может возникнуть тенденция дать событиям в Тибете кануть в Лету. Однако Тибет находится на этой же планете, тибетцы - люди, по-своему цивилизованные, и, конечно, они ощущают страдания, как и все другие. Я бы сказал, что, вероятно, после второй мировой войны ни один народ не пострадал более. Но страдания Тибета не закончились, они продолжают каждый день и будут продолжаться до тех пор, пока китайцы не оставят нашу страну или пока тибетцы не прекратят свое существование как раса или религиозное сообщество.

Поэтому я постоянно напоминаю миру о нашей судьбе и стремлюсь представить наш вопрос на рассмотрение в ООН.

Ни я, ни мои тибетские советники не знали, как справиться с этой задачей, и поначалу правительство Индии пыталось убедить меня не делать этого, но я отправился в Дели и обсудил это с правительствами и послами нескольких других стран. Двое из членов ООН, Ирландия и Малайя, выдвинули наше прошение. Оно было обсуждено на подготовительном комитете перед 14-й сессией Генеральной Ассамблеи в 1959 году. Было проведено голосование о том, должна ли Генеральная Ассамблея рассматривать вопрос о Тибете. 11 членов проголосовали за, пять против и четверо воздержались. Но советская делегация выдвинула возражение по проце-

дурному вопросу собрания, и Чехословакия потребовала нового голосования. В этот раз 12 были за, ни одного против и шесть воздержались.

Таким образом, этот вопрос был поднят Генеральной Ассамблеей и в конце концов была принята следующая резолюция:

"Генеральная Ассамблея, основываясь на принципах о правах человека, зафиксированных в Уставе ООН и во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей 10 декабря 1948 года, полагая, что основные человеческие права и свободы, на которые народ Тибета имеет право претендовать наряду со всеми другими, включают право на гражданские и религиозные свободы для всех, без каких-либо ограничений, зная о выдающемся культурном и религиозном наследии народа Тибета и об автономии, которой он традиционно пользовался, будучи чрезвычайно озабоченной сообщениями, включая официальные заявления Его Святейшества Далай-ламы, о насильственном лишении народа Тибета основных прав и свобод, сожалея о влиянии этих событий на нарастание международного напряжения и ухудшение отношений между народами в то время, когда честные и ответственные лидеры делают всё возможное для уменьшения этого напряжения и улучшения международных отношений, -

1) подтверждает своё убеждение, что уважение принципов Устава ООН и Всеобщей декларации прав человека остаётся существенным для мира во всём мире, основанном на господстве законности;

2) призывает к уважению основных прав тибетского народа на свою самостоятельную культурную и религиозную жизнь."

834-е пленарное заседание. 21 октября 1959 года.

45 голосов было подано за эту резолюцию, 9 против и 26 воздержались.

Я надеялся, что китайцы заботятся о международном мнении, но эта резолюция не произвела на них никакого заметного влияния. Тем не менее, всегда правильно протестовать против несправедливости, независимо от того, будет ли она благодаря этому восстановлена, или нет. И мы были воодушевлены тем, что такое большинство представителей наций поддержали нашу жалобу.

Было только жаль, что наш вопрос рассматривался в контексте холодной войны. Может быть, это и неизбежно в настоящем состоянии мира, но в действительности так быть не должно. Вторжение в Тибет по сути своей не было коммунистическим действием. Прежние китайские правительства тоже завоевывали нас или пытались завоевать. Гоминьдановское правительство совершило неудачную попытку в 30-х. Тот факт, что Китай повернулся к коммунизму, лишь сделало вторжение более эффективным, более беспощадным и более отвратительным тибетскому народу.

Но в ООН также придавали значение и тому, что остальные коммунистические державы чувствовали себя обязанными голосовать в пользу Китая, хотя я не могу поверить, что они одобряли его действия.

Поддержка этой резолюции дала мне громадное удовлетворение, но я чувствовал, что не должен на этом останавливаться. Когда эта резолюция уже была принята, вышел: второй доклад Международной комиссии юристов, и члены Генеральной Ассамблеи не были осве-

домлены еще о полном масштабе китайских жестокостей или выводах Комиссии о том, что в Тибете совершается геноцид. Поэтому в 1960 году с очень ценной помощью Афро-Азиатского совета этот предмет вновь был вынесен в порядок обсуждения Генеральной Ассамблеи. В этот раз с помощью Тайланда и Малайи, в то время как Ирландия их поддерживала. Сан-Сальвадор также желал выступить в качестве поддерживающего. Но перед этой сессией произошли события в Африке, и рассмотрение тибетского вопроса откладывалось со дня на день, И Ассамблея была распущена до того, как нашла время его обсудить.

Я буду продолжать попытки сохранять наш вопрос в повестке дня в ООН, потому что верю, что ООН - единственный источник надежды для маленьких порабожденных наций и значит - для всего мира. Мы не должны допускать, чтобы кто-то за рубежом поверил, что Тибет когда-нибудь смирится с китайским коммунистическим правлением, потому что я знаю, что этого не произойдет.

Конечно же, Тибет никогда уже не станет прежним, но мы и не хотим, чтобы он был прежним. Он никогда больше не будет изолироваться от мира, и я не собираюсь возвращаться к его древней полуфеодальной системе. Я уже упоминал о реформах, которые я начал до того, как китайцы меня остановили, и теперь, в эмиграции, я довел эти реформы до их логического завершения, написав с помощью специалистов по конституционному законодательству новую либеральную и демократическую Конституцию Тибета, основанную на принципах учения Будды и Всеобщей декларации прав человека.

Работа эта еще не закончена. Когда она будет закончена, я смогу представить ее международному комитету экспертов, а затем моему народу, находящемуся в эмиг-

рации, и всем тем в Тибете, с кем я смогу связаться. Затем я надеюсь, что наш народ выберет репрезентативную Ассамблею и примет Конституцию нашей страны, которую мы все хотим видеть свободной.

Мое предложение - парламент сделать однопалатным. Парламент должен представлять полностью весь народ, так же как и отдельные интересы. По новому закону для принятия Конституции будет требоваться простое парламентское большинство, а для введения поправок в Конституцию - большинство в три четверти голосов. Выборы будут происходить на основе всеобщей выборной системы для взрослых, включая монахов.

Это в Тибете не представит трудностей. Население наше небольшое, и народ умный. Хотя в прошлом наш народ и не проявлял интереса к политике, конечно, в последние десять лет он научился формировать свое собственное мнение.

С незапамятных времен Тибет был унитарным государством, и центральные силы будут еще более потребны в новой ситуации, которую должны понимать и народ и правительство Тибета. Я против того, чтобы вводить какие-либо институты, которые могут прямо или косвенно способствовать конфликтам в народе или могут стремиться проводить сектантские или местные интересы за счет национальных. Напротив, наша главная цель должна состоять в объединении народа.

Мне советуют не назначать спикера парламента, но скорее принять президентскую систему, в которой Кабинет министров (Кашаг) будет назначаться или утверждаться Далай-ламой как главой государства. Поэтому я собираюсь предложить, что Далай-лама должен назначать своих министров и будет иметь право выступать перед парламентом, но не голосовать. Парламент должен обладать правом просить об увольнении министра.

И если Далай-лама не согласен с парламентом по этому вопросу, то решение верховного суда должно стать обязательным для обеих сторон. Верховный суд должен быть назначен с предосторожностями, такими же, как и при назначении Кабинета.

Должна быть предусмотрена возможность подвергнуть самого Далай-ламу лишению полномочий в высших интересах государства с помощью законной юридической процедуры, которая должна быть прописана в Конституции. В период детства Далай-ламы, или в том случае, если Далай-лама не сможет исполнять свои полномочия из-за смерти, болезни или из-за того, что он был лишен этих полномочий, его место занимает регентским советом, состоящим из трех или пяти членов, которые будут назначены двумя третями голосов парламента.

Эта Конституция и связанные с ней проблемы сейчас разработаны более или менее подробно. Но они еще далеки от завершения, и даже тот абрис, который я вам представил, тоже может подвергнуться изменению. Осталось еще много работы, и затем за народом Тибета [останется право принять ее или выразить свое мнение.

Но сам я убежден, что правительство всегда должно опираться на волю и сотрудничество народа. Я готов исполнять все, что будет возложено на меня моим народом, но у меня нет стремления к какой-либо личной власти или богатству. У меня нет никаких сомнений, что с такими установками, руководствуясь нашей религией, Мы могли бы совместно решить все проблемы, с которыми сталкиваемся, и создать новый Тибет, такой же счастливый в современном мире, каким старый Тибет был в изоляции от него.

Все это на будущее. Оглядываясь же на прошлое, я Не сожалею, что следовал политике ненасилия до само-

го конца. С наиболее важной точки зрения, точки зрения нашей религии, это была единственно возможная политика, и я продолжаю верить, что, если бы весь народ был способен следовать ей, как я, ситуация в Тибете была бы, по крайней мере, несколько лучше, чем сейчас.

Наше положение можно было бы сравнить с положением человека, арестованного полицией, хотя он и не совершил никакого преступления. Его инстинкт, может быть, требует бороться, но он не может ускользнуть и беззащитен перед силой полиции, и, в конце концов, ему будет лучше, если он пойдет послушно и будет хранить веру в высшую силу справедливости. Но в Тибете это просто невозможно было сделать. Мой народ просто не мог принять китайцев с их доктринами, и поэтому инстинкт борьбы не мог быть утихомирен.

Несмотря на жестокие преступления, которые китайцы совершили в нашей стране, в своем сердце я не испытываю совершенно никакой ненависти к китайскому народу. Я думаю, что это одно из проклятий и ошибок нынешнего века обвинять нации за преступления отдельных людей. Я знал много китайцев, достойных восхищения. Я подозреваю, что никто в мире не является столь очаровательным и цивилизованным, как наилучшие китайцы. И никто не является более жестоким и злобным, чем худшие китайцы. Жестокости в Тибете совершались китайцами низшего сорта. Солдатами и коммунистическими чиновниками, которые были развращены знанием того, что имеют власть над жизнью и смертью. Большинство китайцев страшно бы устыдились, если бы узнали об этих деяниях, но, конечно, они о них не знают.

Мы не должны пытаться отомстить тем, кто совершил преступления против нас, или ответить на их преступления другими преступлениями. Нам следует ду-

мать, что, согласно закону кармы, они подвергаются опасности принять низкие и жалкие следующие рождения. И что наша обязанность по отношению к ним, как и ко всякому существу, помочь им подняться до нирваны, а не дать им тонуть в еще более низких уровнях перерождений.

Китайский коммунизм существует 12 лет, но наша религия насчитывает уже две с половиной тысячи лет, и у нас есть пророчество Будды, что она будет жить до тех пор, пока не будет обновлена новым, грядущим Буддой.

В эти дни, когда над миром господствует военная сила, все мужчины и женщины могут жить только надеждой. Если они благословлены мирными домами и семьями, они надеются, что им будет дозволено сохранить их и увидеть, как их дети вырастут счастливыми. А если бы они потеряли свои дома, как это произошло с нами, их потребность в надежде и вере стала бы еще больше. Надежда всякого человека, в конце концов, это просто надежда на душевный покой. Моя надежда основывается на мужестве тибетцев и на той любви к истине и справедливости, которая все еще горит в сердце человеческой расы, а вера моя - вера в сострадание Будды.

ОЧЕРК ТИБЕТСКОГО БУДДИЗМА

НЕОБХОДИМОСТЬ РЕЛИГИИ В ЭТОЙ ЖИЗНИ

Первая причина, почему мы прибегаем к религии, состоит в том, что, каким бы ни был материальный прогресс, один он не может обеспечить надлежащего прочного счастья. Кажется даже, что, чем больше мы преуспеваем в материальном отношении, тем больше в нашей жизни постоянного страха и беспокойства. Благодаря успехам в новых областях знания, мы достигли Луны, которую некоторые древние народы считали обителью богов. Возможно, ресурсы Луны и других планет и будут использованы во благо людей, однако не исключено, что в результате таких успехов мы столкнёмся с врагами вне нашего мира. Во всяком случае, такие достижения никогда не смогут принести людям наивысшего и прочного счастья, ибо материальный прогресс всегда пробуждает стремление к дальнейшему материальному развитию, и приносимое им удовлетворение всегда остаётся эфемерным. С другой стороны, когда сознание исполнено радости и удовлетворения, физические лишения переносить легче, а если удовольствие происходит из самого сознания, - оно является подлинным и длящимся. Никакое другое удовольствие не сравнится с удовлетворением, получаемым от религиозной практики. Это самое большое удовольствие - наивысшее по своей природе, и разные религии указывали свои пути к его достижению.

Вторая причина прибегания к религии состоит в том, что она существенно необходима даже для наслаждения материальными удовольствиями. Ведь удовольствие и

страдание не возникают от одних лишь внешних факторов - к тому должны быть и внутренние причины. Без внутреннего отклика никакая внешняя стимуляция не даст ни наслаждения, ни боли.

Внутренние причины эти - следы или отпечатки, оставленные в сознании прежними нашими действиями; как только они сопрягаются с соответствующими внешними факторами, мы вновь испытываем наслаждение или боль. Недисциплинированный ум «накапливает» дурные потенции при совершении дурных деяний, и потом, как только появляются подходящие условия, испытывается страдание, являющееся следствием прежних дурных поступков. Таким образом, дальние причины наших страданий находятся в прошлом.

Все наслаждения и страдания в основе своей проистекают из сознания, а религии помогают овладеть своим сознанием.

НЕОБХОДИМОСТЬ РЕЛИГИИ ДЛЯ БУДУЩЕЙ ЖИЗНИ

Откуда нам знать, есть ли следующие жизни? Согласно буддийскому учению, даже если характер причины и следствия различны, они должны иметь одни и те же сущностные свойства, определённую связь - иначе данная причина не могла бы вести к данному следствию. Например, человеческое тело воспринимаемо, имеет цвет и форму, следовательно его непосредственная причина или источник тоже должны иметь эти качества. Сознание, однако, формы не имеет, следовательно его непосредственный источник, или причина, тоже должен быть без формы. Так, например, семена лекарственных растений имеют лекарственные свойства, а семена ядовитых растений - яд.

Есть сферы бытия, где существа обладают только сознанием, но большинство существ обладают еще и физи-

ческими телами. И у тела, и у сознания есть свои непосредственные причины: например, непосредственной причиной тела служат тела родителей. Но физическое не может произвести сознание, или «психическую материю». Следовательно, непосредственной причиной сознания должно быть сознание, которое существовало до момента зачатия, сродни тому сознанию, каким оно становится впоследствии: сознание должно быть продолжением предшествовавшего сознания. Этот довод, по нашему мнению, свидетельствует о существовании предыдущей жизни.

Об этом же говорит и то, что некоторые взрослые и дети помнят свои предыдущие рождения. И в засвидетельствованных жизнеописаниях прошлых времён, и в наши дни имеются примеры сохранения памяти о предыдущих рождениях.

Исходя из этого, можно заключить, что предыдущие, а следовательно, и последующие жизни существуют. Если же вера в будущие жизни принята, религиозная практика оказывается незаменимой необходимостью для подготовки к следующей жизни.

БУДДИЗМ - ОДНА ИЗ МНОГИХ РЕЛИГИЙ МИРА: ЕЁ УЧИТЕЛЬ

Подобно тому, как в этом мире есть много разных лекарств для лечения разных болезней, так же есть много религиозных систем, служащих средством к достижению счастья всеми существами - людьми и прочими. В разные времена разными учителями и разными способами вводились разные доктрины. Но мне думается, все они, по существу, едины в том, что имеют одну благородную цель, состоящую в нравственном воспитании, формирующем действия тела, речи и ума верующих. Все они учат не лгать, не лжесвидетельствовать и не

злословить, а также не совершать дурных физических деяний, таких как воровство, убийство и так далее.

Поэтому было бы хорошо положить конец религиозным распрям. Согласие религий не недостижимая цель. Это не только возможно, но и чрезвычайно важно в нынешнем состоянии мира. Взаимоуважение было бы полезно всем верующим, и согласие между ними оказало бы положительное влияние и на неверующих - единый поток света указал бы им путь к избавлению от неведения. Я настойчиво подчёркиваю неотложную потребность достижения искреннего согласия между всеми религиями. Для этого приверженцы каждой религии должны кое-что знать и о других религиях, поэтому я и попытаюсь коротко рассказать о тибетском буддизме.

Начать, однако, мне придётся с упоминания о том, как трудно отыскать точные английские слова* для передачи философских тибетских терминов. В настоящее время трудно найти учёных, которые и прекрасно владели бы английским и в совершенстве знали бы философию и религию тибетского буддизма. Не так много есть и достоверных переводов. Книги и переводы, созданные в прошлом, несомненно, сослужили большую службу буддизму, но многие из них являются не более чем приблизительными переводами, передающими лишь поверхностный смысл текстов. Надеюсь, в будущем эта проблема постепенно будет решаться и более глубокие аспекты нашей религии смогут адекватно восприниматься на европейских языках.

Но покамест в этом кратком очерке будет использоваться очень свободный перевод, имеющий целью максимальное упрощение языка. Сам я с уверенностью

* И русские тоже! - *Прим. перев.*

могу писать о таких материях только по-тибетски и в данное время вынужден доверять другим выбор точных английских эквивалентов.

Я упоминал уже в моём повествовании, что мы, буддисты, верим, что все существа перерождаются, и стремимся через ряд воплощений достичь совершенного состояния Будды. Мы не уверены, что это совершенство будет достигнуто за одну жизнь, хотя это и возможно.

Если сравнить по значимости тело и сознание, то сознание мы сочтём более важным, ибо тело и речь находятся у него в подчинении. Скверны не омрачают природу сознания, ибо подлинная природа сознания чиста и ничем не омрачима. Скверны являются периферийными, вторичными факторами сознания, и, постепенно удаляя из периферийного сознания изъяны всех видов, такие, как, например, эти скверны, можно полностью устранить загрязнения и достичь истинного совершенства - состояния Будды.

Мы верим, что в данную кальпу - мировой период - в мир придут тысяча Будд. Все они, прежде чем достичь Пробуждения, были такими же существами, как мы. Ежечасно и ежеминутно они могут творить безграничное благо для существ, посылая бесчисленные проекции своих тел, речи и мысли в миллионы Вселенных, подобных нашей. Каждое из этих высших воплощений будет проповедовать своё учение и постоянно трудиться ради спасения всех существ.

Наш учитель Будда Шакьямуни, или Будда Гаутама, как его ещё называют, - один из этой тысячи Будд. Он родился в царской семье в Индии более 2500 лет назад. Первую часть жизни он жил как царевич, но, когда осознал, что все радости круговорота бытия имеют природу страдания, он отказался от своего царства и начал жизнь аскета. [Будда Шакьямуни в действительности

достиг Пробуждения много веков назад, но], в представлении простых людей, с внешней точки зрения, в его жизни можно выделить двенадцать главных событий: его нисхождение из Чистой Земли Радости (Тушита), его зачатие, рождение, обучение и овладение искусствами, утехи со свитой жен, отречение, аскетизм, медитация под Древом Пробуждения, победа над Марой [воплощением зла], становление Буддой, «поворот колеса Учения» и уход из сансары - круговорота бытия.

Учение Будды Шакьямуни отличается от учений других Будд тем, что оно представляет собой сочетание [методов] сутры и тантры, в то время как в большинстве других учений вообще нет тантры.

После достижения в Бодх-Гае Пробуждения, полного совершенства Будды, он произнес три проповеди или совершил «три поворота колеса Учения» в разных местах индийской области Бихар.

Первая из них, в Варанаси, была посвящена Четырем святым истинам, о которых я ещё расскажу подробнее. Она была предназначена прежде всего последователям хинаяны - *слушателям* - людям духовно одарённым, но несколько ограниченных философских взглядов. Вторая проповедь, в Гридхракуте, была о *пустоте* (санскр.: шуньята) - отсутствии самосущего бытия всех явлений, о чём я тоже буду ещё говорить. Это он сделал в расчете на обучаемых с наивысшими умственными способностями, приверженцев духовной традиции махаяны. Третья проповедь, в Вайшали, была предназначена последователям махаяны несколько менее острого интеллекта.

Более того, Будда не только поведал сутры для хинаянистов и махаянистов (две главные школы буддизма), но также, после достижения уровня Ваджрадхары, он изложил махаянистам много тантр. Тома переводов на

тибетский язык, которые в наше время известны как Кангьюр, - это не что иное, как Слово Будды. Кангьюр делится на сутры и тантры. Уровень Сутры образует три раздела этого «Слова», составленные в соответствии с предметом рассмотрения: раздел дисциплины (виная) посвящен этике (шила); раздел диалогов (сутранта) - медитативному сосредоточению (самадхи) и раздел знания (абхидхарма) - мудрости (праджня). По этому членению весь корпус канона называют на санскрите «три корзины» (Трипитака).

Тантрийский раздел Кангьюра делится на четыре класса тантр. Указанные четыре класса тантр иногда включаются и в раздел сутранты Трипитаки.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ БУДДИЗМА В ТИБЕТЕ

Задолго до прихода из Индии буддизма в Тибете преобладала религия бон, которая пришла из соседней страны Шаншунг. Бонские центры медитации и глубокого образования существовали в Тибете и до последнего времени. Первоначально, мне кажется, религия бон не отличалась особой эффективностью. Однако позднее, когда в Тибете начался расцвет буддизма, бон также получил возможность обогатить свою собственную философию и медитативные ресурсы.

Буддийское учение впервые проникло в Тибет более тысячи лет назад в царствование тибетского царя Лхатотори Ньенцена. Затем оно постепенно обретало силу, многие прославленные индийские ученые посещали Тибет и помогли перевести сутры, тантры вместе с комментариями.

Эти достижения были утрачены в X веке христианской эры во времена правления противника религии Ландармы, но потом, начиная с востока и запада Тибета, вновь началось возрождение и распространение буд-

дизма. Вскоре тибетские и индийские ученые опять занялись переводами религиозных текстов, и знаменитые пандиты снова стали приезжать для этого в Тибет. Затем, поскольку в Тибете стало появляться всё больше собственных прекрасных учёных, число знатоков, приходивших в Тибет из Индии и Непала, стало постепенно уменьшаться.

Таким образом, в период, который можно было бы назвать позднейшим периодом развития тибетского буддизма, наша религия развивалась отдельно от поздних школ индийского буддизма, продолжая, тем не менее, полностью основываться на учении Будды.

Тибетские ламы никогда не изменяли его и не сочетали ни с какой другой религией. Их комментарии всегда чётко обозначены как комментарии, и они подкрепляли свои работы постоянными ссылками на слова самого Будды или индийских буддийских мыслителей.

Исходя из этого, я не думаю, что правильно считать тибетский буддизм отличным от исходного учения Будды, проповедовавшегося в Индии, или называть его «ламаизмом», как делают некоторые. Конечно, в мелких вопросах бывают отличия, обусловленные местными условиями, например климатом или обычаями. Но я считаю, что всякому, кто хочет сегодня досконально изучить всё учение Будды, как сутры, так и тантры, необходимо как следует изучить тибетский язык и тибетские источники.

Как мы видели, буддизм не был перенесён в Тибет в мгновение ока: тексты учения вводились разными учёными в разные времена. В этот период в Индии существовали разные великие буддийские институты, например Наланда и Викрамашила, где передача одной и той же религии и философии несколько отличалась по стилю наставлений. Соответственно из разных групп уче-

ников в Тибете возникли школы разных наименований, разделяющие общую философско-религиозную базу. Наиболее известные из этих тибетских школ - Ньингма (rNying-ma), Кагью (bKa'-rgyud), Сакья (Sa-skya) и Гелуг (dGe-lugs). Все они несут Учение хинаяны и махаяны, включающее мантраяну, так как в тибетском буддизме эти школы не размежёвываются, а, напротив, почитаются равным образом. В нравственных уложениях тибетцы следуют правилам Винаи, по существу таким же, как у хинаянистов, а в более эзотерических практиках разных степеней глубины они опираются на методы махаяны и, в частности, тантры.

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА ДХАРМА

Слово дхарма (по-тибетски - «чой») на санскрите значит «то, что держит». Все объекты этого мира, обладающие определённым своеобразием, - это дхармы. Другое значение слова дхарма - «то, что удерживает, или защищает, от бедствий», и именно в этом смысле Дхарма может означать «религия». Религия понимается здесь как противоположность мирскому. В грубом приближении любое возвышенное действие тела, речи или мысли может рассматриваться как Дхарма, религия, потому что благодаря такому действию человек защищается, или удерживается от всех видов несчастий. Совершение таких действий - это практика Дхармы.

ЧЕТЫРЕ СВЯТЫЕ ИСТИНЫ

Будда говорил: «Вот истинные страдания, вот истинные источники, вот истинные пресечения, вот истинные пути... Страдания следует познать, источники их устранить, пресечение страданий осуществить, пути пройти. Страдания следует познать, хотя [на самом деле] познавать нечего. Источники страданий следует устранить,

хотя устранять нечего. Пресечения страданий следует осуществить, хотя пресекать нечего. Практикуйте пути пресечения, хотя практиковать нечего».

Таковы три воззрения на Четыре святыи истины с точки зрения их сущности, необходимых действий и наивысшего результата. В объяснении их мы будем в основном следовать толкованию системы прасангика-мадхьямика, высшей из буддийских философских школ.

Истинные страдания - это явления, которые происходят от действий (карма) и скверн (клеш), составляя понятие сансара, «круговорот бытия». Истинные источники (причины), производящие истинные страдания, это кармы и клеши. Истинные пресечения - это полное уничтожение страданий и источников. Истинные пути - это методы достижения истинных пресечений.

Так истинные страдания возникают из истинных источников, а истинные пресечения осуществляются посредством прохождения истинных путей. Однако, проповедуя Четыре святыи истины, Будда изменил эту естественную последовательность на противоположную. Ведь сначала человек познает страдания и тогда он исследует их причины; и когда рождается понимание необходимости уничтожить страдания, возникает и желание пресечь их.

САНСАРА И СУЩЕСТВА

Сансара - это весь круговорот бытия; вместе с присущими ему несчастьями он и является истинным страданием. К сансаре относится всё, что не является самодостаточным, всё, что причинно обусловлено и тем самым подвластно кармам и клешам. Несчастье - его сущностная природа, а действие состоит в том, чтобы создавать основу для воспроизводства несчастья и привлечения будущих несчастий.

Круговорот бытия разделяется на три сферы: мир желаний, мир форм и мир без-форм. В мире желаний существа предаются внешним чувственным удовольствиям. Мир форм состоит из двух частей: в низшей существа не увлекаются внешними удовольствиями, но причастны нерушимому наслаждению внутреннего созерцания. В высшей части существа вообще отвратились от услаждающих чувств и испытывают нейтральные чувства. В мире без-форм нет чувственных объектов, нет и пяти органов чувств, позволяющих наслаждаться ими; здесь есть лишь сознание, существующее исключительно в сосредоточении без отвлечений.

Сансару можно также рассматривать по природе существ, которые движутся в круговороте бытия. Их шесть типов.

К *богам* относятся существа в мирах форм и без-форм, и шесть типов богов мира желаний.

Асуры (титаны) во всём подобны богам, но злонамеренны.

Люди и животные нам известны.

Голодные духи (тиб.: йидаг; санскр.: прета) - существа, постоянно мучимые голодом и жаждой.

Мученики адов - есть разные уровни адов, и существа в каждом из них отличаются, в зависимости от их прежних деяний.

ПРИЧИНЫ КРУГОВОРОТА БЫТИЯ

Подлинные причины страданий - это кармы (действия) и клеши (скверны).

Карма определяется как сопряжённость акции и реакции. В высших школах буддийской философии кармы подразделяются на *намерения* (тиб.: семпаи лэ) и *осуществления* (тиб.: сампаи лэ). *Намерения* предшествуют физическим или словесным действиям и пред-

ставляют собой факторы сознания, дающие импульс к действию. *Осуществления* - это физические или словесные действия.

С точки зрения вызываемых ими следствий, действия бывают трех видов:

добродетельные *действия* имеют следствием счастливое перерождение: жизнь в облике людей, титанов и богов;

недобродетельные *действия* имеют следствием перерождение в облике животных, голодных духов, мучеников адов;

действия, дающие неколебимое (санскр.: *ачала карма*), подвигают к высшим мирам, т.е. миру форм и миру без-форм.

Результаты, плоды карм могут быть испытаны в этой жизни, в следующей или в дальнейших перерождениях.

Скверны (санскр.: *клеша*) не являются частью главного сознания, которое, как я уже говорил, внутренне чисто, и определяются как дефекты периферийных, вторичных факторов сознания.

Однако, когда какой-либо из таких дефектных факторов сознания проявляется, основное сознание подпадает под его влияние, и совершается дурное действие.

Существует великое множество различных скверн (*клеш*): страсть, гнев, гордыня, ложные взгляды и т. д. Из них главные - страсть и гнев. Страстью здесь мы называем страстную привязанность к людям или вещам. Страстью может стать привязанность к себе или эгоизм, отчего может возникнуть гордыня как чувство собственного превосходства, а если мы встречаемся с враждебностью к себе, - можно почувствовать ответную ненависть. Точно так же, по неведению или из-за недостатка понимания, можно прийти к противодействию истине.

Отчего с такой огромной силой возникают привязанность и прочие подобные явления? Они возникают в силу безначальной обусловленности сознания всех существ сансары, крепко держащегося за «я» даже во сне.

Эта ложная концепция «я» появляется из-за отсутствия знаний о сущности вещей. То обстоятельство, что все объекты познания *пусты* - то есть не имеют независимого бытия, - неочевидно, и кажется, что вещи самодостаточны и обладают независимой реальностью. Это заблуждение и есть корень всех прочих скверн.

СУЩНОСТЬ НИРВАНЫ

С другой стороны, сансара - это оковы, а нирвана подразумевает свободу от оков - истинное прекращение, третью из Святых истин.

Как объяснялось выше, причины сансары - кармы (действия) и клеши (скверны). Если корни скверн полностью устранены и новые действия, ведущие к перерождениям в сансаре, не совершаются, то, поскольку уже нет скверн, которые могли бы активизировать потенции карм, сохранившиеся из прошлого, тем самым устранены и причины постоянного перерождения страдающего существа. Но это не значит, что такое существо перестанет существовать. Прежде оно всегда имело смертное тело, рождённое силой предыдущих карм и клеш. Но после пресечения перерождений, освобождения из сансары и достижения нирваны, оно сохранит сознание и духовное тело, свободное от скверн. Вот что означает «истинное пресечение страданий».

Термин «нирвана» может относиться просто к уничтожению всех форм страдания или к тому, что именуется Махапаринирвана, великое, непревзойденное Пробуждение, полное и совершенное состояние Будды, свободное как от скверн, так и от завес всеведения.

ХИНАЯНА («МАЛАЯ КОЛЕСНИЦА»)

Достичь как того, так и другого уровня нирваны можно, лишь следуя Пути - истинному Пути четвёртой из Святых истин. Хинаяна и махаяна - две традиции понимания этого Пути. Хинаянисты стремятся в основном к индивидуальному освобождению. Согласно этой школе, необходимо выработать твёрдое желание оставить сансару и исполнять свод этических правил (санскр.: шила), осуществляя одновременно *безмятежность* (санскр.: шаматха) и особое *проникновение* (санскр.: випашьяна). Так они избавляются от скверн и их семян, так что скверны не могут произрасти вновь, и таким образом достигается нирвана.

Путь, которому здесь следуют, делится на пять частей: путь накопления, применения, видения, освоения и не-учения-более.

МАХАЯНА («БОЛЬШАЯ КОЛЕСНИЦА»)

Последователи махаяны стремятся достичь высшей нирваны, состояния Будды, но не ради себя одного, а ради всех остальных существ. Движимые *устремленностью к Пробуждению* (санскр.: бодхичитта) и состраданием, они следуют почти по тем же путям, что и в хинаяне. Однако эти пути дополняются специальными методами, основные из которых - шесть *совершенствований* (санскр.: парамита). Опираясь на них, последователи махаяны стремятся преодолеть не только *завесу* скверн, но и *завесу* на пути к всеведению и достичь состояния Будды.

В махаяне также имеется пять путей: путь накопления, применения, видения, освоения и не-учения-более. Хотя они называются так же, как пути хинаяны, между ними есть качественное отличие. А поскольку у махаянистов другой исходный мотив, и пути несколько иные,

и методы практикуются отличные, то и достигаемые результаты отличаются.

Иногда спрашивают, удовлетворяются ли последователи хинаяны, когда обретают нирвану, или переходят к махаяне? Ответим, что они не сочтут достигнутый уровень конечным, но устремятся к достижению состояния Будды.

МАНТРАЯНА

Пути, которые я перечислял, - общие пути, и по ним следует идти, чтобы создать надёжное основание для вступления в мантраяну - «колесницу мантры», или тантраяну, как её ещё называют. В Тибете к введению тантр относились крайне осторожно. Духовные наставники всегда вначале исследовали, была ли данная доктрина среди доктрин, проповеданных Буддой, и компетентные учёные подвергали её логическому анализу, а также проверяли на опыте прежде, чем подтвердить её подлинность и принять её. Это требовалось по той причине, что существовало много небуддийских тантр, которые можно было принять за буддийские из-за некоторого внешнего сходства.

Мантраяна включает в себя бессчётное число трактатов, распадающихся на четыре класса тантр. В простейшем толковании идея тантры такова:

Как ранее объяснялось, различные страдания, которым мы подвержены, вызываются кармами. Дурные действия (кармы) же проистекают от скверн, а они - из-за недисциплинированности ума. Следовательно, для остановки потока дурных мыслей необходимо дисциплинировать сознание. Этот поток вместе с блужданием мысли и мыслетворчеством ума может быть остановлен посредством концентрации на физической структуре нашего тела и психической структуре сознания.

Сознание можно фокусировать и на внешних объектах созерцания. Для этого требуются хорошие способности к созерцанию, а в качестве наиболее подходящих объектов подбираются образы божеств. Многочисленные изображения божеств в тантре - не произвольные творения, а образы, отображающие методы очищения тела, речи и ума. При этом мирный или гневный облик божества, количество ликов и рук и т. п. отвечают физическим, умственным и чувственным отличиям стремящихся к высшей цели.

Хотя известны примеры, когда прогресс в этом направлении удавалось обрести преимущественно силой веры и преданности, прежде всего все-таки он обретается силой разума. И если двигаться по пути правильно и систематически, разум поможет найти множество оснований, облегчающих обретение искренней веры.

ДВЕ ИСТИНЫ

Во всяком духовном пути заключены метод (санскр.: упая) и мудрость (праджня). Мудрость опирается на высшую истину (парамартха-сатья), а метод - на относительную (самвритти-сатья). Нагарджуной сказано («Праджня-нама-мула-мадхьямакакарика» XXIV.8):

Учения, изложенные Буддами,
основаны всецело на двух истинах:
на истине условной (и мирской)
и абсолютной истине (превысшей).

При достижении конечной цели, состояния Будды, достигаются два вида *тел* Будды. Эти два тела - результат практики *метода* и *мудрости* при прохождении пути. *Метод* и *мудрость*, в свою очередь, опираются на две истины, являющиеся общей основой. Поэтому понимание *двух истин* очень важная тема, хотя и довольно

трудная. Множество расхождений между буддийскими философскими школами вызвано различием в трактовке *двух истин*.

Согласно системе прасангика-мадхьямика, вещи, которые мы воспринимаем, имеют два аспекта - чувственно воспринимаемый и невоспринимаемый. Грубо говоря, относительная истина имеет дело с познанием вещей и понятий в их чувственных аспектах, а высшая истина - в не воспринимаемых чувствами аспектах. Всеобщая относительность (*пустота*) и истинное *пресечение* - это высшая истина, всё остальное - относительно.

ОСНОВЫ ПРАКТИКИ БУДДИЗМА

Истинное практикование буддизма не осуществляется одними внешними действиями - например, жизнью в монастыре или начитыванием священных текстов. Можно даже спорить, являются ли вообще эти виды деятельности сами по себе духовным делом, ибо подлинная религиозная практика происходит в нашем сознании.

Если иметь правильную установку, - все физические и словесные действия становятся духовным делом. Но, если правильной установки нет, если не умеешь правильно думать, - сколько ни медитируй, сколько ни читай священных текстов, да хоть и всю жизнь живи в монастыре, - ничего не достигнешь. Для духовной практики важнее всего именно установки ума, поэтому следует принять высшее Прибежище в *Трёх Драгоценностях* - Будде, Его Учении (Дхарме) и Духовной Общине (Сангхе), учитывать связь между действиями (кармами) и их следствиями, выработать в себе стремление помогать другим.

Искреннее следование религии и отречение от этой жизни приносит огромную радость. В Тибете многие люди отринули этот мир и достигли несказанного ду-

шевного и телесного удовлетворения. Все мирские удовольствия, движимые любовью к себе и требующие стольких усилий, не сравнятся и с крупницей этого счастья. Такие люди, кроме того, чрезвычайно полезны остальным, поскольку, благодаря своему внутреннему состоянию, они способны не только правильно понимать причины человеческих страданий, но и подсказывать способы их исцеления.

И всё же большинству людей трудно осуществить отречение, ведь это требует пожертвовать многим.

Каким же тогда может быть духовное делание, Дхарма, религия большинства людей? Понятно, что аморальные мирские действия должны быть оставлены - они несовместимы ни с какой религией. Однако, несомненно, можно жить в гармонии с духовной практикой, занимаясь достойными мирскими делами - например, исполняя служебные обязанности в администрации, производя что-нибудь полезное или совершая любые шаги к тому, чтобы обеспечить довольство и счастье других. Многие цари и министры Индии и Тибета практиковали Дхарму. Если кто-то действительно стремится к Освобождению, - его можно достичь и в обычной мирской жизни. Но, как говорится:

Хоть и в затворе в горах поселись,
словно как мыши, живущие в норах, -
если духовных усилий не делать, -
карму создашь для рожденья в аду.

А закончу я, пожалуй, старой тибетской историей:

Некогда в Тибете жил знаменитый лама по имени Дром. Однажды Дром увидел человека, совершавшего обход ступы. «Обход ступы - хорошее дело, - сказал Дром. - Но религиозная практика, духовное делание еще лучше».

Человек подумал: «Ну, значит надо читать священные книги». Он с рвением стал возносить чтение книг, но однажды Дром увидел его за чтением и сказал: «Чтение священной книги - хорошее дело, но духовное делание еще лучше».

Человек подумал: «Похоже, и этого недостаточно. Займусь медитацией!»

Застав его за медитацией, Дром сказал: «Медитация - хорошее дело, но было бы гораздо лучше, если бы ты занялся религиозной практикой!»

Человек озадаченно спросил: «Как!? Но что же тогда такое духовное делание?» И Дром ответил: «Отврати ум от этой мирской жизни; обрати свое сознание к Дхарме».

ДОКУМЕНТЫ СВЯЗАННЫЕ С ООН

ОБРАЩЕНИЕ ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА ДАЛАЙ-ЛАМЫ ТИБЕТА К ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Документ А/1549
11 ноября 1950 года, Калимпонг

Внимание всего мира сейчас приковано к Корее, где международные силы сопротивляются агрессии. Сходная ситуация в далеком Тибете остается незамеченной. Исходя из уверенности в том, что агрессия не будет безнаказанной, а свобода беззащитной в любой из частей мира, мы приняли на себя ответственность сообщить через Вас Организации Объединенных Наций о недавних событиях на приграничных территориях Тибета.

Как Вам известно, проблема Тибета в последнее время приняла тревожащие масштабы. И это не собственно тибетская проблема, она шире в том смысле, что речь идет о ничем не сдерживаемом стремлении Китая навязать более слабым нациям, близким к Китаю территориально, свое активное владычество. Тибетцы долгое время вели уединенную жизнь в своих горных твердынях, будучи удалены и отстранены от остального мира, за исключением разве что Его Святейшества Далай-ламы, который, будучи признанным главой Буддийской Церкви, дарует благословение и принимает почтение последователей из многих стран.

В годы, предшествовавшие 1912, между императором Китая и Его Святейшеством Далай-ламой завязались по-настоящему близкие, дружеские отношения. Эта связь возникла, по сути, на основе общей религии, и может быть точно определена в терминах отношений между духовным наставником и его последователями; тут не была замешана политика. Будучи людьми, преданными буддийским принципам, тибетцы долгое время избегали изучения военного искусства, практикуя мир и терпимость и полагаясь на то, что для обороны страны было достаточно ее географического положения и невмешательства самих тибетцев в дела других народов. Бывали периоды, когда Тибет искал, но редко получал защиту китайского императора. Тем не менее, китайцы, испытывая естественную потребность в экспансии, полностью переиначили смысл отношений дружбы и взаимозависимости, существовавших между Китаем и Тибетом как соседями. В их глазах Китай был сюзереном, а Тибет занимал положение вассала. И именно это впервые породило в Тибете оправданные опасения относительно возможности покушения Китая на независимость Тибета.

Поведение китайцев во время их [военной] экспедиции в 1910 году довершило разрыв между двумя странами. В 1911-1912 годах Тибет, руководимый Тринадцатым Далай-ламой, заявил о своей полной независимости, и тогда же Непал сходным образом отказался пребывать в китайском подданстве; и при этом Китайская революция 1911 года, сбросившая с престола последнего императора Маньчжурской династии, оборвала последние связи между Тибетом и Китаем, основанные на личной дружбе и общей вере. И теперь в вопросах собственной безопасности Тибет стал полностью зависеть от собственной изолированности, полагаясь на веру в

мудрость великого Будды и, эпизодически, на поддержку британцев, находившихся в Индии. Без сомнения, при подобных обстоятельствах британцы также могли предъявить права на сюзеренитет над Тибетом. Тибет, не препятствуя периодическому англо-китайскому влиянию, тем не менее, сохранил свое независимое существование, в подтверждение чего можно напомнить, что Тибет всегда был способен поддерживать мир и порядок как внутри страны, так и в отношениях с остальным миром. Тибет по-прежнему видит добрых соседей и друзей в народе Китая, но никогда не согласится с требованиями сюзеренитета, выдвинутыми Китаем в 1914 году.

Именно британцы убедили Тибет подписать договор, который налагал на Тибет номинальный (невмешательский) сюзеренитет Китая и по которому Китай получил разрешение держать постоянное представительство в Лхасе, хотя и со строжайшим запретом вмешательства во внутренние дела Тибета. Даже если пока оставить в стороне этот факт, то даже тот номинальный сюзеренитет Китая, который допустил Тибет, не имеет юридической силы, поскольку договор 1914 года Китаем не был подписан. Тибет поддерживал самостоятельные отношения с другими соседствующими странами, такими как Индия и Непал. Более того, несмотря на дружеские уговоры британцев во время второй мировой войны, он не пошёл на компромисс и не выставил свои войска на стороне Китая. Таким образом он утвердил и сохранял свою полную независимость. Договор 1914 года по-прежнему регулирует взаимоотношения Тибета и Индии, и Китай, не будучи его участником, может рассматриваться как отказавшийся от преимуществ, которые в ином случае он мог приобрести от этого договора. Следовательно, независимость Тибета возвратила юридический статус.

И без того слабые узы, связывавшие Тибет и Китай после революции 1911 года, стали еще менее оправданными, когда в Китае произошла следующая революция и установился полноправный коммунистический режим. При столь различных убеждениях, как те, что укрепились в Китае, в отличие от сохранявшихся в Тибете, между Китаем и Тибетом уже не могло быть ни близости, ни симпатии. Предвидя будущие сложности, тибетское правительство прервало дипломатические отношения с Китаем и в июле 1949 года выслало китайского представителя в Лхасе. С тех пор Тибет не имел даже официальных отношений с китайским правительством и народом. Тибет желал существовать в стороне от всего этого, не заражаясь микробом крайнего материализма, - но Китай был не склонен к тому, чтобы оставить Тибет в мире. С момента возникновения Китайской Народной Республики Китай постоянно изрыгал угрозы «освободить» Тибет и использовал самые хитроумные методы, чтобы подорвать авторитет тибетского правительства. Тибет понимал, что в его положении он не сможет сопротивляться Китаю. Именно поэтому Тибет согласился на переговоры с китайским правительством.

К несчастью, тибетская делегация, направлявшаяся в Китай, не смогла выехать из Индии - не по своей вине, а из-за того, что не оказалось британской визы, требовавшейся для проезда через Гонконг. После благожелательного вмешательства правительства Индии Китайская Народная Республика снисзошла до позволения тибетской делегации предварительно провести переговоры с китайским послом в Индии, который прибыл в Нью-Дели только в сентябре. В то время как в Дели проходили эти переговоры, китайские войска, без предупреждения или какого-либо повода, 7 октября 1950 года перешли реку Дри-чу, всегда бывшую границей

тибетской территории. Они быстро захватили одно за другим стратегически важные пункты, такие как Демар, Камто, Тунга, Цхаме, Римочеготью, Якало и Маркхам. Тибетский пограничный гарнизон в Кхаме, стоявший там отнюдь не ради агрессии, а лишь формально ради защиты, был полностью уничтожен. Войска коммунистов большими силами с пяти сторон подошли к Чамдо, столице Кхама, вскоре павшей. Осталась неизвестной судьба находившегося там министра тибетского правительства.

Мир почти ничего не знает об этом внезапном вторжении. Много позже того как произошло нападение, Китай возвестил, что приказал своим армиям войти в Тибет. Этот акт неоправданной агрессии не только нарушил мир Тибета, но также и выразил полное пренебрежение к торжественным обещаниям, данным Китаем индийскому правительству, и создал положение, угрожающее так долго сохраняемой независимости Тибета. Мы можем заверить Вас, господин Генеральный Секретарь, что Тибет не сдастся без борьбы, хотя существует слишком мало надежд на то, что народ, столь преданный миру, сумеет сопротивляться грубым действиям людей, наученных воевать; но мы знаем, что Организация Объединенных Наций решила пресекать агрессию, где бы она ни имела место.

Вооруженное вторжение в Тибет ради превращения Тибета в часть коммунистического Китая с помощью грубой физической силы есть случай явной агрессии. До тех пор, пока народ Тибета против его воли и согласия вынуждают стать частью Китая, - до тех пор настоящее вторжение в Тибет будет величайшим примером насилия сильного над слабым. Поэтому мы через Вас обращаемся к народам мира с просьбой вступить за нас и остановить китайскую агрессию.

Проблема проста. Китай претендует на Тибет как на часть Китая. Тибетцы же видят, что в расовом, культурном и географическом смысле они слишком далеки от китайцев. Если же Китай находит, что реакция тибетцев на его неестественные претензии неприемлема, то есть много цивилизованных методов, благодаря которым можно выяснить мнение народа Тибета; или, если Китай ищет строго юридических заключений, никто не мешает ему обратиться к международному суду. Завоевание Тибета Китаем лишь расширит область конфликта и увеличит угрозу независимости и стабильности других азиатских стран.

Мы, члены правительства, с одобрения Его Святейшества Далай-ламы, доверяем проблему Тибета во всей ее чрезвычайности Организации Объединенных Наций для окончательного решения, надеясь, что общественное сознание не допустит разрушения нашего государства методами, напоминающими о джунглях.

*Камаг (Кабинет) и Национальная ассамблея
Тибета, Тибетская делегация;
Шакабпа хаус, Калимпонг.*

*Подписано в Лхасе,
в двадцать седьмой день девятого
тибетского месяца года железа-тигра
(7 ноября 1950)*

Нью-Дели
9 сентября 1959 г.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ
ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ,
НЬЮ-ЙОРК

Ваше Превосходительство!

Обращаю Ваше внимание на протокол заседания Генерального Комитета Ассамблеи Организации Объединенных Наций в пятницу, 24 ноября 1950 года, на котором было решено, что рассмотрение протеста Эль-Сальвадора против «вторжения в Тибет иностранных сил» следует отложить с тем, чтобы дать сторонам возможность мирного урегулирования проблемы.

С глубочайшим сожалением сообщаю Вам, что агрессия существенно расширилась, в результате чего уже, практически, весь Тибет оккупирован китайскими вооруженными силами. Я и мое правительство предприняли несколько попыток к мирным и дружественным переговорам, но до сих пор наши обращения полностью игнорируются. При подобных обстоятельствах и учитывая бесчеловечное обращение и преступления против человечности и религии, которым подвергается народ Тибета, я настойчиво прошу о немедленном вмешательстве Организации Объединенных Наций и о рассмотрении Генеральным Комитетом по его собственной инициативе отложенного тибетского вопроса. В связи с этим я и мое правительство хотим подчеркнуть, что в 1950 году, в тот момент, когда китайская армия нарушила территориальную целостность Тибета, Тибет был суверенным государством. В поддержку этого утверждения тибетское правительство сообщает следующее.

Во-первых, китайское правительство не пользовалось никаким правом власти в Тибете или над Тибетом с момента написания в 1912 году Тринадцатой Далай-ламой Декларации Независимости.

Во-вторых, суверенный статус Тибета в течение этого периода находит убедительное подтверждение в том факте, что правительство Тибета заключило пять международных соглашений непосредственно перед этими годами и в течение них.

В-третьих, правительство Тибета заняло твердую позицию на англо-тибетской Конференции 1914 года, которая признала суверенный статус Тибета и предоставила полномочному представителю Тибета такие же права, как и те, что были даны представителям Великобритании и Китая. Верно и то, что конференция наложила некоторые ограничения на внешний суверенитет Тибета, но она не лишила Тибет внутренней свободы. Более того, эти ограничения потеряли силу в связи со сменой власти в Индии.

В-четвертых, не существует имеющих силу и действующих международных соглашений, по которым Тибет или какая-либо другая страна признавали бы сюзеренитет Китая.

В-пятых, независимый статус Тибета очевиден также из того факта, что в течение второй мировой войны Тибет настаивал на сохранении нейтралитета и позволял транспортировать через свою территорию лишь невоенные грузы, идущие из Индии в Китай. Эта позиция была принята правительствами Великобритании и Китая.

В-шестых, суверенный статус был признан и другими державами. В 1948 году, когда торговая делегация тибетского правительства посетила Индию, Францию, Италию, Объединенное Королевство и Соединенные Штаты Америки, - паспорта, выданные тибетским правительством, были признаны правительствами этих стран.

Ваше Превосходительство, я и мое правительство также настойчиво просим о немедленном вмешательстве Организации Объединенных Наций из гуманистических побуждений. Со времени вторжения на территорию Тибета китайские силы совершили следующие преступления против общепринятых законов поведения.

Во-первых, они лишили тысячи тибетцев их собственности и оставили их без каких-либо источников существования, таким образом доводя их до гибели и отчаяния.

Во-вторых, мужчины, женщины и дети были насильно организованы в трудовые бригады и им приходится работать на военных стройках бесплатно или за минимальную плату.

В-третьих, китайцы применяют жестокие и бесчеловечные меры для стерилизации мужчин и женщин с целью полного истребления тибетской народности.

В-четвертых, тысячи невинных тибетцев были жестоко убиты.

В-пятых, было много случаев убийства различных тибетских руководителей без суда и следствия.

В-шестых, было предпринято все для разрушения нашей религии и культуры. Тысячи монастырей были разрушены до основания, священные изображения и предметы культа полностью уничтожены. Жизнь и имущество не защищены ныне, и Лхаса, столица государства, стала мертвым городом. Страдания, которые выносит мой народ, невозможно описать, и крайне необходимо, чтобы это беспричинное и безжалостное уничтожение моего народа было немедленно прекращено. Все эти обстоятельства привели к тому, что я взываю к Вам и к Организации Объединенных Наций с уверенной надеждой, что это обращение будет рассмотрено так, как оно того заслуживает.

Далай-лама

*Сваргашрам,
Дхарамсала,
Восточный Пенджаб, Индия.
2 сентября 1960 г.*

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ДАГ ХАММАРШЕЛЬДУ,
ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ОРГАНИЗАЦИИ
ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ,
НЬЮ-ЙОРК

Ваше Превосходительство!

В прошлом году, когда я официально обращался к Вашему Превосходительству с просьбой о вмешательстве Организации Объединенных Наций ради народа Тибета, Ваше Превосходительство были так добры, что помогли моим представителям бесценным советом и поддержкой. И, тем не менее, я рискну снова обратиться к Вам, во имя народа Тибета, который ныне стонет под невыносимым игом террора и тирании.

Как, без сомнения, известно Вашему Превосходительству, ситуация в Тибете становится жестокой трагедией. Сотни тибетцев прибыли в Индию и Непал, чтобы избежать безжалостного преследования и бесчеловечного обращения. Но есть тысячи других, которые нашли невозможным искать убежища в соседних странах, и потому им грозит скорая смерть и уничтожение. Я крайне остро ощущаю, что необходимо немедленно сделать что-то, чтобы спасти жизни этих невинных мужчин, женщин и детей, и в соответствии с этим я искал помощи и поддержки у правительств многих государств - членов Организации Объединенных Наций. Его Превосходительство премьер-министр Малайской Федера-

ции и правительство Таиланда великодушно откликнулись на мой призыв и заявили о своем намерении поднять тибетский вопрос на следующей сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. В связи с этим я и рискнул снова обратиться к Вашему Превосходительству. Как и в прошлый раз, я верю, что Ваше Превосходительство найдет возможным использовать свой благородный пост и свое влияние, чтобы найти практическое решение трагической проблемы Тибета. Я надеюсь, что Ваше Превосходительство позволит мне выразить мои собственные соображения по этому вопросу. Я совершенно уверен, что единственно возможный и быстрый способ, каким Организация Объединенных Наций может помочь несчастному народу Тибета, - это путь посредничества, либо через *ad hoc* представительство, назначенное для этой цели Генеральной Ассамблеей, либо через личный штат Вашего Превосходительства. Именно так я это вижу и я также высказал эту точку зрения Его Превосходительству Тунку Абдул Рахману и Его Превосходительству маршалу Сарит Танарату. Тем не менее, это лишь предложение, которое я оставляю на рассмотрение Вашего Превосходительства, и я был бы весьма признателен, если бы Ваше Превосходительство нашли возможность одарить меня личным советом.

С заверением в высочайшем почтении и уважении
остаюсь

Далай-лама.

*Сваргаширам,
Дхарамсала,
Восточный Пенджаб, Индия
29 сентября 1960 года*

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ДАГ ХАММАРШЕЛЬДУ.
ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ
ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ,
НЬЮ-ЙОРК.

Ваше Превосходительство!

1. Позвольте выразить мое искреннее уважение Организации Объединенных Наций и лично Вам по поводу огромной работы, которая проводилась и проводится под эгидой ООН в Конго.

2. Позвольте сослаться на мое письмо от 9 сентября 1959 года, отосланного Вам как Note № 2033, а также на мое письмо Вашему Превосходительству от 2 сентября 1960 г.

3. Я счастлив узнать, что тибетский вопрос был внесен в повестку Ассамблеи ООН на этот год по предложению Малайи и Тайланда, которым я глубоко признателен. Я надеюсь, что все миролюбивые страны прислушаются к голосу моего народа и тогда появится луч света в ночи порабощения и гнета, которым он подвержен.

4. Я счастлив заметить, что Его Превосходительство Н. Хрушев в своей речи на Ассамблее 24 сентября 1960 года призвал к освобождению всех колониальных народов. К несчастью, моя страна была низведена до статуса колониальной страны, и я надеюсь, что СССР, вместе с другими странами, также подаст свой могучий голос в поддержку восстановления свободы моей страны.

5. Я утверждаю, что задолго до 1911-12 годов в Тибете не было и признака власти Китая, но не вижу необходимости исследовать исторический аспект этого вопроса для подтверждения этого заявления.

6. Какой бы ни была позиция Тибета до 1911-12 годов, в любом случае, с того дня, когда Тринадцатый Далай-лама провозгласил независимость Тибета, после того, как вторгшиеся китайские войска были выведены из Тибета, - Тибет был свободен не только *de facto*, но и *de jure*.

7. В 1913 году тибетское правительство заключило договор с правительством Монголии. Этот договор был заключён властью Далай-ламы. В этом договоре Тибет и Монголия заявили, что признают друг друга независимыми странами.

8. С целью урегулировать ряд нерешенных вопросов Тибет согласился участвовать в трехстороннем обсуждении, которое состоялось в 1913 году в Симле. В переговорах участвовали британское правительство, китайское правительство и тибетское правительство. Представитель каждого из правительств обладал всеми полномочиями. Это явственно следует из текста Конвенции, которая была подписана каждой из сторон.

9. Этот факт также отмечен в Белой Книге № II, выпущенной правительством Индии (с. 38) и озаглавленной «Заметки, памятные записки и переписка между правительствами Индии и Китая, сентябрь-ноябрь 1959 г.» Далее это подчеркивается в заметке индийского правительства, датированной 12 февраля 1960 г. (сс. 94-95), в Белой Книге № III, изданной правительством Индии.

10. Хотя текст Конвенции был подписан представителем правительства Китая, китайское правительство отказалось от ратификации, и в итоге 3 июля 1914 года были добавлены лишь подписи от имени Далай-ламы

как главы Тибетского государства и от полномочного представителя Британии. В то же время полномочные представители Великобритании и Тибета, ввиду отказа правительства Китая, подписали следующую Декларацию:

11. «Мы, полномочные представители Великобритании и Тибета, настоящим составляем следующую декларацию с тем, что мы признаем прилагаемую Конвенцию как обязательную для правительств Великобритании и Тибета, и мы согласны с тем, что, поскольку правительство Китая отказалось утвердить вышеупомянутую Конвенцию, оно лишается права на те привилегии, которые из нее следуют.

12. В знак этого мы подписываем и скрепляем печатью данную декларацию, два экземпляра на английском языке и два на тибетском.

13. В Симле, в третий день июля 1914 г.; по тибетскому календарю - в десятый день пятого месяца года дерева-тигра.

А. Генри Мак-Махон,
полномочный представитель Британии.

(Печать Британского представителя)

(Печать Далай-Ламы)

(Печать Лончена Шатры) (Подпись Лончена Шатры)

(Печать монастыря Дрепунг)

(Печать монастыря Сера)

(Печать монастыря Гаден)

(Печать Национальной ассамблеи)>>.

14. Китайское правительство, не придерживаясь условий Конвенции, никогда не получало прав на какие-либо преимущества, которые оно могло извлечь из условий Конвенции.

15. В 1926 году Тибет представлен в Комитете по границам, состоявшем из полномочных представителей Ти-

бета, Тери и Великобритании, собравшихся в Ниланге.

16. Между 1912 и 1950 годами не было и видимости китайской власти в Тибете. В Тибете была лишь китайская миссия, прибывшая в 1934 году, чтобы выразить соболезнования по случаю смерти Тринадцатого Далай-ламы. Китайской миссии было позволено пребывать в Тибете на тех же основаниях, что и миссиям Непала и Индии.

17. По многочисленным поводам после 1936 года представителям китайской миссии в Лхасе приходилось ездить в Тибет через Индию. В каждом отдельном случае индийское правительство выдавало или отказывало в транзитной визе после выяснения мнения правительства Тибета.

18. В 1949 году даже эта миссия была выслана из Тибета.

19. Тибет не принимал участия в китайско-японской войне, и даже во время второй мировой войны Тибет настаивал на своем нейтралитете и не позволял транспортировать военные грузы из Индии в Китай через свою территорию.

20. Китай утверждает, что тибетская делегация участвовала в Учредительном собрании 1946 года и что она также присутствовала в Китайской Национальной ассамблее 1948 года. Это утверждение абсолютно ложно. Дзасак Кхемей Сонам Вангдо, бывший главой отправившейся в Китай делегации, сообщает: «В 1946 году тибетское правительство послало миссию доброй воли, возглавляемую дзасаком Ронгпел-лхуном, Тубтенон Сампхелом и мной, дзасаком Кхемей Сонам Вангдо, с помощниками, передать поздравления с победой Британии, Америке и руководству Гоминьдана; мы через Калькутту приехали в Нью-Дели и передали наши поздравления Британии и Америке через их послов; оттуда мы самолетом отправились в Нанкин и также переда-

ли поздравления. Из-за болезни и необходимости лечения мы задержались там на несколько месяцев. Затем мы объехали несколько провинций, а когда вернулись в Нанкин, там проходила большая Ассамблея. Мы посетили Ассамблею, чтобы понаблюдать за поведением Кхамбы и других тибетских эмигрантов, которые присутствовали на Ассамблее, якобы представляя Тибет. Но мы не признавали и не подписывали нового конституционного закона (Shenfa), который там принимался.

Что касается 1948 года, то представитель нашей миссии в Нанкине, а именно Кхандон Лосум, также посещал Китайскую Ассамблею как гость, но не как специальный представитель от Лхасы и также не признавал и не подписывал резолюцию Ассамблеи.

21. В 1947 году, после обретения Индией независимости, в ответ на письмо тибетского правительства правительство Индии сообщило следующее:

«Правительство Индии было бы счастливо получить заверения в том, что в намерения тибетского правительства входит продолжение отношений на существующей базе, до тех пор, пока не будут достигнуты новые соглашения на тех основаниях, которые пожелают утвердить стороны. Этот протокол принят всеми теми странами, договорные отношения с которыми Индия унаследовала от правительства Ее Величества.»

22. С 1912 года и до подписания «Соглашения из 17 пунктов» 23 мая 1951 года Тибет продолжал вести свою иностранную политику без консультации с какими-либо внешними силами. Тибетские делегации в 1946 и в 1948 годах путешествовали только с тибетскими паспортами.

23. Мистер Х. Е. Ричардсон, руководивший британской, а позже индийской миссией в Лхасе, заявил Комитету по расследованию в Тибете, назначенному Международной комиссией юристов, что «обязанности ответ-

ственного служащего британской и позже индийской миссии в Лхасе после 1936 года состояли в ведении дипломатических дел между его правительством и правительством Тибета» (с. 146 отчета, озаглавленного «Тибет и Китайская Народная Республика»).

24. Вышеупомянутых фактов должно быть достаточно для того, чтобы показать, что Тибет был полностью независим. Тем не менее, поскольку в последний год возникли сомнения относительно статуса моей страны, возможно, будет полезно упомянуть и следующие факты.

25. Сэр Эрик Тейчмен писал в «Affairs of China»: «С тех пор (1912) никаких следов власти Китая не оставалось и не возникало вновь в управляемом Лхасой Тибете. В течение более чем двадцати лет он (Тринадцатый Далай-лама) управлял как неоспоримый глава независимого Тибета, поддерживая внутренний мир и порядок и сохраняя близкие и тесные отношения с правительством Индии».

26. В 1928 году сэр Чарльз Белл в «The People of Tibet» указывал, что власть Китая в Тибете закончилась.

27. М. Амари де Ринко, после посещения Тибета в 1947 году, утверждает: «Тибет - самоуправляемая во всех отношениях страна, независимый народ».

28. Цзун Лин-шень и Шень Чи-лю, бывшие членами китайской миссии в Лхасе, сообщают: «С 1911 года Лхаса во всех практических вопросах обладает полной независимостью». В доказательство этого они упоминают, что Тибет обладает собственными валютой и таможней, телеграфом и почтовой службой, и собственным государственным аппаратом, не связанным с китайским, а также собственной армией.»

29. В 1950 году, когда было рассмотрено предложение Сальвадора внести вопрос о вторжении в Тибет в повестку дня Генеральной Ассамблеи, Джем Сахеп из

Наванагара, полномочный представитель Индии, сообщил, что его правительство намерено тщательно изучить проблему, касающуюся вторжения в Тибет иностранных сил, поднятую по предложению Сальвадора для вынесения на повестку дня Генеральной Ассамблеи. Это вопрос жизненных интересов и для Китая, и для Индии. Комитет получил заверение, что Индия, будучи соседом и Китая, и Тибета и поддерживая с обоими дружеские отношения, является страной, наиболее заинтересованной в разрешении проблемы. И именно потому правительство Индии в особенности желало бы мирного решения (A/BUR/SR. 73, Page 19).

30. Утверждение Китая о сюзеренитете над Тибетом основано на Конвенции 1907 года, заключенной между Великобританией и Россией. Следует указать, что Тибет не принимал участия в этой Конвенции и не имеет никаких обязательств по этой Конвенции.

31. Как глава правительства Тибета я утверждаю, что случившееся 7 октября 1950 года было откровенным актом агрессии против моей страны со стороны Китая.

32. Тибетское правительство просило помощи у Организации Объединенных Наций. Вследствие разгрома тибетской армии и после того, как попытки тибетского правительства получить помощь от Организации Объединенных Наций потерпели неудачу, мы были вынуждены направить в Пекин делегацию. Делегацию 23 мая 1951 года заставили подписать документ, ныне известный как «Соглашение из 17 пунктов».

33. События, происходившие с того момента и до моего отъезда из Тибета в марте 1959 года, слишком хорошо известны, чтобы перечислять их подробно. И до сих пор беженцы, практически, ежедневно прибывают в Непал, Бутан, Сикким и Индию. Количество беженцев - 43500. По сообщениям беженцев, притеснения и всеоб-

ший террор, о которых я сообщал Вам в письме в прошлом году, и в этом году не становятся меньше.

34. В связи с этим позвольте привлечь внимание Организации Объединенных Наций к прекрасным отчетам по тибетскому вопросу, опубликованным Международной комиссией юристов. Во втором отчете уважаемая Комиссия, тщательно исследовавшая проблему, пришла к выводу, *inter alia*, что китайские власти виновны в геноциде в значении, принятом Конвенцией по геноциду. Я верю, что Организация Объединенных Наций тщательно изучит факты, на которых основан этот вывод, и примет надлежащие меры, чтобы решить проблему. Геноцид, даже не подпадающий под определения Конвенции по геноциду, был признан как преступление против международных законов.

35. В результате полного нарушения [Китайской стороной] всех значимых договорённостей «Соглашения из 17 пунктов» Национальная ассамблея Тибета (состоящая из должностных лиц и представителей общественности, - в основном из представителей общественности) признала недействительным это Соглашение, имея на то полное право, и восстановила независимость Тибета - 10 марта 1959 года.

36. В Тибете продолжается борьба против оккупантов и угнетателей. Я обращался к Организации Объединенных Наций в прошлом году и я обращаюсь к ней снова, в надежде, что Объединенные Нации примут надлежащие меры, чтобы заставить Китай прекратить агрессию. На мой взгляд, никакие другие меры не принесут большой помощи моей стране, где паровой каток коммунистов ежедневно крушит свободу моего народа.

37. Прошу Ваше Превосходительство представить это обращение Объединенным Нациям.

Далай-лама

РЕЗОЛЮЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН ОТ 21.10.1959

«Генеральная Ассамблея,

основываясь на принципах и правах человека, зафиксированных в Уставе ООН и во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей 10 декабря 1948 года,

полагая, что основные человеческие права и свободы, на которые народ Тибета имеет право претендовать наряду со всеми другими, включают право на гражданские и религиозные свободы для всех, без каких-либо ограничений,

зная о выдающемся культурном и религиозном наследии народа Тибета и об автономии, которой он традиционно пользовался,

будучи чрезвычайно озабоченной сообщениями, включая официальные заявления Его Святейшества Далай-ламы, о насильственном лишении народа Тибета основных прав и свобод,

сожалея о влиянии этих событий на нарастание международного напряжения и ухудшение отношений между народами в то время, когда, честные и ответственные лидеры делают всё возможное для уменьшения этого напряжения и улучшения международных отношений, -

1) *подтверждает своё убеждение*, что уважение принципов Устава ООН и Всеобщей декларации прав человека остаётся существенным для мира во всём мире, основанном на господстве законности;

2) *призывает* к уважению основных прав тибетского народа на свою самостоятельную культурную и религиозную жизнь.»

834-е пленарное заседание. 21 октября 1959 года.

ТИБЕТСКИЙ ВОПРОС

РЕЗОЛЮЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ.
ШЕСТНАДЦАТАЯ СЕССИЯ (1961)

На основе резолюции по тибетскому вопросу 1353 (XIV) от 21 октября 1959 года,

испытывая серьезное беспокойство по поводу того, что в Тибете продолжается нарушение основных прав человека по отношению к тибетскому народу, запрещение собственной культурной и религиозной жизни, традиционно присущей тибетскому народу,

отмечая с глубокой тревогой суровые тяготы, которые выносит из-за этих событий тибетский народ, о чём свидетельствует массовый исход тибетских беженцев в соседствующие страны,

принимая во внимание, что эти события грубо нарушают основные права и свободы человека, закрепленные в Хартии Объединенных Наций и во Всеобщей декларации прав человека, включая право на самоопределение народов и наций, и вызывают прискорбный эффект усиления международной напряженности и ухудшают взаимоотношения между нациями, -

1) *подтверждаем* уже высказанное заявление о том, что уважение к принципам Хартии и Всеобщей декларации прав человека чрезвычайно важно для развития мирового порядка, основанного на праве и законе;

2) *официально повторяем* призыв к прекращению действий, которые лишают тибетский народ его основных человеческих прав и свобод, включая право на самоопределение ;

3) *выражаем надежду*, что страны, входящие в ООН, предпримут все возможные усилия к тому, чтобы достичь целей, на которые направлена данная резолюция.

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ МИРА

С самого утра, стоит нам включить радиоприёмник или развернуть свежую газету, на нас обрушивается поток печальных новостей: насилие, преступления, войны и катастрофы. Не могу припомнить и дня, когда бы не поступило сообщений о каком-нибудь страшном происшествии на Земле. Становится очевидным, что даже в наши дни драгоценная жизнь каждого человека вовсе не находится в безопасности. На долю ни одного из предшествующих поколений не выпадало столько плохих вестей, как нам: это постоянное чувство страха и напряжённости способно заставить любого чуткого и сострадающего человека всерьёз усомниться в поступательном развитии современной цивилизации.

Ирония заключается в том, что более острые проблемы наблюдаются в более развитых в промышленном отношении странах. Наука и техника совершили чудеса в различных областях жизни, однако главные проблемы людей остаются нерешёнными. Сейчас очень высок уровень грамотности, но всеобщее образование не смогло, как видно, поднять уровень нравственности, а вместо этого лишь усилилось душевное беспокойство и неудовлетворенность. Несомненны достижения в сфере материального прогресса и техники, однако этого оказывается недостаточно, раз мы до сих пор не смогли утвердить на Земле мир и счастье или положить конец страданиям людей.

Мы можем лишь прийти к выводу, что в поступательном развитии нашего общества, видимо, есть какие-то серьезные издержки, и если мы вовремя не остановим

эти негативные явления, то они могут иметь катастрофические последствия для будущего всего человечества. Я вовсе не против науки и техники, они внесли огромный вклад в общий процесс развития человечества, в материальный комфорт и благосостояние и в наше растущее понимание мира вокруг нас. Однако если мы будем делать слишком большой упор на развитие науки и техники, то мы рискуем утратить те стороны человеческого познания и понимания, которые ведут к честности и альтруизму.

Наука и техника, с помощью которых возможно создание безграничного материального комфорта, при всём том не могут заменить те вечные духовные и гуманистические ценности, которые в основном определяли развитие мировой цивилизации во всех её известных на сегодня национальных формах. Никто не может отрицать неслыханной материальной пользы от науки и техники, но наши главные человеческие проблемы остаются неразрешёнными, мы по-прежнему сталкиваемся с теми же, если не большими, страданиями, страхами и стрессами. Поэтому вполне логично попытаться установить равновесие между прогрессом в материальной сфере, с одной стороны, и развитием духовных, общечеловеческих ценностей - с другой. Для того чтобы осуществить это важнейшее согласование, нам надо возродить наши гуманистические ценности.

Я уверен, что многие разделяют мою озабоченность по поводу нынешнего мирового кризиса нравственности и присоединятся к моему призыву ко всем гуманистам и верующим, разделяющим эту озабоченность, помочь сделать наше общество более сострадательным, честным и справедливым. Я выступаю здесь не как буддист и даже не как тибетец. Не выступаю я и как эксперт по международной политике (хотя и неизбежно затраги-

ваю эти проблемы). Скорее, я говорю просто как человек, как защитник гуманистических ценностей, лежащих в основе не только буддизма махаяны, но всех великих мировых религий. С этих позиций я хочу поделиться с вами своими личными взглядами, которые сводятся к следующему:

1) для решения общечеловеческих проблем необходим всеобщий гуманизм;

2) сострадание - это опора мира на Земле;

3) все мировые религии уже выступают за мир на Земле, как и все гуманисты, независимо от их идеологических убеждений;

3) каждый человек разделяет всеобщую ответственность за формирование общественных институтов и организаций, призванных способствовать разрешению общечеловеческих проблем.

РЕШЕНИЕ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ПУТЁМ ИЗМЕНЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Среди множества проблем, с которыми мы сегодня сталкиваемся, часть относится к разряду стихийных бедствий, - их нужно принимать выдержанно и спокойно. Но другие проблемы мы порождаем сами собственными заблуждениями, и они могут быть устранены. К таковым относятся трудности, возникающие из-за противоборства идеологических принципов - политических или религиозных, когда люди вступают в конфликт друг с другом ради своих узких интересов, забывая о той первооснове человечности, которая связывает всех нас в единую общечеловеческую семью. Мы обязаны помнить, что различные религии, идеологии и политические системы мира предназначены для того, чтобы люди могли стать счастливыми. Мы не должны упус-

кать из виду эту основополагающую цель и никогда не должны ставить средства выше цели: всегда следует сохранять приоритет человечности над материальными интересами и идеологией.

Еще большая опасность, подстерегающая человечество - а фактически, и всех живых существ на нашей планете, - это угроза ядерного уничтожения. Нет необходимости подробно останавливаться на этой теме, но я хотел бы обратиться ко всем лидерам ядерных держав, которые буквально держат в руках будущее всей Земли, к ученым и инженерам, которые продолжают создавать эти страшные орудия разрушения, и вообще ко всем людям, которые могут оказать влияние на своих лидеров, с призывом проявить благоразумие и приложить усилия для принятия мер по демонтажу и уничтожению всего ядерного оружия. Мы знаем, что в ядерной войне не будет победителей, ибо в живых не останется никого! Разве не ужасна сама мысль о таком бесчеловечном и варварском истреблении? И не логично ли будет устранить причину нашего собственного уничтожения, раз уж мы знаем эту причину и располагаем как временем, так и средствами, чтобы это сделать? Зачастую мы не можем решить какие-то проблемы, потому что либо не знаем их причин, либо, зная причины, не располагаем средствами к их устранению. С угрозой ядерной войны дело обстоит иначе.

Все живые существа, независимо от того, относятся ли они к более развитому биологическому виду, как люди, или к более простому виду, как животные, изначально стремятся к миру, покою и безопасности. Жизнь так же дорога бессловесному животному, как и любому человеку; даже простейшее насекомое ищет укрытие от опасностей, угрожающих его жизни. Каждый из нас хочет жить и не хочет умирать, то же относится и ко

всем другим созданиям во Вселенной, хотя насколько они способны осуществить это - вопрос другой.

Вообще говоря, счастье и страдание бывают двоякого рода: душевные и физические, и я думаю, страдание и счастье *душевные* острее физических. По этой причине я подчеркиваю необходимость тренировки ума, чтобы уметь переносить страдания и достичь более прочного счастья. Но у меня есть и более общее и конкретное представление о счастье - это сочетание мира внутри нас, экономического благоденствия и, самое главное, мира на Земле. Чтобы достичь этих целей, я убежден, необходимо укреплять чувство *всеобщей ответственности*, глубокой озабоченности судьбой всех людей, независимо от их вероисповедания, цвета кожи, пола или национальности.

Эта идея всеобщей ответственности исходит из той простой мысли, что, в общем, желания всех других людей такие же, как и мои собственные. Каждое живое существо хочет счастья и не хочет страданий. Если мы, будучи разумными существами, не признаем этого, то страданий на нашей планете будет становиться все больше и больше. Если мы будем ко всему относиться с эгоцентристских позиций, будем стремиться использовать других в своекорыстных целях, то, возможно, мы и добьемся для себя временных выгод, но в конечном счёте мы не достигнем даже личного счастья, не говоря уже о мире во всём мире.

Люди шли в поисках счастья разными путями, и слишком часто пути эти были жестокие и отвратительные. Совершая абсолютно неподобающие человеку поступки ради своей личной выгоды, люди причиняют страдания своим ближним и другим живым существам. В конце концов такие недалёковидные поступки причиняют страдания как самому человеку, так и другим. Ро-

даться именно человеком - само по себе необычайное событие, поэтому разумно было бы воспользоваться этой возможностью как можно более эффективно и умело. У нас должен быть правильный взгляд на жизнь, понимание всеобщности жизненного процесса, в котором счастье или слава одного человека или группы людей не могут быть достигнуты за счёт других.

Всё это требует нового подхода к мировым проблемам. Наш мир становится всё меньше и меньше - и всё более и более взаимозависимым - в результате ускорения технического прогресса и развития международной торговли, а также расширения связей между народами. Мы сейчас очень сильно зависим друг от друга. Если в древние времена проблемы ограничивались в основном рамками семьи и, естественно, решались на семейном уровне, то теперь положение изменилось. Сегодня мы настолько взаимозависимы, так тесно связаны друг с другом, что без чувства всеобщей ответственности, чувства всеобщего братства, а также понимания и убеждённости в том, что мы действительно являемся частью одной большой *общечеловеческой* семьи, мы не можем надеяться преодолеть опасности, ставящие под угрозу само наше существование, - не говоря уже про мечту о мире и счастье.

Ни один народ уже не в состоянии сам удовлетворительно решить свои проблемы: слишком многое зависит от интересов других народов, отношений и сотрудничества с ними. Единственной прочной основой мира на Земле представляется всеобщий гуманистический подход к мировым проблемам.

Что это означает? Мы исходим из признания того, о чём уже говорилось, - что все живые существа хотят счастья и не хотят страданий. И поэтому стремление к своему личному счастью невзирая на чувства и чаяния окружающих нас людей - таких же, как и мы, членов

общечеловеческой семьи - представляется ошибочным с нравственной точки зрения и неразумным с чисто практической стороны. В поисках своего личного счастья разумнее было бы думать и о других. Это приведёт к тому, что я называю «разумной личной заинтересованностью», которая, можно надеяться, перерастёт в «ограниченную личную заинтересованность» или, ещё лучше, во «взаимную заинтересованность».

Несмотря на то, что растущая взаимозависимость разных стран, по-видимому, будет создавать более благоприятную атмосферу для сотрудничества, до тех пор, пока одни люди остаются безразличными к чувствам и бедам других людей, трудно достичь духа истинного сотрудничества. Если людьми движут, в основном, алчность и зависть, они не смогут жить в согласии. Нравственный подход, быть может, и не решит всех политических проблем, порождённых нынешним эгоцентристским подходом, но в конечном счёте он устранит сам корень наших сегодняшних проблем.

С другой стороны, если человечество будет продолжать решать свои проблемы с учётом лишь сиюминутных потребностей, то будущие поколения столкнутся с невероятными трудностями. Население Земли всё увеличивается, а природные ресурсы быстро истощаются. Взять, к примеру, деревья. Никто точно не знает, насколько пагубное влияние окажут массовые вырубki лесов на климат, почву и в целом на мировую экологию.

Мы сталкиваемся с трудностями по той причине, что руководствуемся лишь своими сиюминутными, корыстными интересами и не думаем о нашей общей человеческой семье, не думаем о Земле и не заботимся о дальнейших последствиях для жизни на Земле в целом. Но если наше поколение не будет думать об этом, то следующие поколения могут с ними уже не справиться.

СОСТРАДАНИЕ КАК ОПОРА МИРА НА ЗЕМЛЕ

Согласно буддийской психологии, большинство наших бед вызвано тем, что мы ошибочно принимаем мимолётное за непреходящее, привязываемся к нему и испытываем страстное желание обладать им. Погоня за объектами нашего желания и привязанность к ним приводят к проявлению духа агрессивности и соперничества как якобы действенных средств к достижению цели. Умонастроения эти легко переходят в дела, порождая как очевидное следствие - воинственность. Такие умонастроения были свойственны человеку с незапамятных времён, однако результаты претворения их в жизнь стали в современных условиях более ощутимыми. Что же мы можем сделать, чтобы противодействовать этим «ядам» - заблуждению, алчности и агрессивности? Ведь именно эти «яды» стоят почти за всякой бедой на Земле.

Как человек, воспитанный в традициях буддизма махаяны, я убеждён, что нравственная ткань мира на Земле - это любовь и сострадание. Разрешите мне сначала пояснить, что я понимаю под состраданием. Когда мы чувствуем жалость или сострадание по отношению к очень бедному человеку, мы выражаем сочувствие тому, что он беден. Наше сострадание при этом основано на альтруизме. С другой стороны, любовь к жене, мужу, детям или близкому другу обычно основывается на привязанности. Когда меняется наша привязанность, это сказывается и на нашей доброте, которая может вообще исчезнуть. Это не есть истинная любовь. Настоящая любовь основана не на привязанности, а на альтруизме. В этом случае наше сострадание останется чело- вечным откликом на страдание до тех пор, пока живые существа продолжают страдать.

Именно такое сострадание мы и должны воспитывать

в себе, развивая его от самого малого до безграничного. Беспристрастное, произвольное и безграничное сострадание ко всем живым существам - это, очевидно, не та обычная любовь, которую человек питает к друзьям или семье, то есть любовь, смешанная с неведением, страстью и привязанностью. Та любовь, которую нам надо отстаивать, - шире; она может распространяться даже на того, кто причинил нам вред, то есть на нашего врага.

Логические соображения в пользу сострадания основываются на понимании того, что каждый из нас хочет избежать страданий и достичь счастья. Это понимание, в свою очередь, основывается на реальном восприятии собственного «я», которое определяет всеобщее стремление к счастью. Действительно, все существа рождаются со схожими желаниями и должны иметь равные права для их исполнения. Если я буду сравнивать себя с другими людьми, которым несть числа, я пойму, что они *более* значимы, ибо я один, а их много. Кроме того, традиция тибетского буддизма учит нас видеть во всех живых существах наших дорогих матерей и выражать всем им нашу благодарность своей любовью. Ибо, согласно теории буддизма, мы рождаемся и перерождаемся бессчётное число раз, и вполне допустимо, что каждое существо было нашей матерью в то или иное время. В этом смысле все существа во Вселенной связаны между собой семейными узами.

Независимо от отношения к религии, каждому дороги любовь и сострадание. С самого первого мгновения нашего рождения мы окружены заботой и любовью наших родителей; позднее, сталкиваясь в жизни с болезнями и старостью, мы снова полагаемся на милосердие других людей. Если в начале и в конце нашей жизни мы зависим от добрых чувств других людей, почему же в

середине нашей жизни нам не относиться к ним по-доброму?

Воспитание добросердечности (чувства близости ко всем людям) не связано с религиозностью, которая обычно ассоциируется с традиционной религиозной практикой. Это долг не только верующих, но всех людей, независимо от расовой, религиозной или политической принадлежности. Это долг каждого человека, который считает себя прежде всего членом общечеловеческой семьи и смотрит на вещи шире и глубже. Это всесильное чувство нам следует воспитывать в себе и прилагать в жизни; мы же часто пренебрегаем им, особенно в наши лучшие годы, испытывая ложное чувство безопасности.

Если мы будем исходить из широких мировоззренческих позиций, а именно из понимания того, что все хотят достичь счастья и избежать страданий, и будем помнить о нашей незначительности по сравнению с бесчисленным числом других людей, то придем к выводу, что имеет смысл делиться нашим достоянием с другими. Именно в результате воспитания в себе таких взглядов может появиться истинное чувство сострадания - истинная любовь и уважение к другим людям. И тогда личное счастье перестает быть целью сознательных и своекорыстных усилий; куда большего счастья можно достичь, просто любя других и помогая им.

Еще один результат духовного развития - и очень полезный в повседневной жизни - это обретаемое спокойствие и присутствие духа. В нашей жизни постоянно происходят изменения, и это влечет за собой многочисленные трудности. Проблемы могут быть успешно решены, если ум спокоен и ясен. Напротив, если мы теряем контроль над собой из-за ненависти, своекорыстия, ревности и гнева, то мы теряем способность трезво оце-

нивать происходящее. Наш ум ослеплен, и в эти мгновения безумия может произойти все, что угодно, включая войну. Таким образом, сострадание и благоразумие полезны всем, и особенно тем, кто отвечает за управление государственными делами, в чьих руках находится власть и все возможности для устройства мира на Земле.

РЕЛИГИИ МИРА ЗА МИР НА ЗЕМЛЕ

Рассмотренные выше принципы согласуются с этическими учениями всех мировых религий. Я утверждаю, что все основные религии мира - буддизм, христианство, конфуцианство, индуизм, ислам, джайнизм, иудаизм, сикхизм, даосизм, зороастризм - проповедуют схожие идеалы любви, имеют одно и то же назначение - приносить помощь человечеству посредством духовной практики и стремятся к одинаковой цели - сделать своих последователей лучше. Все религии дают наставления для самосовершенствования. Все религии учат нас не лгать, не воровать, не убивать и т. п. Все нравственные наставления, сформулированные великими учителями человечества, направлены на воспитание бескорыстия. Великие учителя хотели увести своих последователей от дурных деяний, порождаемых невежеством, и направить их на путь добродетели.

Все религии мира одинаково признают необходимость обуздания недисциплинированного ума, в котором гнездятся эгоизм и прочие корни бед, и каждая религия указывает путь, ведущий к такому духовному состоянию, для которого характерны умиротворенность, дисциплина, нравственность и мудрость. Именно в этом смысле я считаю, что все религии проповедуют, в сущности, одно и то же. Различия в догматах можно отнести на счет различий во времени и обстоятельствах, а также в культурных традициях; на деле же, если мы

коснёмся чисто метафизического аспекта религии, то обнаружим бесконечные академические споры. Однако гораздо полезней попытаться приложить в повседневной жизни общие принципы добродетели, проповедуемые всеми религиями, нежели спорить из-за второстепенных различий в подходах.

Существует много разных религий, назначение которых - дать человечеству утешение и счастье, подобно тому, как существуют разные способы лечения различных заболеваний, ибо все религии стремятся по-своему помочь живым существам избежать невзгод и стать счастливыми. И хотя у нас могут быть причины для предпочтения одних толкований религиозных истин другим, всё же у нас есть куда более весомая причина для единства, произрастающая из глубин человеческого сердца. Каждая религия действует по-своему, дабы уменьшить страдания людей и способствовать развитию мировой цивилизации. Суть дела не в обращении в свою религию. К примеру, я не думаю о том, чтобы обращать других людей в буддизм, или о том, чтобы просто пропагандировать буддизм. Скорее, я пытаюсь думать о том, как я, будучи буддийским гуманистом, могу способствовать обретению людьми счастья.

Указав на основополагающее сходство религий мира, я не пропагандирую какую-либо одну религию в ущерб всем остальным, не пытаюсь основать и новую «мировую религию». Все многообразие религий мира нужно для того, чтобы обогащать человеческий опыт и мировую цивилизацию. Ум человеческий, многообразный по своей широте и склонностям, требует и разных подходов к миру и счастью. Это, буквально, как с пищей. Одни люди находят более привлекательным христианство, другие предпочитают буддизм, так как в нем нет Творца и всё зависит от наших собственных поступков.

Можно привести подобные доводы и в пользу других религий. Идея, таким образом, ясна: человечеству нужны все религии мира, отвечающие образу жизни, различным духовным потребностям и унаследованным национальным традициям отдельных людей.

Именно с этих позиций я приветствую предпринимаемые в различных частях света усилия, направленные на улучшение взаимопонимания между религиозными течениями. Потребность во взаимопонимании особенно насущна сейчас. Если все религии ставят своей главной целью совершенствование человечества, то они вполне могут гармонично сотрудничать на благо мира на Земле. Межконфессиональное взаимопонимание приведёт к единству, которое необходимо всем религиям для сотрудничества. Однако, несмотря на то, что это действительно очень важный шаг, мы не должны забывать, что не существует быстрых и легких решений. Мы не можем отбросить различия в доктринах, существующие между различными вероисповеданиями, и не можем уповать на то, чтобы заменить существующие религии на новую всеобщую веру. Каждая религия вносит свой особый вклад в общее дело и каждая из них по-своему подходит каждой конкретной группе людей с их пониманием жизни. Нашему миру нужны они все.

Две первостепенные задачи стоят перед религиозными людьми, озабоченными сохранением мира на Земле. Во-первых, мы должны способствовать улучшению межконфессионального взаимопонимания, чтобы достичь приемлемого уровня согласия среди всех религий. В частности, решению такой задачи может способствовать уважение к вере других и особое выделение нашей общей заботы о благе человечества. Во-вторых, мы должны выработать общую позицию по отношению к основным духовным ценностям, которые затрагивают сердце

каждого человека и служат счастьем всех людей. Это значит, что мы должны обратить особое внимание на общий знаменатель всех мировых религий, а именно: на гуманистические идеалы. Две эти ступени подвигнут нас как на личные, так и на совместные действия в целях создания необходимого духовного климата для обеспечения мира на Земле.

Мы, приверженцы различных религий, сможем сотрудничать на благо мира на Земле, если будем видеть в разных религиях действенное средство воспитания чувств добра, любви и уважения к другим, то есть истинного чувства общности. Самое главное - это помнить о предназначении религии, а не углубляться в теологические или метафизические тонкости, которые могут привести лишь к простому умствования. Я верю, что все основные религии мира могут внести вклад в дело мира на Земле и сотрудничать на благо человечества, если мы перестанем вдаваться в обсуждение частных метафизических различий, которые, конечно же, являются внутренним делом каждой религии.

Несмотря на растущую секуляризацию общества, вызванную общемировым процессом модернизации, и вопреки систематическим попыткам в некоторых частях света разрушить сохранённые духовные ценности, огромное большинство человечества продолжает верить в то или иное религиозное учение. Неумирающая вера людей, которая проявляется даже в условиях нерелигиозных политических систем, ясно демонстрирует силу, заключённую в религии как таковой. Эту духовную энергию и силу можно сознательно направить на создание такого нравственного климата, который нужен для обеспечения мира на Земле. И религиозные лидеры и гуманисты всего мира должны сыграть в этом особую роль.

Независимо от того, сумеем ли мы достичь мира на Земле или нет, у нас нет иного выбора, кроме как трудиться ради этой цели. Если нашим сознанием будет управлять гнев, мы утратим лучшее в человеческом интеллекте - мудрость, то есть способность различать добро и зло. Гнев - это одна из самых серьёзных проблем современного мира.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАЖДОГО ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИЙ

Гнев играет немалую роль в современных конфликтах, например на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии или в урегулировании проблемы Север - Юг и т.д.

Ведь эти конфликты возникают из-за неспособности людей осознать нашу общую принадлежность к человеческому роду. Конфликты могут быть разрешены не созданием средств уничтожения и применением большей военной силы и не гонкой вооружений. Решение не может быть ни чисто политическим, ни чисто техническим. Оно, по сути своей, должно быть нравственным - в том смысле, что нам необходимо чёткое понимание нашего общечеловеческого положения. Ненависть и борьба не могут принести счастья никому, даже победителям сражений. Насилие всегда порождает страдания и, таким образом, всегда приводит к обратным результатам. Поэтому настало время для руководителей разных стран мира научиться выходить за рамки различий в национальности, культурных традициях и идеологии и видеть друг друга в свете общечеловеческой ситуации. Такая позиция пойдёт на благо отдельных лиц, групп людей, народов и всего мира в целом.

Нынешняя напряжённость в мире более всего порождена противостоянием Восточного и Западного блоков, возникшим со времён второй мировой войны. Оба

эти блока стремились представить друг друга в совершенно неприглядном виде. Эта длительная неразумная борьба проистекала из-за отсутствия взаимной благожелательности и уважения людей друг к другу как к своим собратьям. Жителям стран Восточного блока следовало бы умерить свою ненависть к странам Западного блока, потому что в Западном блоке тоже живут люди: мужчины, женщины и дети. Точно так же и людям в странах Западного блока следовало бы умерить свою ненависть к Восточному блоку, который тоже состоит из людей. Ключевую роль в деле преодоления взаимной ненависти могут сыграть лидеры обоих блоков. Но прежде всего они должны осознать, что и они, и другие принадлежат к человеческому роду. Без осознания этой основополагающей идеи не удастся сколько-нибудь значительно уменьшить организованную ненависть.

Если бы, например, руководитель Соединённых Штатов Америки и руководитель Союза Советских Социалистических Республик вдруг встретились друг с другом на необитаемом острове, то они, я уверен, искренне отнеслись бы друг к другу как два родственных существа. Однако стена взаимного подозрения и непонимания разделяет их, как только они предстают как «Президент США» и «Генеральный секретарь ЦК КПСС». Более человечные контакты в виде неформальных продолжительных встреч, без всякой повестки дня, улучшили бы взаимопонимание между ними, они бы научились относиться друг к другу чисто по-человечески и затем смогли бы попытаться решить международные проблемы в свете этого взаимопонимания. Никакие две стороны, особенно имея за спиной период длительного антагонизма, не смогут плодотворно вести переговоры в атмосфере взаимных подозрений и ненависти.

Я предложил бы руководителям государств встре-

чаться примерно раз в год в каком-нибудь живописном месте на отдыхе, просто для того чтобы узнать друг друга. Затем, позднее, они могли бы встретиться для обсуждения взаимных отношений между своими странами и общих мировых проблем. Я уверен, что многие люди разделяют мое желание, чтобы лидеры государств встречались за столом переговоров в атмосфере взаимного уважения и общечеловеческого понимания.

Для улучшения личных контактов между людьми во всём мире, по моему мнению, желательно больше поощрять развитие международного туризма. Кроме того, средства массовой информации, особенно в демократических странах, могут внести значительный вклад в дело обеспечения мира на Земле, уделяя больше внимания темам, которые представляют общечеловеческий интерес и напоминают об изначальном единстве человечества. Из-за возвышения на международной арене нескольких сильных держав не принимается во внимание и умаляется гуманистическая роль международных организаций. Я надеюсь, что это положение будет исправлено и все международные организации, в особенности Организация Объединённых Наций, будут более активно и эффективно работать на благо всего человечества, способствуя росту международного взаимопонимания. Воистину будет прискорбно, если эти несколько сильных государств будут продолжать использовать такие всемирные организации, как ООН, в своих односторонних интересах. ООН должна стать инструментом всеобщего мира. Все должны уважать эту международную организацию, так как ООН - единственный источник надежды для малых угнетённых стран, а следовательно, и для всей нашей планеты в целом.

Поскольку все страны сейчас экономически зависят друг от друга больше, чем когда-либо ранее, человечес-

кое взаимопонимание должно перешагнуть национальные границы и охватить всё международное сообщество в целом. И действительно, если мы не сможем создать атмосферу истинного сотрудничества, достижимую лишь с помощью сердечного взаимопонимания, а не угроз применения силы или её реального применения, то мировые проблемы будут лишь умножаться. Если людям в более бедных странах будет отказано в счастье, которого они желают и заслуживают, то они, естественно, будут испытывать неудовлетворённость и создадут проблемы для более обеспеченных стран. Если будет продолжаться навязывание людям социальных, политических и культурных структур вопреки их устремлениям, то едва ли удастся достичь мира на Земле. Однако, если каждый человек достигнет желаемого, мир наверняка восторжествует.

Как отдельный человек в каждой стране, так и любой, даже самый малый, народ должны иметь право на счастье и уважение со стороны других. Я не хочу сказать, что какая-то система лучше другой и всем следует её принять. Напротив, желательно многообразие политических систем и идеологий, которое согласуется с многообразием характеров в человеческом обществе. Такое многообразие способствует непрекращающимся поискам человеческого счастья. Поэтому каждому обществу на основе права на самоопределение должна быть предоставлена свобода развивать свою собственную политическую и социально-экономическую систему.

Достижение справедливости, гармонии и мира зависит от многих факторов. И мы должны рассматривать их не столько в свете ближайших результатов, сколько с точки зрения блага человечества в конечном счете. Я вполне осознаю, насколько огромна эта задача, но не вижу никакой альтернативы предложенному подходу,

основанному на общих гуманистических принципах. Людям разных стран не остается ничего другого, как заботиться о благополучии других народов, и не столько в силу своих гуманных воззрений, сколько потому, что это отвечает взаимным и долговременным интересам всех сторон. Понимание этой новой реальности выражается в появлении региональных или континентальных экономических организаций, вроде Европейского экономического сообщества (ЕЭС), Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и т. п. Я надеюсь, что будут появляться и новые подобные международные организации, особенно в тех регионах, где ещё не достигнут удовлетворительный уровень экономического развития и политической стабильности.

В нынешних условиях явно ощущается растущая потребность в человеческом взаимопонимании и чувстве всеобщей ответственности. Ради достижения этого нужно воспитывать в себе доброту души, ибо без неё мы не сможем достичь ни всеобщего счастья, ни прочного мира на Земле. Мир не создать на бумаге. Проповедуя всеобщую ответственность и всеобщее братство людей, мы должны помнить о том, что человечество организовано в отдельные структуры в форме национальных сообществ. Поэтому, исходя из реального положения дел, я считаю, что именно эти сообщества должны стать теми кирпичиками, из которых будет строиться здание мира на Земле.

Попытки построения более справедливого и равноправного общества предпринимались и в прошлом. Для борьбы с антиобщественными силами создавались организации с благородными программами. К сожалению, эти идеи были извращены из-за эгоизма. Сегодня более чем когда-либо мы наблюдаем, как нравственность и благородные принципы уступают место соображениям

личной выгоды, особенно в сфере политики. Одно из философских направлений предостерегает нас от любых занятий политикой вообще, так как политика стала синонимом безнравственности. Политика, лишённая этики, не повышает благосостояние людей, а жизнь, лишённая нравственности, низводит людей до уровня животных. Однако нельзя утверждать, что политика сама по себе «грязна». Скорее, средства нашей политической культуры извратили те высокие идеи и благородные помыслы, которые были направлены на улучшение положения людей. Естественно, верующие выражают свою озабоченность тем, что религиозные лидеры «ввязываются» в политику, так как они опасаются, что религия будет запятнана грязной политикой.

Я хочу усомниться в расхожем мнении, что для религии и этики нет места в политике и что верующим следует вести уединенную жизнь, подобно отшельникам. Такое представление о религии слишком односторонне, ему недостает правильного понимания отношений человека с обществом и роли религии в нашей жизни. Этика так же важна для политики, как и для религиозного деятеля. Отход политиков и правителей от нравственных принципов приводит к опасным последствиям.

Независимо от того, верим ли мы в Бога или в карму, нравственность является основой любой религии.

Такие человеческие качества, как нравственность, сострадание, порядочность, мудрость и т.д., лежали в основе всех цивилизаций. Эти качества следовало бы воспитывать и поддерживать в людях путём систематического нравственного просвещения в благоприятной социальной среде с целью созидания более гуманного мира. Качества, необходимые для построения такого мира, должны воспитываться в людях с самого начала, с детства. Мы не можем ждать, пока следующее поколе-

ние осуществит эту перемену, - *наше* поколение должно попытаться возродить главные человеческие ценности. Если и есть какая-то надежда, то - на будущие поколения, но лишь при том условии, что мы произведем коренные изменения в существующей системе образования во всем мире. Нам необходимо радикально изменить наше отношение ко всеобщим гуманистическим ценностям и претворять их на практике.

Мало выступать с громкими призывами остановить нравственное вырождение, нужно что-то для этого делать. Поскольку нынешние правительства не берут на себя такие «сугубо религиозные», как они считают, задачи, лидеры гуманистических и религиозных движений должны укреплять существующие гражданские, общественные, культурные, образовательные и религиозные организации для возрождения общечеловеческих и духовных ценностей. Там, где это необходимо, нам нужно создавать новые организации для достижения этих целей. Только действуя подобным образом, мы можем надеяться на создание более прочной основы для всеобщего мира.

Живя в человеческом сообществе, мы должны разделять страдания с нашими согражданами и проявлять сострадание и терпимость не только к тем, кто нам дорог, но и к нашим врагам. Это показатель нашей духовной силы. Мы должны показывать пример своими делами, ибо нельзя надеяться убедить других в ценности религии просто словами. Мы обязаны жить в соответствии с теми высокими принципами честности и самопожертвования, следования которым мы требуем от других. Высшей целью всех религий является служение благу человечества. Вот почему так важно, чтобы религия всегда использовалась для счастья и мира всех людей, а не просто для обращения других в свою веру.

Для религии не существует национальных границ. Народ или отдельный человек может и должен принять ту религию, которую находит благотворной для себя. Главное, чтобы каждый ищущий выбрал религию, которая ему более всего подходит. Однако принятие какой-либо религии не означает неприятия другой веры или отказа от своей общественной среды. Важно, чтобы верующие не отстранялись от своего общества; им следует продолжать жить в этой среде в гармонии с другими членами своего общества. Выйдя из своей общественной среды, человек не сможет приносить пользу другим, что, по сути, является главной целью религии.

В этой связи важно помнить о двух моментах - самоанализе и самокорректировке. Мы обязаны постоянно проверять свое отношение к другим людям, тщательно анализируя себя, и сразу же корректировать своё поведение, как только мы увидим, что поступаем неправильно.

И в заключение несколько слов о материальном прогрессе. Я слышал много нареканий на Западе по поводу материального прогресса, и вместе с тем, как ни парадоксально, именно он является предметом истинной гордости Западного мира. Не вижу ничего плохого в материальном прогрессе *как таковом*, но лишь при условии, что приоритет отдаётся *человеку*. Я твердо убеждён, что для решения человеческих проблем во всей их многомерности - нам необходимо сочетать и согласовывать экономическое развитие с духовным ростом.

Однако не следует заблуждаться насчёт возможностей такого прогресса. Несмотря на то, что материалистические знания в виде науки и техники внесли огромный вклад в благосостояние человечества, они не способны обеспечить прочного счастья. Например, в Америке, где достигнут, пожалуй, более высокий уровень технического развития, чем где-либо ещё, умственных и

душевных страданий по-прежнему очень много. Дело в том, что материалистические знания могут обеспечить лишь счастье, которое *зависит* от физических условий, но не способны дать человеку то счастье, которое происходит из внутреннего развития, *независимого от внешних факторов*.

Для возрождения общечеловеческих ценностей и достижения прочного счастья нам необходимо обратиться к общему гуманистическому наследию всех народов мира. Пусть это эссе будет напоминанием о настоятельной необходимости не забывать те общечеловеческие ценности, которые объединяют всех нас в единую семью людей на этой планете.

То, что на сердце всегда у меня, -
вечные неотступные думы
в строки статьи записал я - затем,
чтобы другие люди их знали.
Где бы ни встретился мне человек,
пусть чужеземец он, мне незнакомый,
радуюсь: «Близкого я повстречал!
Он из семьи человеческой нашей».
И отношение это - меня
в сердце питать заставляет сильнее,
глубже, чем раньше, чувство любви
и уваженья ко всем живущим.
Пусть неподдельное чувство моё
службу сослужит, хотя б небольшую,
для воцаренья на нашей Земле
мира и счастья - об этом молюсь я.
Пусть в этом мире людская семья
сможет достичь в отношеньях друг с другом
дружбы, гуманности и пониманья. -
Я непрестанно об этом молюсь.

К тем, кто не хочет страданий вовеки,
 к тем, кому дорого прочное счастье, -
 к вам я взываю от самого сердца,
к каждому обращаюсь с надеждой!

ИНДЕКС ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Авалокитешвара	18, 176
Австралия	230
Аджанта	153
Акшобхья	66
Амари де Ринко, М.	278
Амдо	12, 20, 21, 162, 163
Амдо Джакьюнг	12
Амдо Кесанг	20
Америка	75, 79, 196, 206, 212, 230, 269, 276, 298, 304
Ами-чхири	11, 16
Англия	73
Афганистан	52
Африка	237
Белл, Чарльз	278
Бенарес	153, 233
Бирма	52, 229
Бихар	248
Бодх-Гая	153, 233, 248
Бомту	192
Брахмапутра	143, 203
Британия	50, 52, 72-74, 79, 85, 140, 147, 230, 275, 276
Будда	7, 8, 13, 14, 18, 31, 39-43, 65-68, 74, 100, 112, 117, 118, 139, 142, 147-149, 153, 162, 199, 234, 237, 241, 247-252, 255, 256-259, 264
Булганин	

Бутан	29, 30, 52, 203, 230, 279
Вайшали	248
Вангдо	276
Ванчуг Церинг	201, 202
Варанаси	248
Великобритания	269, 275, 276, 279
Венгрия	142
Викрамашила	250
Вьетнам	230
Гадэн	29, 30, 37, 71
Гангток	146, 157
Ганди	8, 140, 147, 149, 156, 164
Гьянцзе	145, 158
Гаутама	247
Гелугпа	69
Гималаи	50, 69, 203, 222, 230, 231, 234
Говард, Дэвид	9
Гоминьдан	142, 276
Гонконг	265
Гридхракута	248
Гьело Тондуп	26, 151, 167
Гьянцзе	145, 158
Дам У-ма Тханг	29
Дарджилинг	196, 231
Дели	75, 119, 153-155, 157, 159, 160, 215, 222, 234, 265
Дельхаузи	231
Демар	266
Джаянти	139, 142, 143, 147-149
Джхора	215, 216
Дод Гунтханг	29
Докхам	11, 14, 19, 26, 36
Допху Чойкхор	205
Дордже Дадул	197
Дрепунг	29, 30, 37, 38, 71, 176, 275
Дри-чу	127, 265
Дрошей	214
Дурбар	147
Дхарамсала	223, 232, 233, 271, 273

Индия	5-7, 22, 30, 47, 50, 52, 53, 66, 69, 70, 72-75, 78-80, 84-86, 90, 101, 106, 111, 115, 117, 129, 135, 138-150, 152, 154, 156-160, 163, 165, 167, 184, 196, 202, 203, 205, 209, 211, 219, 220, 222, 223, 227, 229-234, 247, 249, 250, 260, 264, 265, 269, 271, 273, 274, 276-279
Ирландия	234, 237
Италия	75, 269
Калимпонг	50, 154, 156, 157, 262, 267
Камто	266
Карма Шар Цонг Ридро	12, 21, 253
Кармапа Ролби Дордже	12, 21, 126, 127
Карпо-ла	216
Кенраб Тензин	36
Кенчунг Тара	207
Керзон	70
Кецванг Римпоче	19, 21
Корея	129, 262
Кумар Махарадж	139, 146
Кумбум	13, 17, 19-21, 23, 26, 44, 82
Кунга Самтен	200
Кунку Меру	67
Кусунг Депон	171-173, 183, 184
Кхам	11, 59, 163, 266
Кхамба	277
Кхандон	277
Кхемей	276
Кьишонг	204
Лаго-ла	215
Ландарма	67, 249
Лин-мо	113
Литанг	135
Лобзан Ешей	201
Лобзан Самтэн	24, 25, 26, 27
Лобзан Таши	84, 96, 101
Лобзан Цеванг	19
Лосум	277
Лукхангва	98, 99
Лхалу	79, 80
Лхамо Лхацо	18

Лхаса 5, 18, 22, 23, 26-29, 36, 40, 44, 48-50, 53, 54, 56-58, 62, 66-71, 73, 76, 79-87, 90-95, 97, 103, 104, 107, 108, ПО, 111, 122, 123, 129, 131, 133-135, 139-143, 151-153, 155, 157-160, 162, 163, 165, 167, 169, 172-178, 180, 182, 184-190, 192, 195, 197, 202, 204-208, 211, 212, 219, 221, 264, 265, 267, 270, 276-278
 Лхатотори Ньенцен 65, 249
 Лхунце Дзонг 206, 209, 213
 Ман-манг 218, 219
 Мангсонг Мангцен 14
 МаоЦзэ-дун 91, 110-115, 118, 122, 123, 125, 151, 152, 154, 158, 223
 Маркхам 266
 Махабодхи 139, 141
 Махакала 176, 198, 199, 208
 Мекка 26
 Мисор 222-224, 231
 Монголия 52, 113, 128-130, 274
 Наванагар 279
 Надак Трилал 67
 Наланда 250
 Намгьялганг 202
 Намселинг 207
 Нангал 152
 Нанкин 276, 277
 Нартанг 6, 38, 42, 195
 Натху-ла 144, 145, 157, 158
 Нгабо, Нгаванг Жигме 80, 81, 86-89, 106, 123, 178, 181, 187-190, 193-195, 205, 208
 Непал 29, 30, 52, 53, 66, 79, 115, 230, 250, 263, 264, 271, 276, 279
 Неру 116, 117, 140, 143, 147, 149, 155, 156, 160, 220, 223
 Ниланг 276
 Норбулинка 18, 30, 44, 48, 49, 57, 91, 92, 103, 108, 131, 170-173, 175, 176, 179, 183-187, 189, 190, 192, 196, 197, 199, 200, 202, 207, 208
 Ньетри Ценпо 65
 Нью-Дели 146, 147, 265, 268, 276

Нэушар 177, 187
 Объединенное Королевство 75, 269
 ООН 5, 7, 76, 83, 85, 86, 224, 225, 229, 234, 235, 236, 237, 262, 266-268, 270-273, 279-282, 299
 Пагмодрубпа 68
 Падмасамбхава 66
 Пакистан 52, 229
 Панчен-лама 105-109, 112, 123, 132, 136, 141, 143, 151, 152, 214
 Пекин 7, 87, 88, 95, 103, 105, 106, 109, 112, 115-117, 119, 121, 122, 126, 128, 129, 143, 174, 201, 221, 279
 Пенджаб 271, 273
 Польша 142
 Потала 18, 30, 31, 44-46, 48, 49, 56, 57, 66, 189, 192, 197, 208, 213
 Прасад, Раджендра 147
 Пунцог Докьел 30, 33
 Пхакпала Кхечунг 178
 Пхалу 170
 Пхари 144, 145
 Пхемпо 14
 Раджгхат 147, 164
 Радхакришнан 147
 Рамэ 205, 207
 Раштрапати Бхаван 147
 Ретинг 29
 Римочеготью 266
 Ричардсон, Хью 29, 277
 Ронгпел-лхун 276
 Россия 52, 72, 122, 142, 279
 Сакья 68, 251
 Самдуб Пходранг 177, 178, 187, 205
 Сампхел 276
 Самье 67
 Сан-Сальвадор 237
 Санчи 153
 Сарит Танарат 272
 Сарнатх 153

Сахеб, Джем	278
Сваргашрам	271, 273
Сера	19, 20, 29, 30, 37, 38, 71, 208, 275
Сикким	
30, 52, 85, 139, 145, 146, 230, 233, 279	
Симла	74, 274, 275
Синин	13, 22, 105, 109, 122
Сиши Пунцок	30
Советский Союз	52, 298
Соединённые Штаты Америки	75, 79, 80, 147, 269, 298
Сонам Табге Казн	9, 276
Сронцен Гампо	65, 66
Суркхангва	177, 179, 182, 187
Сэчен	68
Тайвань	142
Таиланд	237, 273
Такцер	11, 12, 13, 15, 19, 24, 26, 125
Тан Гэ-ва	165
ТанКуан-сэнь	92, 167, 169, 180, 181, 184, 189, 190
Тара Лугонг	66, 112
Тауэр	47
Тачинлу	105
Таши Норбу	203
Ташилунпо	214
Тезпур	220, 222
Тейчмен, Эрик	278
Тенба Таргье	200
Тери	276
Тисронг Децен	66
Тобчу	27
Тонми Самбхота	66
Трацангла	27
Триде Цуктен	66
Тричжанг Римпоче	37, 126
Тубтен Гьяцо	17
Тубтен Джигме Норбу	24, 151, 167
Тунга	266
Тунку Абдул Рахман	272
Туркестан Восточный	52, 129, 130

Турция	52
Тушита	248
Фан Мин	98, 99, 110, 140, 144
Франция	75, 269
Фу	171
Хаммаршельд, Даг	271, 273
Харибхадра	37
Хо Лунг	154
Хрушев	116, 273
Цангпа	68
Цангпо	203, 204
Цекханг	54, 123
Церинг	201, 202
Цзин Жао-жень	158
Цзин Мин-и	144
Цзун Лин-шень	278
Цонго	146
Цонкапа	12, 68, 195
Цхаме	266
Чакпори	208
Чамдо	79-81, 83, 86, 123, 127, 128, 132, 135, 136, 266
Чан Кай-ши	82, 107, 225
Чан Син-гу	93
Ченрези	18, 64, 176
Чехословакия	235
Чжан Го-хай	92
Чжан Цзинь-у	90, 91, 94-99, 142, 153, 165
Чжан-у	НО
Чжово	66
Чжоу Энь-лай	87, 109, 114-116, 119, 150-157, 160, 165
Чжу Дэ	109, 110
Чогьял Пагпа	68
Чойкхоргьял	18
Чомдха дзонг	136
Чонге Риудечен	207, 210, 211
Чумбитханга	144
Чунга Римпоче	126
Чутангмо	218

Чхе-ла	203
Чхенье	206, 207
Чэн И	119, 120
Чэнду	105
Шакьямуни	66, 247, 248
Шантиракшита	66
Шаншунг	249
Шень Ци-лю	278
Шигацзе	143, 158
Шол	208
Шопануп	213
Шоу	189
Шунь Цы	69
Шэсур	177, 183, 187, 194
Эверест	50
Э-Чхудхогьянг	212, 213
Якало	266
Ямуна	147
Ярто Таг-ла	211, 213
Ятунг	84, 90, 143, 145, 158, 199

Далай-лама
Д 15   Моя страна и мой народ / Пер. А. Терентьева.—
СПб.: Нартанг, Corvus, 2000.— 320 с.

ISBN 5-7921-0308-9

Эта книга была написана Его Святейшеством Далай-ламой вскоре после бегства в 1959 году из оккупированного китайцами Тибета. В ней глава древнейшей мировой религии и, одновременно, правитель самой таинственной страны нашей планеты повествует о том, как и почему в нём распознали *перевоспложение* предыдущего Далай-ламы, о том, как он рос и обучался, как началось китайское вторжение и что произошло в Тибете после этого.

ББК 86.3

Далай-лама

Моя страна и мой народ

Ответственный редактор А. Терентьев
Редактор Г. Разумова
Технический редактор А. Голоушкин
Корректор Г. Разумова

Подписано к печати 29.02.2000. Гарнитура «Тайме».
Формат 60х84 '/,, Усл. печ. л. 20.
Печать офсетная. Тираж 2500. Заказ № 112

Издательство «Нартанг»
С.-Петербург, 191123, а/я 135.
E-mail: BuddhismOfRussia@MAILBOX.ALKOR.RU

Издательский дом «Корвус».
Лицензия ЛР № 066477 от 30.03.1999.
г. Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 1/44 «Б».
Электронный адрес: WWW.TF.RU,
E-mail: TERRAFAN@TF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Книга, которую Вы держите в руках, была продиктована Его Святейшеством Далай-ламой вскоре после бегства в 1959 году из оккупированного китайцами Тибета. Почти сразу её перевели на десятки языков, и этот по-человечески простой рассказ лидера древнейшей мировой религии и, одновременно, правителя самой таинственной страны нашей планеты о своей жизни и трагической судьбе тибетского народа уже стал классикой.

Далай-лама рассказывает о сравнительно счастливой жизни тибетцев до китайского вторжения, о том, как и почему в нём распознали перевоплощение предыдущего Далай-ламы, о том, как он рос и воспитывался.

Приняв в 16-летнем возрасте всю полноту духовной и светской власти, в начале китайской агрессии Далай-лама пытался ненасильственными методами спасти свой народ от геноцида, взывая к защите ООН и ведя переговоры с Мао Цзе-дуном. Позднее, руководя тибетским правительством в эмиграции, Его Святейшество, несмотря на ту кошмарную бойню, которую китайцы учинили в Тибете, продолжал следовать буддийским принципам ненасилия, и в 1988 году был удостоен Нобелевской премии мира.

К сожалению, и поныне, несмотря на компромиссный шаг Далай-ламы – согласие не требовать восстановления полной независимости Тибета – КНР отказывается от переговоров и продолжает в Тибете политику культурного геноцида.

Подробности о культуре, религии и современной ситуации в Тибете можно узнать в Центре Тибетской культуры и информации:

Москва, 103009, а/я 161.

Тел./факс: (095) 229 2414

Эл. почта: center@tibet.msk.ru